

Елена Боннэр
ЗВОНИТ
КОЛОКОЛ...



Елена Боннэр
**ЗВОНИТ
КОЛОКОЛ...**

ГОД БЕЗ АНДРЕЯ САХАРОВА

ПИК
МОСКВА

Елена Боннэр

**ЗВОНИТ
КОЛОКОЛ...
ГОД БЕЗ АНДРЕЯ САХАРОВА**

**ГИК
независимое издательство
МОСКВА
1991**

Художник
МАРАТ ЗАКИРОВ

ISBN 5-7358-0006-X

© Независимое издательство ПИК, 1991
© Оформление М. Закирова

КОМУ НУЖНЫ МИФЫ?

Странная создалась ситуация. Я все время кого-то обижаю. Сначала правительственную комиссию — отказавшись от прощания в Колонном зале и похорон на Новодевичьем. Потом самого Андрея Дмитриевича, разрешив везти гроб с его телом в президиум Академии. Там обидела Горбачева, посоветовав для увековечения памяти не вешать мемориальные доски, а зарегистрировать не зарегистрированный на тот момент «Мемориал» и реабилитировать узников совести 70—80-х годов. Потом, очевидно, многих честных людей, сказав Михаилу Сергеевичу, что мне его жаль: он потерял единственного честного оппонента.

На девятый день после смерти Сахарова обидела его старшую дочь за какие-то ее не стоящие того слова. На самом деле не за них, а за то, что пришла с человеком, которому Андрей Дмитриевич дал пощечину и выгнал из дома. Так что Н. Яковлев, писавший свои пасквили в центральных изданиях во времена Брежнева, был не первым, с кем «повздорил» Сахаров. Обидела сына Андрея Дмитриевича, напомнив вранье в интервью журналу «Крокодил».

Потом обидела годовое собрание Фонда за выживание и развитие человечества, прочтя им то, что Сахаров написал о Фонде и опасности его вырождения, и примерный Устав Фонда, который он подготовил полтора года назад. А Фонд так и живет — без Устава. Обидела Фонд милосердия, который объявил, что он — «имени Сахарова», хотя Сахаров отказался быть его почетным президентом. Надо ли слову «милосердие» еще одно имя?

Я каждый день читаю чьи-то воспоминания об Андрее Дмитриевиче. Поражаюсь, как много в них неточного, мифов, легенд, которые он так не любил. Не потомок ли он Муравьевых! Это его теть была замужем за Якушкиным!

Один из его коллег написал, что не ответил на письмо Сахарова, потому что ему-де мешала секретность. А почему бы не

написать, что писал ему Сахаров? Ведь не о бомбе же. Кто-то торопится печатать Сахарова (все равно как — бережно или небрежно), делать пластинки с его голосом, присваивать имя, выпускать календари, значки, открытки, давать премии.

Как будто Андрея Дмитриевича вдруг выставили на продажу — оптом и в розницу. Господи, так и хочется сказать: не продается! Нет!

Журнал «Огонек» (А. Д. его любил), пятый номер. Статья С. Панасенко: «Хрестоматийным стал эпизод с отказом Академии наук СССР изгнать из своих рядов Андрея Сахарова». Красивая байка! Но, может, стоит подумать, кому и зачем она нужна сегодня? Никто не ставил перед академией такой задачи — вот и не выгоняла. А если я не права, то дайте протокол заседания или хотя бы свидетелей, что такой вопрос стоял... Задача перед АН была поставлена другая — дезинформация и молчание. Академия ее выполняла. В лице президента отказалась помочь госпитализации Сахарова в свою больницу (май 1983-го), объявила душевнобольным (июнь 1983-го) — позже (август 1983-го) это повторил американским сенаторам Ю. В. Андропов. АН пыталась скрыть от мировой общественности две его голодовки... Перечень могу продолжить. И напомнить! Не только в «застойные», но и в «перестроечные» годы академия не избрала на первых выборах Сахарова в народные депутаты. И была бы, видимо, рада прокатить вторично, да молодая поросль не дала.

Газета «Известия» (26 января 1990 г.) повторяет сказку о том, как академия не исключила Сахарова, сообщает, что Александров не подписывал «письма сорока» (тогда президентом был Келдыш — и подписал), но почему-то умалчивает, что в 1975 году он подписал другое, ничуть не лучшее. После чтения этого материала не ясно, как я очутилась в самолете, летевшем в Горький 22 января 1980 года, когда нас отправили в ссылку. Я рассказу.

Когда Андрей Дмитриевич, звонивший мне из приемной Генерального прокурора, сказал, что его высылают в Горький, я спросила: «А я?» — «Ты сможешь ко мне приезжать». — «Нет. Я поеду с тобой». — «Я их спрошу». И через пару минут: «Сколько тебе надо времени на сборы?» — «Два часа». — «За тобой заедут». Заехали. Вежливые. Моя восьмидесятилетняя мама и Лиза Алексеева (та самая, ради выезда которой к мужу мы потом держали голодовку), уже успевшая сбегать позвонить инкорам — наш домашний телефон после звонка Андрея из приемной Рекунова мгновенно выключили, — спросили разрешения поехать нас проводить. Им разрешили. Но никогда не надо верить «их» решениям. Пока мамы и Лизы не было, «они» хорошо поживи-

лись нашими бумагами. Почему я рассказываю этот эпизод? Он очень «сахаровский». Ведь он мог сам сказать Рекункову, что я поеду с ним. Но Андрей Дмитриевич никогда ничего не решал за других. И никто никогда ничего не мог решить за него. К сожалению, не все, кто его знал, это понимали...

Но вернемся к академии. Не надо петь ей дифирамбы. Она ничем не отличалась от других, дружным хором осуждавших Сахарова. Ну, может, только не писали: «Я Сахарова не читал, но...» Когда-нибудь историки соберут воедино все, что говорили о Сахарове президенты академии, ее покойный и ныне здравствующие вице-президенты, ведущие и рядовые академики, благо есть библиотека Конгресса США, многие западные издания.

Журнал «Знамя», № 2. Два письма академика Сахарова академику Гинзбургу и одно академику Александрову. Публикация В. Л. Гинзбурга.

Предварительное замечание: до 2 мая 1984 года А. Д. Сахаров не обращался с просьбами к коллегам. Но когда против меня возбудили уголовное дело и взяли подписку о невыезде из Горького с целью зажать Андрею рот, он дважды просил их взять письма к президенту АН. Я тогда перенесла первый инфаркт, но по ходу дела добавились еще два, так что, когда меня впоследствии выпустили в США для обследования, закончившегося операцией на сердце, американским врачам пришлось делать мне шесть шунтов, и я, кажется, стала чемпионкой Союза в этом «виде спорта». Тому, кто эти письма взял, спасибо. Но третьей голодовки Андрея Дмитриевича (1985) могло не быть, если б его коллеги нашли в себе силы выполнить его прямую просьбу: «О фактическом же положении наших дел (о причинах, вынуждающих добиваться поездки, о суде над женой и его незаконности, о варварском принудительном кормлении и четырехмесячной изоляции, о состоянии здоровья жены и моего), наоборот, вполне можно рассказывать, и чем шире, тем лучше, — это какой-то минимальный противовес тому потоку дезинформации и клеветы, который распространяется в прессе, при контактах с иностранными учеными и другими путями» (из письма ак. Сахарова ак. Гинзбургу. «Знамя», с. 5). Но и в Москве, и «в заграницах» коллеги молчали, как партизаны. А перед голодовкой (апрель 1985-го) один из них написал Андрею Дмитриевичу: «Ваше заявление о возможной Вашей голодовке вызывает большое огорчение. При теперешнем состоянии Вашего здоровья это жизненно опасно. По опыту прошлого года Вы знаете, что никакой шум за границей не приносит желаемого Вами результата — это пустое сотрясение воздуха. В этом же году и этого не будет, так

как о начале Вашей голодовки никто во всем мире не узнает». Вот так! Я не называю имя автора письма. Но ведь это было...

Публикация Виталия Лазаревича Гинзбурга потрясла меня своей открытостью. Хотя признаюсь: мне не хватает в ней сегодняшней оценки его тогдашнего молчания. Но все равно! Ведь только он и академик Вонсовский честно признали свою неправоту в тот период. Большинство же предпочитает обходить молчанием собственное поведение в то время, ограничиваясь общими словами о стране, народе, эпохе, отце народов или авторе застоя.

А «сотрясение воздуха» всегда помогало. Пока меня не заперли в Горьком, было опубликовано все, что Сахаров там написал, а что не опубликовано, то было спасено, в том числе и статья «Опасность термоядерной войны», без которой еще неизвестно, были бы сделаны те шаги по разоружению, которые мы имеем сегодня. И невестка наша уехала и даже успела родить маленькую американскую гражданку. И героические усилия теор. отдела ФИАН и его руководителя академика Гинзбурга оставить Сахарова сотрудником отдела увенчались успехом, потому что были поддержаны решением Национальной Академии США прекратить сотрудничество с АН СССР и твердой позицией в этом вопросе ее президента д-ра Филиппа Хэндлера. «Сотрясение воздуха»: протесты тысяч иностранных ученых, «День Сахарова», голодовка в Вашингтоне против советского посольства, единогогласная резолюция Конгресса США, тост Миттерана в Москве, беспокойство государственных деятелей Запада, активные действия наших близких «там» и друзей «здесь», тревога, которую они сумели внушить западной прессе, — заставило правительство принять разумное решение. А новое правительство или старое — дело второе.

Напомню: и при старом руководстве бывали победы, когда наша диссидентская «малая гласность» и Сахаров докрикивались до «города и мира», — освобождены Григоренко, Буковский, Кудирка, Гинзбург, Щаранский, «самолетчики» и еще многие. И докричалась она до того, что идеология защиты прав человека стала всемирной.

Бурлацкий и его комиссия — это уже потом, вдогонку пошли собирать колоски с этой нивы, и, между прочим, за зарплату, а не за диссидентские бесконечные сроки — 5 плюс три, 7 плюс три, а то и 10 с тем же плюсом, как Толя Марченко, погибший в тюрьме. Да и при новом руководстве сколько надо было «сотрясать воздух» (и Сахарову вместе с другими), чтобы освободить Сергея Кузнецова. Еще сидят старые пзк, скажете — несколько, но ведь каждый — судьба! Есть и новый — Манучаров. Три суда — городской, областной, республиканский — признали, что

следствие не доказало его вины. А сидит! Никто сегодня не знает, сколько еще придется «сотрясать воздух»! И не об «отдельных недостатках» речь, а о судьбе целых городов, республик, народов.

Опять мучаюсь, что обидела, в общем-то, хороших людей. Но нестерпимей всего, что обидела тех, кто простоял долгие часы на морозе у Дворца молодежи и под дождем в Лужниках, где были самодельные плакаты «Прости нас». Я виновата — забыла, что бывают официальные некрологи, что бывают люди, для которых возможно в 1973-м подписать «письмо сорока», в 1975-м — «семидесяти трех». А в 1989 году — некролог?!

Я прошу прощения у всех, кому дорога память Андрея Дмитриевича Сахарова, за то, что недоглядела, — за этот некролог.

Раздел, в котором напечатаны письма в журнале «Знамя», назван «Уроки Сахарова». Вот один из его уроков: «Развращающая ложь, умолчание и лицемерие должны уйти навсегда и бесповоротно из нашей жизни».

Не я начала печатать письма Андрея Дмитриевича. Казалось, письма — дело частное и лучше бы потом. Но раз уж это началось, то я и предлагаю вашему вниманию первое письмо академика Сахарова президенту АН СССР академику Александрову. Ответа на него, так же как и на все последующие, не было.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК СССР
А. П. АЛЕКСАНДРОВУ

Уважаемый Анатолий Петрович!

Непосредственным поводом для этого письма явилось содержание Вашей беседы о моем деле с президентом Нью-Йоркской Академии наук доктором Дж. Лейбовицем. Эта беседа состоялась 15 апреля, но только сейчас ее запись стала мне доступной. Независимо от этого, я считаю важным изложить свою позицию по принципиальным вопросам, дать оценку действиям органов власти в моем деле, ответить на некоторые публичные обвинения, а также дать оценку позиции, занятой моими коллегами в СССР, в частности Академией наук и ее руководителями.

Моя жизнь сложилась так, что я на протяжении двух десятилетий находился среди тех, кто был занят военно-научными и военно-конструкторскими работами, и сам принимал в них активное участие, а затем более двенадцати лет — среди людей, ставящих своей задачей ненасильственную борьбу за соблюдение прав человека и законность. Эта судьба заставила меня с особой остротой воспринимать вопросы войны и мира, международной безопасности, международного доверия и разоружения и вопро-

сы прав человека, открытости общества, напряженно размышлять об этих проблемах в их взаимосвязи. Так сформировалась моя позиция. Во многом она оказалась неортодоксальной, идущей вразрез с официальной линией и с моей собственной оценкой в более ранние годы. Это в конечном итоге полностью изменило мою жизнь, изменило цели и идеалы.

Еще очень рано я пришел к выводу, что при страстной воле всего народа к миру и при несомненном желании руководителей государства избежать большой войны в своей практической внешней политике они зачастую руководствуются крайне опасной, по моему мнению, «геополитической» стратегией силы и экспансии и стремлением подавить, разложить потенциального противника. Но, разлагая «противника», мы разлагаем мир, в котором живем. Так, еще в 1955 году я узнал, что наша ближневосточная политика совершает крутой поворот, целью которого является создать «нефтяную зависимость стран Запада». Этот поворот принес в последующие годы огромные бедствия народам этого региона — арабам, Израилю, Ливану, а также способствовал остроте энергетического кризиса во всем мире. По мере того как возрастали военные возможности СССР, такого рода политика становилась все более доминирующей и опасной, разрушая одной рукой то, что пыталась строить другая. Афганистан — последний и наиболее трагический пример того вреда, который приносит это экспансионистское геополитическое мышление.

Я убежден, что предотвращение термоядерной войны, угрожающей человечеству гибелью, является самой важной задачей, имеющей абсолютный приоритет над всеми остальными проблемами нашей жизни. Пути ее решения — политические, политико-экономические, создание международного доверия, открытых обществ, безусловное соблюдение основных гражданских и политических прав человека и — разоружение.

Разоружение, в особенности ядерное, — важнейшая задача человечества. Разоружение (реальное, а не демагогическое) возможно, по моему убеждению, лишь на исходной основе стратегического равновесия сил. Я поддерживаю ОСВ-2 как удовлетворительное воплощение этого принципа и как предпосылку ОСВ-3 и других дальнейших соглашений. Я выступаю за соглашение об отказе от первого применения ядерного оружия на предварительной основе достижения стратегического равновесия в области обычных вооружений. Выступаю за всеобъемлющее соглашение о химическом и бактериологическом оружии. Сообщение о недавней разоблачительной катастрофе в Свердловске подтверждает актуальность этого. Я осудил бы попытку Запада добиться существенного стратегического превосходства над СССР как

крайне опасную. Но я также крайне озабочен милитаризацией СССР и нарушением с советской стороны стратегического равновесия в Европе и других районах Азии и Африки, советским диктатом и демагогией в них. Я против международного терроризма, разрушающего мир, какими бы целями ни руководствовались его участники. Государства, реально стремящиеся к стабилизации в мире, не должны его поддерживать ни при каких обстоятельствах.

Важнейший тезис, который со временем лег в основу моей позиции, — неразрывная связь международной безопасности, международного доверия и соблюдения прав человека, открытости общества. Этот тезис вошел составной частью в Заключительный акт Хельсинкского совещания, но слова здесь расходятся с делом, в особенности в СССР и странах Восточной Европы. Я узнал о масштабах и цинизме, с которыми нарушаются основные гражданские и политические права в СССР, в том числе право на свободу убеждений и свободу информации, право на свободный выбор страны проживания (т. е. на эмиграцию и возвращение), на выбор места проживания в пределах страны, право на беспристрастный суд и защиту в суде, право на свободу религии. Без соблюдения этих прав общество является «закрытым», потенциально опасным для человечества и осужденным на деградацию. Я узнал людей, которые поставили своей целью бороться за права человека путем гласности, принципиально отвергая насилие, и о жесточайших преследованиях их властями, увидел воочию несправедливые суды, увидел наглость КГБ, узнал о тяжелейших условиях в местах заключения. Я стал одним из этих людей, которых Вы назвали «чуждой кликой» и даже обвинили в измене, но они мои друзья, и я именно в них вижу светлую силу нашего народа.

Я узнал о борьбе за освобождение узников совести во всем мире — и она стала близка мне как важнейшая цель. Я поддерживаю «Международную амнистию» в ее борьбе за отмену смертной казни во всем мире, и я неоднократно выступал с призывом об отмене смертной казни в нашей стране.

Другими глазами посмотрел я на экономические, и в особенности продовольственные, трудности в СССР, на кастовую партийно-бюрократическую элиту с ее привилегиями, на косность системы производства, на угрожающие признаки бюрократического извращения и омертвления всей жизни страны, на всеобщее равнодушие к результатам труда, на безликое государство (когда всем все «до лампочки»), на коррупцию, блат и уродующие человека вынужденные лавирование и лицемерие, на алкоголизм, на цензуру и наглое вранье прессы, на безумные нарушения

среды обитания — почвы, лугов, чистоты воздуха, лесов, рек и озер. Необходимость глубоких экономических и социальных реформ в СССР очевидна многим в стране, но их проведение наталкивается на противодействие части правящей бюрократии, и все продолжается по-старому — приевшиеся лозунги, все же что-то делается, а больше — проваливается. Между тем военно-промышленный комплекс и КГБ набирают силу, угрожая стабильности во всем мире, а сверхмилитаризация поедает все ресурсы.

Моим идеалом стало открытое плюралистическое общество с безусловным соблюдением основных гражданских и политических прав человека, общество со смешанной экономикой, осуществляющее научно регулируемый всесторонний прогресс. Я высказал предположение, что такое общество должно возникнуть как результат мирного сближения («конвергенции») социалистической и капиталистической систем и что в этом — главное условие спасения мира от термоядерной катастрофы.

Наша страна половину своей истории прожила в обстановке чудовищных преступлений сталинского режима. Хотя на словах действия Сталина официально осуждены, но масштабы сталинских преступлений и их конкретные проявления тщательно скрываются от народа, а разоблачители преследуются за мнимую клевету. Террор и голод эпохи коллективизации, убийство Кирова и уничтожение культурных, гражданских, военных и партийных кадров, геноцид при переселении «наказанных» народов, лагеря каторжного труда и гибель многих миллионов в них, заигрывание с Гитлером, обернувшееся национальной трагедией, репрессии против оказавшихся в плену, антирабочие законы, убийство Михоэлса и возрождение государственного антисемитизма — все эти язвы должны быть вскрыты с абсолютной окончательностью. Народ без исторической памяти обречен на деградацию. Как мне известно, Вы в той или иной мере разделяли эту точку зрения раньше, и я надеюсь, что Ваша позиция не изменилась.

Свою концепцию я изложил в 1968—1980 годах в серии статей, выступлений и интервью. Вместо серьезной дискуссии официальная пропаганда ответила умышленными искажениями моей позиции, ее окарикатуриванием, руганью и клеветой. А в жизни я столкнулся со все большими преследованиями, угрозами мне и особенно моим близким — и, наконец, с бессудной депортацией. Уже первые мои попытки занять непредвзятую позицию встретили противодействие. 22 ноября 1955 г., в день триумфального и трагического испытания термоядерного оружия (когда еще не были преданы земле тела погибших), на этой почве

произошло мое столкновение с маршалом М. И. Неделиным, а 10 июля 1961 г. столкновение (в Вашем присутствии) с Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым.

И все же мне удалось (министр среднего машиностроения Е. П. Славский может подтвердить это) быть одним из инициаторов Московского Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах, который явился первым (и пока наиболее бесспорным) шагом на трудном пути к предотвращению ядерной угрозы.

В 1975 году я удостоен Нобелевской премии мира — единственный из граждан СССР. В 1980 году я в Горьком, и Вы, президент Академии наук СССР, беседуете с президентом Нью-Йоркской Академии наук, специально прилетевшим из США, чтобы встретиться с Вами. Что же вы ему ответили? К сожалению, Вы говорили в духе позорного заявления сорока академиков 1973 года, которое тогда положило основу моей травли в печати, но только с еще большим цинизмом и неуважением к здравому смыслу собеседника, Вашего и моего коллеги по науке.

Да, я в лучших условиях, чем те мои друзья, которые осуждены на многолетние сроки или ждут суда, среди них много наших с Вами коллег, назову лишь некоторых — биолог Ковалев, физик-теоретик Орлов, математики Великанова и Лавут, молодой ученый-кибернетик Щаранский, медики Некипелов и Терновский, математик-кибернетик Болонкин (только последнего я не знаю лично). Все они не нарушали законов страны, не прибегали и не призывали к насилию, словом и пером пытаюсь осуществить свои идеалы, как и я, и нас нельзя отделять. Я считаю, что было бы естественно, если б Академия наук защищала репрессированных ученых, а не допускала в лице ее президента клеветы в их адрес. Но мое дело отличается тем, что в нем власти отбросили даже ту жалкую имитацию законности, которую они изображали при преследовании инакомыслящих в последние годы. И это недопустимо — как прецедент и как рецидив. Ни одно из официальных учреждений, призванных осуществлять закон, не взяло на себя ответственности за акт моей депортации.

Вы знаете так же хорошо, как и я, что по общепринятым юридическим нормам только суд может установить виновность человека, определить ему меру наказания и обязательно — его срок. Мое же дело во всех этих трех аспектах — вопиющее беззаконие, поэтому мое требование открытого суда — глубоко серьезно и принципиально. Вы говорите, что я могу заниматься в Горьком наукой. Да, я работаю, но не представителю Академии наук, способствующей для меня организации шарашки на одно-го, говорить об этом как о чуде. Да, у меня есть крыша над

головой (в Горьком говорят, что эта квартира — бывшая явка КГБ), а жена привозит из Москвы мясо, масло, творог и сыр, которых нет в Горьком. Нарушение закона, которое Вы пытаетесь этим оправдать, от этого не меньше. Совершенно незаконным (ссылным, согласно Исправительно-трудовому законодательству, такого не устанавливают) является режим, который установили для меня — кто? КГБ, МВД, прокуратура — я этого не знаю, и Вы тоже не сможете ответить на этот вопрос. У моей двери круглосуточно стоит милиционер, любой посетитель попадает в милицию и имеет крупные неприятности. Я узнаю лишь через много времени о таких попытках близких мне людей, врача и друга, восьмидесятидвухлетней тети, об остальных могу и никогда не узнать. Но помимо милиционера и втайне от него — через окно — в квартиру проникают сотрудники КГБ, нарушая право неприкосновенности жилища и создавая тем потенциальную опасность для меня. Вы не ответили на телеграмму моей жены об этом в июле этого года, я считаю это недопустимым. Для меня установлена персональная глушилка — фирма не жалеет затрат — еще до того, как в СССР возобновили глушение. Круглосуточно — бесстыдная, наглая слежка, агенты следуют по пятам всюду, заглядывают в окно, забегают впереди меня на почту, чтобы я не мог позвонить.

В беседе с доктором Лейбовицем Вы намекаете на нарушение мной государственной тайны и при этом голословно обвиняете моих друзей, утверждая, что кто-то пытался вывезти какие-то секреты, полученные им прямо от меня или через друзей. Станным образом отождествляя себя и Академию наук с органами сыска, Вы говорите, что «мы задержали этого человека». Но юридические факты отличаются от демагогии и обывательских разговоров конкретностью. Тут ее не было — и быть не могло. В таких серьезных вещах голословное утверждение имеет и другое название — клевета. Вы с удивительным юридическим легкомыслием заявляете, что за мои призывы к иностранным правительствам меня можно осудить на пять лет заключения — почему пять? Статья 190-1 УК РСФСР — срок три года, ст. 70 — срок 7 лет, ст. 64 — до 15 лет или смертная казнь. Вы также заметили, что меня можно было и убить, как Кеннеди или Кинга. Но я считаю себя обязанным высказывать свое мнение по острым вопросам и осуждать те действия СССР, которые прямо противоречат принятым им на себя международным обязательствам и международным нормам. Я одобряю те, лежащие в рамках закона, действия иностранных правительств, которые могут способствовать исправлению этого. Я поддержал в свое время поправку Джексона. Я и сейчас продолжаю считать ее чрезвычайно важ-

ной. Это поправка к американскому закону о торговле, речь идет об американских торговых правилах. Я обратился к правительству Индонезии с просьбой об амнистии политзаключенных. Меня обвиняют в печати в восхвалении переворота в Чили — но я тогда вместе с Галичем и Максимовым писал о судьбе писателя Пабло Неруды. Я дважды выступил против жестоких антикурдских акций в Ираке. Я обратился несколько лет назад с просьбой проявить гуманность при осаде палестинского лагеря Тель-Заатар. Осенью 1979 года я обратился к правительству КНР с просьбой пересмотреть жестокий приговор смелому диссиденту, противнику военной акции против Вьетнама Вэй Циншену, и к правительству ЧССР — пересмотреть приговор членам «Хартии-77». Я не поддерживал предложения о бойкоте Московской Олимпиады, о техническом и тем более продовольственном бойкоте до советского вторжения в Афганистан. Моя позиция изменилась, когда, по моему мнению (и по мнению 104 государств — членов ООН), произошло опасное нарушение международного права, международного равновесия. Я поддержал меры бойкота, считая их в этих условиях направленными также и на благо нашей страны. Я передал Президенту Франции Жискар д'Эстену письмо группы активистов крымско-татарского народа, а от своего имени обратился к Л. И. Брежневу с просьбой положить конец национальной дискриминации крымских татар, явившихся жертвой сталинского преступления в 1944 году. В октябре 1979 года я просил Л. И. Брежнева способствовать беспрепятственной доставке продовольственной помощи голодающим в Кампучии. Уже после депортации в Горький я обратился к Л. И. Брежневу с большим письмом, содержащим приемлемые, по моему мнению, предложения по политическому урегулированию афганской трагедии, копии письма послал главам государств — постоянных членов Совета Безопасности. Я высказал в этом письме мнение о вторжении в Афганистан как об ошибке, имеющей огромные негативные последствия — внешнеполитические и внутри страны. Я пишу, в частности, об усилении роли репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля. Таковы некоторые из моих внешнеполитических выступлений за последние годы. Во всех этих моих действиях нет нарушений законов СССР. Эти выступления продиктованы моими убеждениями и, по моему мнению, ни в чем не противоречат интересам нашей страны и ее народа.

12 августа 1980 г. я обратился к вице-президенту АН СССР академику Е. П. Велихову и в его лице к президиуму АН и к Вам лично с просьбой помочь в деле, которое стало особенно важным для меня. История его такова. Неоднократные угрозы в адрес детей и внуков (начиная с «визита» террористов «Черного сен-

тября» в 1973 г.), притеснения и провокации вынудили нас уговорить их эмигрировать. Это решение было непростым и до сих пор воспринимается трагически. У сына осталась в СССР невеста Елизавета Алексеева, вот уже три года она не может выехать к любимому человеку, подвергается шантажу и угрозам КГБ. Ко мне в Горький ее, члена нашей семьи, не пускают. Опасаясь за ее жизнь, моя жена вынуждена большую часть времени проводить в Москве. Фактически Лиза Алексеева стала заложником. Я просил ходатайствовать о получении ею разрешения на выезд. В течение двух месяцев вице-президент вообще не отвечал мне на это письмо и на неоднократные телеграммы. Лишь 14 октября вечером пришла телеграмма, что им «предпринимаются меры по выяснению возможности выполнения Вашей просьбы». Совершенно непонятно, почему это так сложно, если человек никогда не имел отношения ни к каким государственным секретам. У меня создается впечатление, что эта телеграмма не более как уловка КГБ с целью оттяжки времени. Сам факт заложничества, связанный со мной, для меня совершенно непереносим. Я вынужден и в этом деле обратиться за поддержкой к моим коллегам за рубежом.

Вы говорили доктору Лейбовицу о приезде ко мне моих коллег из ФИАН как о доказательстве того, что у меня есть все возможности для научной работы. Но как бы ни были важны для меня эти визиты в условиях изоляции от общения с кем-либо, при недостатке литературы и т. п., совершенно недопустима полная их зависимость от контроля КГБ, выбирающего нужные ему моменты приезда ко мне ученых и состав участников. Так, первый приезд фиановцев был приурочен к приезду доктора Лейбовица, чтобы Вы могли упомянуть о нем при встрече с ним, а второй — к приезду секретаря Национальной Академии наук США с той же демонстрационной целью. Я работаю в ФИАН с 1969 года, а до этого — с 1945 по 1950 год, и должен иметь право на основании своего желания, а не по контролю КГБ, выбирать, с кем я буду говорить о науке. Я писал о недопустимости контроля КГБ академику Гинзбургу в письме от 15 сентября и просил воздержаться от командирования сотрудников ФИАН. В силу обеих этих причин — позиции Академии наук и недопустимых преследований со стороны КГБ — я прерываю научные контакты с советскими научными учреждениями, в частности с Академией наук и ФИАН, и настоящим извещаю Вас об этом.

Перед общим собранием АН СССР в марте 1980 года я обратился в президиум АН СССР с просьбой обеспечить мой приезд для участия в собрании, что является моим правом и обязанностью согласно Уставу. Я получил ответ: «Ваше участие в об-

шем собрании не предусматривается». Смысл этих слов был наглядно продемонстрирован действиями гебистов, с пистолетами в руках не пустивших меня в вагон поезда Горький — Москва вечером 4 марта, накануне общего собрания, когда я провожал на вокзал свою тещу и хотел занести ее чемоданы. Таким образом президиум АН допустил возможность вмешательства КГБ в дела Академии, формально оставив меня членом АН, но лишив одного из основных прав академика.

Посылая Вам это открытое письмо, я надеюсь, что Вы аргументированно ответите мне также открыто по всем поднятым в нем вопросам, особо же по следующим из них:

— готово ли руководство АН СССР в соответствии с пожеланиями мировой научной общественности активно защищать мои нарушенные права и права других репрессированных ученых?

— готово ли руководство АН СССР потребовать моего немедленного возвращения в Москву и определения открытым судом моей виновности или невиновности в нарушении закона и в случае установления вины — меры и срока наказания?

— готово ли руководство АН СССР решительно и на деле, а не на словах защищать меня от шантажа в отношении члена моей семьи Е. Алексеевой, способствуя ее выезду из СССР?

Я вновь обращаю Ваше внимание на то, что позиция Академии наук и ее руководства не только в моем деле, но и в делах других репрессированных ученых не соответствует традиционному пониманию солидарности ученых. Сейчас ученые несут на себе большую долю ответственности за судьбы мира, и это обязывает их к независимости от кастово-бюрократических институтов и тем более от тайной полиции, называется ли она ФБР или КГБ. Я все еще надеюсь, что Академия наук СССР проявит такую независимость.

С уважением

Андрей Сахаров,
действительный член АН СССР с 1953 года
Горький, 20 октября 1980 г.

ОСТОРОЖНО: КОММУНИЗМ!

Ответное слово Елены Боннэр на вручении ей почетной награды на коллоквиуме в Париже 8 марта 1990 г.

Я благодарю Демократическое объединение женщин за признание мне сегодня премии. Полагаю, что эту премию вы присудили не только мне, но всем женщинам — моим друзьям, тем, кого в самые тяжелые годы нашей истории называли диссидентами или правозащитниками.

Я рискну сегодня сказать несколько вещей, которые, может быть, вам покажутся неправильными и непопулярными. В Советском Союзе и в странах Восточной Европы (в том блоке, который называют коммунистическим или еще каким-нибудь неопределенным термином) действительно произошли некоторые перемены. Однако в СССР, в Румынии, да и в некоторых других странах, кроме Чехословакии и Польши и, может быть, Венгрии, положение далеко не определенное и не благополучное. Это неблагоприятие и отсутствие надежды частично связано с тем, что нет реальных политических, закреплённых правовым образом гарантий демократического развития.

Мы (в данном случае это местоимение я употребляю как — «вся страна», «народ») прошли тяжелую 70-летнюю школу жизни при коммунизме (или при социализме, опять называйте как хотите). Мы можем считать это трагической ошибкой истории, трагической историей народов нашей страны и стран Восточной Европы. Однако и западные демократические общества не могут снять с себя ответственность за эту трагическую ошибку — столь многие в них тоже были привержены этим идеям. И, может быть, приверженность свободных людей свободного Запада социалистическим идеям растянула ужас жизни наших народов на столь долгий срок.

По странной случайности я была в прекрасном городе Париже первый раз в июне, июле и августе 1968 года. Я приехала, когда ваша страна и Западная Европа жили т. н. «революцией 68-го года». И я уезжала в августе, когда танки советской армии прошли по брусчатке Праги. И мало когда в жизни я испытывала такой невероятный стыд. Стыд за то, что я гражданка этой страны, и стыд за то, что я четыре года второй мировой войны была ее солдатом.

Сегодня в этом зале я прочла лозунг: «SOS — расизм». Я думаю, что в мире почти не осталось трезвых, разумных людей, которые бы не разделяли этого лозунга. Но мне хочется к нему добавить другой: «SOS — коммунизм».

70 с лишним лет 300 миллионов (на сегодня) человек живут при этом строе. 43 миллиона живут за чертой бедности, советской чертой бедности, которая определяется в 70 рублей в месяц. В этой стране самая высокая детская смертность в Европе. Мы стоим на 53 месте в мире по этому показателю. У нас есть районы, где умирают 10 новорожденных на 100, где матери не могут кормить детей грудью, потому что в воде и в их молоке столько соли, что это смертельно опасно для детей. Это район Аральского моря. Бышего моря.

У нас до сих пор жители многих районов Белоруссии и Украи-

ны не знают, какую дозу облучения после Чернобыля они получили. И это происходит не в сталинские или застойные годы, а в эпоху перестройки.

Я привожу эти примеры, потому что они близки женщинам и потому что мы очень много говорим о перестройке и почти ничего не сделали.

Я хочу сказать, что на путях демократизации в нашей стране женщины и мужчины не должны разделяться. Я думаю, что нам нужно действовать вместе. И, может быть, только позже, когда мы станем нормальной страной, будет возможность заняться чисто женскими проблемами.

А сейчас мне хочется предостеречь вас всех от излишнего увлечения любыми идеологиями. Идеологии почти всегда призваны так или иначе разделять людей. Я сказала бы, что единственная идеология, которой мне лично хотелось бы следовать, — это идеология защиты прав человека. Вне зависимости от цвета его кожи, независимо от того, на каком континенте он живет, независимо от его вероисповедания.

Только так, подходя ко всем людям с одинаковой меркой, где бы они ни жили, и с одинаковой меркой к их заботам, мы сможем спасти нас, женщин, нас — мужчин, нас — людей на планете.

«ИТОГИ ВЫБОРОВ, СИТУАЦИЯ В ЛИТВЕ И ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ...»

**Пресс-конференция Елены Боннэр
20 марта 1990 г. в Сан-Франциско**

— Я хочу прежде всего сказать о двух важных для Советского Союза событиях — о положении с Литвой и о выборах, только что прошедших в России, на Украине и в Белоруссии.

Выборы дали очень интересные и обнадеживающие результаты. Несмотря на то что выдвижение кандидатов проводилось тогда, когда 6-я статья Конституции казалась незыблемой, и проходило под давлением партийного аппарата, в результате двух туров выборов в крупнейших городах этих республик — в Ленинграде, Москве, Киеве, Львове — выбраны люди, поддерживающие демократическую платформу. Особенно радостно, что среди выбранных есть много людей, чьи имена вам, вероятно, знакомы, людей, которым пришлось побывать в советских лагерях и тюрьмах, людей, которых когда-то называли диссидентами. Мы можем быть уверены, что они — демократы не потому, что сейчас, в другой обстановке, поменяли свои взгляды. Они за демократию

боролись, рисковали судьбой и часто жизнью. Мы все помним тех, кто погиб в этой борьбе.

Тем из вас, кто следит за событиями в Союзе, известна организация, называющая себя «Память». Эта организация тесно — хотя она считается неформальной — связана с самыми темными консервативными кругами власти и, на мой взгляд, представляет собой некую новую форму национал-социализма. Наибольшую поддержку от официальных органов эта организация имела в Ленинграде, где состоялись самые громкие ее выступления. Несмотря на это, сейчас в Ленинграде победила — и на выборах в местные Советы, и особенно на выборах в республиканские — демократическая платформа. Они получили на выборах в республиканские Советы более 80% мест.

Теперь Литва. Вопрос, который беспокоит всех и в Советском Союзе, и на Западе. Я считаю, и так же считал Андрей Дмитриевич, что право на самоопределение записано и во всех советских конституциях — ленинской, сталинской, брежневской. Не вина Литвы и других народов, что это право не подтверждено никаким механизмом реальной возможности выхода из Советского Союза. Я считаю нынешнее положение Литвы абсолютно законным. А если мы вспомним историю, как Литва была присоединена к Советскому Союзу, то тем паче. Поэтому сегодня, находясь здесь по приглашению Организации Объединенных Наций, мне бы хотелось сказать, что ООН, на мой взгляд, должна выступить более внятно и четко в поддержку этого права народа Литвы.

— *Видите ли вы кого-нибудь, кто мог бы заменить сейчас Сахарова в Советском Союзе?*

— Ну, это очень западный вопрос: вам надо обязательно персональную замену. Я считаю, что Сахаров много сделал, в чем-то он, может быть, помог народу измениться. Я думаю, его заменит народ. Последние выборы это показали.

— *Не думаете ли вы выдвинуть свою кандидатуру?*

— Нет, не собираюсь. Я считаю своей главной задачей подготовку к опубликованию всего того, что написал Сахаров, в частности его дневников и писем. Это большая работа. И комментарий к этому никто, кроме меня, сделать не сможет. Кроме того, на Западе читали Сахарова, а в Советском Союзе только начинают его публиковать. У меня очень много труда и времени заняла подготовка двух сборников его публицистических произведений, которые сейчас, в апреле — мае, выходят в Советском Союзе. В мае выходят его воспоминания — здесь, в Соединенных Штатах, в издательстве «Кнофф». За этим идет серия изданий на других языках. И русское издание нужно подготовить. Кроме того,

в Москве из очень достойных людей — писателей, ученых — образована комиссия по увековечению памяти Сахарова. Сейчас мы хотим подготовить в Москве международный конгресс с двумя темами. Первая тема «От тоталитаризма к правовому государству. СССР и Восточная Европа». Вторая тема, тоже близкая Сахарову и его идеям, — «Чернобыльская катастрофа», последствия этой катастрофы — локальные, медицинские, психологические, ее последствия для развития энергетики во всем мире. В перспективе мы имеем планы проводить такие конгрессы каждые два года по наиболее острым темам в различных странах. Это было бы первым этапом развития идеи, которая несколько раз повторялась в работах Сахарова. Сахаров думал о создании независимого общественного центра, где бы работали эксперты по наиболее острым проблемам современности. Этот центр должен быть совершенно независимым и при этом иметь статус давать рекомендации ООН и странам, входящим в ООН. Если нам удастся организовать такой центр, это будет очень существенным успехом в защите прав человека и жизни на Земле вообще. Я надеюсь на средства массовой информации — что они нам помогут. В том числе и финансово. Пока что для проведения первого конгресса в Москве мы получили помощь от некоторых наших изданий. Раньше никогда ничего подобного не случалось. В оргкомитет конгресса вошли «Московские новости», «Огонек», «Аргументы и факты», «Литературная газета» и «Новое время». Они объявили себя советскими спонсорами этого конгресса. Я надеюсь, что на Западе тоже найдутся издания, которые согласятся быть спонсорами.

Так, кажется, я ответила на вопрос подробнее, чем вы предполагали. Я хочу сказать, что если принимать участие во всех этих делах, то вряд ли останется время на что-то другое.

— *Если Литва все же отделится, как вы полагаете, сможет ли она выжить экономически?*

— Я думаю, что они смогут выжить экономически, если экономические связи между Советским Союзом и Литвой не будут напрочь разорваны. Они же не обязательно должны рвать связи с Советским Союзом. Я бы хотела немного расширить ответ на ваш вопрос.

Дело в том, что Горбачев все время трагически запаздывает с решением некоторых проблем. Каждый раз, когда ему что-то было нужно, он вносил изменения в Конституцию: чтобы выборы были от общественных организаций, чтобы созвать Съезд народных депутатов; сейчас — чтобы получить президентство. А я думаю, что нужно было начать с нормального действия: принять новую конституцию. Чтобы мы не только перестраивались, но

и знали, что именно мы собираемся строить. Весь мир твердит: перестройка, перестройка, перестройка... И никто не задает вопрос: «Что будет на этом месте построено?» Но для того чтобы что-то создать, нужно иметь план, то есть конституцию будущего государства. Для того чтобы не было этого центробежного разрыва государства, нужно было еще два года тому назад или хотя бы на I съезде заняться выработкой нового Союзного договора. Причем новый Союзный договор должен был бы быть дифференцированным по отношению к разным республикам. Эта дифференциация должна была бы определяться не верховной властью Союза, а спецификой каждой республики. Каждая республика отдавала бы верховной власти ту часть функций, которую она считает необходимой. В таком случае, думаю, не было бы этой тенденции распада всего государства, которую мы имеем теперь. После заявления о выходе Литвы впервые, кажется, Горбачев сказал: «Нам нужен новый Союзный договор». А Сахаров говорил об этом на протяжении двух лет, и в Конституции, которую Сахаров написал и передал Горбачеву в ноябре 1989 года, этот пункт присутствует.

Если вы вспомните I съезд — там Литва говорила, что им нужна хозяйственная самостоятельность, им нужно, чтобы литовская молодежь проходила военную службу в Литве и чтобы те, кто по религиозным соображениям не может идти в армию, имели бы альтернативный путь. Казалось бы, совершенно нормальные требования! И именно неуступчивость и давление сверху привели к тому, что требования все больше расширялись и конфликт все углублялся. А теперь уже пути назад нет. Я считаю, Литва теперь уже должна действовать, как решила.

— *Каким вам видится будущее Советского Союза и будущее Горбачева?*

И еще: верите ли вы Горбачеву?

— Верить или не верить — это вопрос сложный. Мне кто-то еще задал вопрос: нравится ли мне Горбачев? Не в этом дело. Почему нарастает недоверие к Горбачеву внутри страны? Сейчас совершенно очевидно, что он все время опаздывает со своими решениями. Для настоящего политика важно ведь не только принять правильное решение, но и принять решение вовремя.

Национальные противоречия там, дошедшие до кровавых столкновений, вызваны, как я понимаю, тоже нерешительностью центрального правительства. Когда два года тому назад, в феврале 1988 года, областной Совет Нагорного Карабаха принял большинством голосов (121 — за, против — 3) свое решение присоединиться к Армении, это было законное решение местной советской власти, и центральное правительство должно было тогда

это понять. Вместо этого на армян стали давить. Это давление дало толчок к высвобождению дурных, агрессивных инстинктов в Азербайджане. И произошел Сумгаит, о котором, кстати, в Советском Союзе людям не сказали правды до сих пор. Конфликт нарастал, и одновременно во всех точках, где существуют возможности национальных конфликтов, у людей возникло чувство, что государство политическим путем ни одно противоречие такого рода разрешить не может или не хочет. Наиболее спокойные, разумные люди от этого впали в депрессию. Но в любом национальном движении есть и крайние элементы, которые развязывают насилие. Однако я убеждена, что прямая причина возникновения насилия — именно неумение и нежелание центра решить политическим путем национальные конфликты. Вы подумайте, проблема татар не решена со времен второй мировой войны! Проблема месхов, которых убивали в Узбекистане, не решена со времен второй мировой войны! Проблема немцев Поволжья и других, выселенных в Казахстан, не решена со времен второй мировой войны! Проблема Карабаха возникла не сегодня, а тогда, когда Сталин старался не создавать мононациональных республик. И, объявив перестройку, наше правительство так и не коснулось этих проблем, пока не пролилась кровь.

— Остались ли еще политические заключенные в Советском Союзе?

— Людей, осужденных по тем двум статьям, которые безусловно считаются политическими, 190-1 и 70, насколько нам известно, в заключении нет. Но есть люди, осужденные фактически за то же самое, но по другим статьям, в частности, по 64-й — измена родине. Имя одного, возможно, вам известно — Леонид Лубман. Есть еще несколько десятков молодых людей, которые осуждены за незаконный переход границы. Международная амнистия считает их узниками совести. И есть несколько молодых людей, около 30, которые осуждены за отказ от службы в армии по религиозным соображениям. Это точно узники совести. Есть некоторое количество людей, заключенных в психиатрических больницах.

— Увеличивается ли антисемитизм в Советском Союзе и достаточно ли делает правительство, чтобы антисемитизм остановить?

— Увеличивается ли антисемитизм — сказать трудно. Те бурные шабашки «Памяти», которые вам известны, не говорят об увеличении антисемитизма, а скорее о попытках некоторых представителей властей создать что-то вроде национал-социалистического движения. И я бы очень хотела, чтобы Запад это понимал и не переносил ответственность за это на русский или какой-

то еще народ. Мне кажется очень симптоматичным, что некоторые представители интеллигенции участвуют в этом движении — некоторые писатели, такой ученый, как Шафаревич. Они идеологи этого движения. По-моему, этим движением за их спинами руководит КГБ или еще кто-нибудь. И я совершенно уверена, что погром в Доме литераторов, который известен на Западе, устроили какие-то начальники. Устроен этот погром был, чтобы люди не пошли на демократический митинг 4 февраля. Погром был 18 января и, я уверена, специально для этого был учинен.

Очень интересный разговор был у нас с Андреем Дмитриевичем осенью в Свердловске на встрече с рабочими на большом заводе. Я там спросила: «Как у вас «Память?»» И один человек мне ответил: «Тут у нас рабочие — здесь это не пройдет».

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ США ДЖОРДЖУ БУШУ

Глубокоуважаемый господин президент!

Законное правительство Литвы, выражая волю большинства народа, провозгласило независимость Литовской республики.

Ваше правительство в своем заявлении выразило надежду на мирный ход развития событий. Но в Литве нарастает напряженность, вызываемая усиливающимся советским военным присутствием. Психологическая ситуация такова, что в любой момент могут быть спровоцированы вспышки насилия. Это грозит подорвать политику президента Горбачева и надолго затормозить или полностью остановить процесс демократизации СССР.

Почти полвека правительство Вашей страны не признавало законным присоединение Прибалтийских республик к СССР. Это соответствовало ее демократической традиции и отражало отношение к пакту Риббентропа — Молотова, или, что точнее, к договору между Сталиным и Гитлером. Были ли это словесные декларации, вводившие в заблуждение американский народ и весь мир? На этот вопрос можно ответить только действием — немедленным признанием независимой Литовской республики и установлением дипломатических отношений. На Вашу страну, в силу ее особого положения в мировом содружестве, и на Вас лично сейчас ложится огромная историческая ответственность.

Единственное, что дает мне право обратиться к Вам, — это абсолютная уверенность, что так сделал бы Андрей Сахаров. Еще в 1988 году он писал, что сепаратистские тенденции нельзя остановить, можно только влиять на причины, их порождающие.

Правительство СССР не приняло нужных решений вовремя, но за его ошибки не должен кроваво расплачиваться литовский народ, почти треть которого погибла в 40-х годах в сталинских лагерях и якутской депортации.

Я призываю Вас к немедленному признанию независимой Литовской республики.

С глубоким уважением

Елена Боннэр

27 марта 1990

ПЯТЬ ЛЕТ ПЕРЕСТРОЙКИ. ИЗМЕНИЛА ЛИ СТРАНУ «БЕСКРОВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»?

Апрель в СССР — юбилейный месяц, день рождения Ленина и начало эры «перестройки» и «гласности». Эти слова впервые ввел в обиход Андрей Сахаров в своей статье 1972 года. Но в общественном сознании они заслуженно связаны с именем Михаила Горбачева, в 1985 году ставшего Генеральным секретарем ЦК КПСС. Считается, что перестройка — бескровная революция, которая изменит страну, называвшуюся «обществом развитого социализма».

Эти пять лет нельзя рассматривать как нечто единое. Я разделяю их на два периода. В первый произошли важные изменения внутреннего и международного характера: гласность, освобождение большинства узников совести, изменение политики в области эмиграции и поездок на Запад, реальные шаги в разоружении и, наконец, вывод советских войск из Афганистана. Именно в этих вопросах Советский Союз всегда испытывал наибольшее международное давление. Поэтому положительное решение их принесло Горбачеву восторженную любовь Запада и создало в СССР атмосферу доверия к лидеру перестройки, особенно среди интеллигенции. Доверие несколько поколебали активные, но часто дававшие негативный результат меры экономического характера и особенно «антиалкогольная» кампания. Она принесла Горбачеву кличку «минеральный секретарь» и погубила некрепкий советский рубль. И все же в непоследовательных, противоречиво сменяющих одна другую, эклектичных мерах тогда прослеживалось стремление к экономическому оздоровлению страны.

Во второй период стали производиться частые изменения Конституции, которые были направлены (от Закона о выборах народных депутатов СССР до введения поста президента) на усиление личной власти главы государства. Страна продолжает

двигаться к экономическому краху, происходит быстрая политизация населения, создание многочисленных народных фронтов, клубов избирателей и других неформальных организаций, идут забастовки, кроваво обостряются застарелые межнациональные конфликты, усиливаются сепаратистские тенденции в различных республиках. Ответные меры правительства неадекватны, иногда чрезмерны, иногда частичны, почти всегда принимаются с большим опозданием, отчего становятся бессмысленными. К примеру, страна не знает, что будет есть завтра. А ей предложен пятилетний план, ничем концептуально не отличающийся от почти полутора десятков прежних, в котором учтено все до последней морковки, но нет указаний на изменения в характере собственности и не отражен переход к свободному рынку, который, кстати, должен сам работать вместо плана.

Если нужно ввести войска, чтобы прекратить кровопролитие, то это делается с большим опозданием. Когда войска не нужны, как это было в Тбилиси на мирном митинге, они вводятся и применяют саперные лопатки и газы. На всех этапах от района и до центра прослеживается тенденция пресечь развитие неформальных движений, отказы в регистрации, задержания и иногда аресты лидеров. Явно проступает страх руководства перед народом и нежелание идти на диалог с оппозицией. В самой резкой форме это проявляется на заседаниях Верховного Совета и на съездах народных депутатов. Был принят ряд антидемократических законов. Все вместе — саперные лопатки и газы в Тбилиси, потом и танки в Баку, погром армян в Сумганте, турок-месхов в Фергане, русских и армян в Душанбе, вооруженные столкновения в Новом Узене, в Абхазии и Осетии, продолжающийся армяно-азербайджанский конфликт — уже дало такое количество жертв, которое превысило число погибших на площади Небесного Согласия в Пекине. Возникла новая проблема — беженцы. Их число приближается к двум миллионам.

Первый и второй периоды перестройки нерасторжимо связаны с двумя ошибками. Первая — это отсутствие четко сформулированного представления о цели перестройки. В словах Горбачева она несколько раз менялась. В последний раз — после Пленума ЦК КПСС — сказано, что мы будем строить «демократический, гуманный социализм». Вряд ли кто-то сможет объяснить, что это такое. Но все, кому довелось жить при «социализме» или в странах, где все еще строят «социализм», знают, что он не принес людям свободы, уверенности в будущем своих детей, достойного уровня жизни. А многим он не принес даже элементарной сытости.

Вторая ошибка — та, что с самого начала перестройки не

была создана политическая основа для нее — новая конституция и новый Союзный договор. О необходимости нового Союзного договора Горбачев впервые упомянул две недели назад. Конституционная комиссия была создана на I съезде в июне 1989 года. Ее единственное заседание было 27 ноября. Андрей Сахаров представил там свой проект, просил опубликовать его в центральной прессе и начать обсуждение, что не сделано, хотя других проектов не было. Проект Сахарова называется «Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии». В ней гражданам гарантируется защита от произвола государства и обеспечиваются права личности на основе Всеобщей декларации прав человека и Пактов о правах. В ней также провозглашается равноправие всех видов собственности как основа для экономического развития. Вместо ранее существовавшего неравноправия народов, проявлявшегося в том, что в стране существует иерархия народов республиканского значения, автономно-республиканского, автономно-областного и т. д., все народы получают одинаковый республиканский статус. Таким образом, республик вместо 15 станет около пятидесяти. Только после этого может быть сформулирован новый Союзный договор. Согласно ему каждая из республик будет делегировать центральному правительству только те функции, которые сочтет нужным, в зависимости от своих ресурсов, экономического развития, культурных и исторических традиций и т. д.

Конечно, проект Конституции Андрея Сахарова требует обсуждения, уточнения формулировок, редактирования, возможно, дополнений. Но бесспорно, что если бы Горбачев начал перестройку с создания ее политической основы, то он не обрек бы на многие беды себя и, что гораздо трагичнее, — всю страну и населяющие ее народы. А пока политическое переустройство страны проходит лишь на формальном уровне, а не по существу (например, был председатель Верховного Совета СССР — стал президент. Ну и что?). Демократическая направленность перестройки поддерживается только усилиями народа, не согласного на возврат к прежней жизни.

В то же время восточноевропейские страны — бывшие советские сателлиты — невиданно быстрыми темпами проводят свое политическое переустройство. В них создаются реально многопартийные системы. Они принимают новые конституции или восстанавливают старые — досоциалистические, проводят более свободные выборы. На Западе распространено мнение, что это происходит благодаря политике Горбачева. Но это заблуждение. На сегодняшний процесс преобразований в Восточной Европе СССР не смог и не сможет влиять, потому что Горбачев почти

безнадежно опутан внутренними проблемами. И даже его армия, все еще способная разрядить свой агрессивный пыл внутри СССР, вряд ли после «великого афганского похода» согласится оказать «интернациональную помощь» в Берлине, Праге или Будапеште. Такому психологическому состоянию армии немало способствовал эпизод, разыгранный на I съезде. Власти хотели отвлечь внимание от ответственных за афганскую войну и пытались представить Сахарова как человека, оскорбившего советских солдат. Этот день — 2 июня — народная молва назвала «черная пятница», но привел он к тому, что Верховный Совет СССР был вынужден официально осудить афганскую войну.

Что же получил СССР за пять лет перестройки? Почти пустые полки магазинов и снижение промышленного производства; неудержимо инфлирующий рубль и полностью разрушенную финансовую систему; неограниченную президентскую власть и полную потерю доверия к власти вообще; бурлящие мусульманские республики и незатихающий кровавый конфликт в Закавказье, Литву, объявившую себя независимой, и другие республики, проявляющие стремление к тому же.

На трех последних пунктах я хочу остановиться.

Я думаю, что Средняя Азия на пороге взрыва не потому, что существует исламская нетерпимость. Все проще. Приведу ряд цифр. Советский уровень бедности — 78 рублей в месяц на человека. В Таджикистане 58,6% населения живут на меньший доход. Это означает, что два человека из трех — нищие. В Узбекистане так живут 44,7% населения, в Киргизии — 37,1%, в Туркмении — 36,6%, в Азербайджане — 33,3%. Для сравнения: в РСФСР — 6,3%. Таков результат имперской политики центра. Не России и россиян — они тут ни при чем, а именно центра. Прибавьте к нищете еще то, что в Средней Азии самый высокий в стране уровень безработицы, самая высокая детская смертность, каждая вторая беременность у женщин кончается выкидышем из-за отравлений пестицидами, половина детей по той же причине страдает хроническими заболеваниями печени, на тысячи километров вокруг Аральского моря земля покрылась солью, и соленое материнское молоко стало ядом для младенцев. Что может сделать центральное руководство для народов этого региона, я не знаю. Пока оно только бросает туда армию, когда вспыхивают ужасающие по своей жестокости погромы.

Закавказье. Армения была первой республикой, безоговорочно поверившей в политику перестройки. Поверив в лозунг Горбачева, что «вся власть на деле должна принадлежать Советам», областной Совет Нагорного Карабаха принял большинством голосов — 121 против 3 — решение о присоединении к Армении.

Москва не признала этого законного решения. Более того, там, «наверху», разгневались на всех армян. После этого в азербайджанском городе Сумгаите был организован чудовищный армянский погром, правду о котором наша страна не знает до сих пор. Армяне потребовали правосудия. В ответ была спровоцирована военная акция в армянском аэропорту Звартноц. Потом погромы в Кировабаде. Наконец, через девять месяцев удалось довести народ до того, что последовали ответные акции насилия и многотысячные потоки беженцев с двух сторон. Азербайджан блокировал единственную железную дорогу, по которой шло все снабжение Армении, в том числе и для разрушенных землетрясением районов. С небольшими перерывами блокада идет по сей день. В Баку был погром, направленный уже не только против армян, но и евреев, и русских. Власти послали туда армию только на шестой день, когда бушующие толпы направились громить «святая святых» республиканской столицы — ЦК КПА и Верховный Совет Азербайджана. Сегодня армия проводит депортацию армян из сел Карабаха в безземельную, разрушенную Армению, где сейчас более миллиона бездомных. Мотивируется это тем, что армия не может обеспечить безопасность. Если депортация будет продолжаться, то может наступить день, когда в Карабахе не останется армян. Одновременно почти по всей линии границы между Арменией и Азербайджаном идут вооруженные столкновения, которые в любой момент могут перерасти в большую войну. Кем тогда в глазах мировой общественности предстанет Горбачев — автором перестройки или автором второго геноцида армян?

У меня ни на минуту не выходят из памяти слова Андрея Сахарова на заседании Верховного Совета: «Для Азербайджана вопрос Карабаха — это вопрос престижа, а для Армении — это вопрос жизни». Горбачев слышал эти слова, но он не захотел их услышать. Вся страна понимает, что власти не умеют или не хотят решать возникающих конфликтов парламентским путем. И как только это становится понятным, открывается путь любому насилию, везде...

Литва. Сегодня самое больное место. Право на самоопределение республик вплоть до отделения записано во всех трех советских конституциях — двух сталинских, 1924 и 1936 годов, и брежневской 1977 года. Если за 66 лет верховные руководители страны не создали механизма самоопределения и выхода из состава СССР, то ответственность за это ложится на тех, кто эти годы правил страной, в том числе и на Горбачева.

Но для Литвы и ее прибалтийских соседей право на независимость обосновано еще и тем, что они были включены в состав

СССР в результате тайного сговора между Сталиным и Гитлером. Недавно полную незаконность этого сговора признал даже СССР. А большинство западных стран, в том числе США, всегда признавали независимость Прибалтийских республик. Что мешает им теперь законно подтвердить свое признание? Что мешает западным руководителям — республиканцам, консерваторам, христианским демократам, социалистам — установить дипломатические отношения с Литовской республикой? Сколько ни ищут ответа на этот вопрос, нахожу только один: мешает страх. Многолетний страх перед СССР. Но ведь это означает, что в глубине души они абсолютно не верят Горбачеву и перестройке. И еще это означает, что нам всем надо забыть о разоружении и благодарить Бога за то, что пока еще существует стратегия ядерного сдерживания.

Руководители европейских стран (Восточную Европу я отношу сюда) и Америки ограничиваются ничего не значащими заявлениями, в которых выражают надежду, что кровопролития не будет, а в Литве тем временем наращивается военный контингент, захватываются партийные и правительственные здания, изгоняются иностранные журналисты. Потом, когда пресса будет удалена, ничего не стоит спровоцировать акты насилия, создать марionеточное правительство и всему миру заявить, что только «отдельные экстремисты» стремились к независимости, вопреки воле литовского народа, который хочет «вечно и нерушимо» жить в составе СССР. И все будет тихо и мирно! Но нет! Тихо и мирно уже не будет. Сегодняшнее бездействие Запада не может помочь Горбачеву и перестройке. Оно губит и его, и ее. Будет кровопролитие. Каждая пролитая капля крови ляжет на совесть не только тех, кто ее прольет, но и на совесть сегодня бездействующих лидеров Запада. И при помощи их молчания Горбачев пополнит ряды тех восточноевропейских лидеров, с которыми недавно целовался и которые сегодня объявлены политическими преступниками. Как это ни странно, при той пессимистической картине, которую я описала, я сохраняю каплю оптимизма в надежде на то, что Запад будет способен увидеть перестройку в СССР вне ауры первых двух лет, а во всей сложности переплетений ее пятилетия.

Когда я поставила точку, но еще не успела перечитать эту статью, пришли известия из Москвы, что Верховный Совет принял закон о порядке выхода республик из Союза. Первым пунктом в нем стоит референдум, и тут нечего возразить, хотя я думаю, что из референдума должны быть исключены солдаты срочной службы, находящиеся на территории республик временно, только на время службы в армии. Последний пункт закона — утвержде-

ние выхода из состава СССР Съездом народных депутатов — фактически перечеркивает весь закон. Уже было подсчитано, что делегация РСФСР на съезде (только одна и даже не в полном составе) может забаллотировать любое предложение, даже исходящее от всех остальных республик, вместе взятых. И второй закон — о чрезвычайном положении при стихийных бедствиях и массовых беспорядках — вряд ли улучшит общую ситуацию в стране. Начнись сегодня массовые беспорядки в нищей и голодной Средней Азии, в ответ на которые президент введет чрезвычайное положение и армию, — и получится новый Афганистан.

Апрель 1990 года

СОЦИАЛИЗМ И МИФ О СОЦИАЛИЗМЕ

Миф — одно из самых прочных творений человеческого разума. Потребовалось 70 лет, чтобы разрушить миф о социализме как о самой благодетельной и справедливой общественной системе. Его не сломали миллионы погибших в гражданской войне, от голода, раскулачивания, при расстрелах и в лагерях уничтожения. Его не сломали кровь на улицах Будапешта и у Берлинской стены, танки в Праге и голосование ногами многих тысяч людей, покидающих свои страны в поисках более достойной жизни. Миф сломался сам о себя — о пустые полки наших магазинов и пустые слова. Оказалось, что сюрреализм — это не только течение в искусстве, а жизнь без свободы, нормальной пищи и жилья, современной медицины, обеспеченной старости и многого другого. Способ жизни, навязанной малой частью общества всем его членам.

Но общество — единый организм, и процветание верхушки невозможно, когда умирают корни. Это понял капитализм. Опровергая Маркса, он не допустил предсказываемого им «абсолютного обнищания рабочего класса», а создал «средний класс» — самую творческую и продуктивную часть общества, гарант его стабильности и благосостояния.

Номенклатура в СССР тоже сообразила, что экономический крах системы станет ее концом. Не собираясь перестраивать общество по существу, она надеялась, что, сделав некоторые уступки Западу, получит от него помощь и избежит полного крушения. Так родилась перестройка и был выдвинут новый лидер — Горбачев. Он начал с уступок там, где Запад много лет их добивался, — разоружение, освобождение узников совести, широкие контакты с Европой и США, вывод советских войск из Афганис-

тана и гласность. Последняя была нужна в основном для того, чтобы свалить все беды на прошлое, но как-то незаметно расширила свои границы. Вершиной ее стал I Съезд народных депутатов. Он обнажил такие пороки общества, правду о которых, видимо, не знали и высшие его руководители. Съезд имел громадное значение не только для СССР, но и для стран Восточной Европы. Он показал, что Советский Союз бессилён задерживать идущие в других странах демократические процессы. И мир с осени 1989 года стал меняться буквально по часам. Миф о социализме пал. Его последствия нам придется долго и тяжело изживать, и трудность этого пути усугубляется рождением нового мифа о том, что Горбачев стремится к демократии, что ему мешают, что единственная помощь ему — полное молчание в стране и на Западе.

Влиянию нового мифа поддались не только шаткие либералы в СССР, но и многие люди Запада, включая тех его лидеров, которых еще недавно советская пресса именовала «железными», «твердолобыми», «ястребами». Горбачев провозгласил «перестройку». Но никто не задал вопроса: что же будет построено? Его слова «демократический гуманный социализм» взяты из прошлого. За ними нет реального содержания, как не было его у терминов «социализм — первая фаза коммунизма» или «развитой социализм». Строить его не стоит труда, потому что, едва вырвавшись из мифа, мы вернемся вновь «на круги своя», к прежней сюрреальной жизни, где все есть на словах, а на деле 60 миллионов людей живут за чертой бедности (это в целом по стране, а в мусульманских республиках — нищий каждый второй или третий человек). Прошло пять лет, но все еще нет конституционной основы для будущего. И теперь уже не ясно, понадобится ли новый Союзный договор, потому что, пока наверху думают, в республиках тоже не спят. Уже свершившийся факт, что в Союзе нет Прибалтийских республик. Можно гадать, какая республика будет следующей независимой страной.

Спустя 66 лет после принятия первой Конституции СССР принимается Закон о регламенте выхода республик из Союза. Запад считает, что раз теперь есть закон, то надо ему следовать, а для людей в СССР ясно, что за ним скрывается, и он уже имеет народное название — «Закон о невыходе». Ни этот закон, ни блокада не вернут Литву под крыло Союза, как не вернут и ее соседей. Можно, конечно, расширить блокаду и к Литве добавить Латвию и Эстонию, но предварительно все же следует задать вопрос, что будет с хозяйством всей страны.

Понимает ли не вмешивающийся в проблему Литвы Запад, что он принимает на себя наследство Сталина и Гитлера и уже

не на двух этих тиранов, а на сегодняшних лидеров Запада ляжет историческая ответственность, если разразится трагедия?

Чуть ли не первый лозунг перестройки — «Вся власть Советам». Но когда областной Совет Карабаха принимает законное решение о присоединении к Армении, то перестройки как будто нет, и нерушима сталинская Конституция, в которой статья о праве народа на самоопределение соседствует со статьей о неизменности границ республик. Торжествует государственность, но не народ. Народ Карабаха голодает, его насильно депортируют, и вся Армения, разрушенная землетрясением, задыхается в блокаде. В свое время никому в мире, кроме, кажется, СССР, не пришло в голову считать голод в Биафре внутренним делом, так же как сегодня голод в Эфиопии и апартеид в ЮАР. Однако судьба армянского народа, поставленного на грань уничтожения, воспринимается Западом как внутреннее дело СССР.

«Вся власть Советам» — и президент отнимает у Моссовета, а заодно у десяти миллионов москвичей право решать, где в своем городе они могут высказать отношение к происходящему в стране. Принимается запоздалое решение о статье 6 Конституции СССР (Сталин, между прочим, до такой гениальной статьи не додумался, это брежневское нововведение, т.е. ныне здравствующей номенклатуры), и сразу президент вводит в Президентский совет шесть членов Политбюро и «для демократичности» — представителей общественности, но не той, которая пользуется поддержкой избирателей, а, наоборот, двух представителей формирующейся новой национал-социалистической идеологии. Вообще-то она, эта идеология, старая, но у нас в стране так откровенно ошую и одесную главы государства еще не сидела, кроме как во времена, когда Молотов в своей речи 1939 года рассыпался в комплиментах немецкому национал-социализму.

Власть не доверяет народу — и создаются закон о забастовках (стыдливо именуемый законом о трудовых конфликтах), законы о внутренних войсках, о чрезвычайном положении, пресловутый закон о «невыходе», «Закон о президентском правлении» и еще многие антидемократические, антинародные законы. В течение двух лет перекраивается Конституция с единственной целью сосредоточить абсолютную власть в руках главы государства. Венцом можно считать прошедшее на глазах у всей страны выкручивание рук III съезду, закончившееся избранием президента.

А народ, в свою очередь, не доверяет власти, которая всегда персонифицирована. Народ не доверяет Горбачеву. Только что на первомайской демонстрации он это показал, хотя Горбачев решил, что ему такого видеть не надо, и с трибуны ушел. Многие

считают, что обиделся, другие — что испугался. Меня тоже напугал этот день, но не народ на площади, а количество вооруженных людей вокруг. Как будто власти готовы к «кровавому воскресенью». Если такая готовность реальна, то это очень опасно, притом что власть Горбачева воспринимается как главное препятствие на пути преобразований, к которым стремится большинство населения. В разных регионах эти стремления носят не всегда демократический, часто националистический или сепаратистский характер, но четко выявляют одно — народы СССР больше не хотят и не будут жить по-старому. С каждым днем становится все сомнительней, что Горбачев сумеет вернуть утраченное доверие. Этому не способствуют откладывание экономических решений на 1991 год, антинародные законы или уход с трибуны Мавзолея.

Предстоит встреча в верхах. Американцы ждут Горбачева. Он для них автор перестройки, демократ, освободитель Восточной Европы, человек десятилетия, которому нельзя мешать. С его именем они связывают благополучие, уменьшение военного бюджета и налогов. И надежду на вечный мир. Приедет добрый волшебник из доброй сказки. Миф! Чего ждут от Горбачева народы СССР, их не интересует. Странная получается история — опять культ личности, но не «у нас», а «у них». И опять люди живут мифом, только теперь не в СССР, а на Западе.

А на московской улице идет спор, который заканчивается репликой московского парня американскому туристу: «Если Горбачев вам так нравится — возьмите его себе».

Май 1990 года

ТОЛЬКО ПРАВДОЙ ЕДИНОЙ

30 мая ЦТ показало репортаж о том, как группа армян перестреляла советских солдат на окраине Еревана. Опять раненые. И убитые. Юные, ни в чем не виноватые. Офицер показал дом, от которого велась стрельба. Рассказал, как солдаты оборонялись и как они аккуратно это делали, чтобы не пострадали жители. Потом показал оружие, отнятое у армян-«бандитов». И все это было правдой. Единственно, что не сказали телезрителям, с чего же все началось. Просто так? На пустом месте? Не знаю, как другим, но мне эта передача напомнила бесчисленные «афганские репортажи», с 1980 года и по 1989-й заполнявшие наш голубой экран. Там тоже наши мирные добрые ребята помогали сеять хлеб, строить школы, а бандиты — душманы — их за это стреляли из-за угла. И пятнадцать тысяч матерей у нас

в стране не дождалась своих сыновей. И почти миллион афганских тоже. А потом шок на всю трехсотмиллионную страну, — оказывается, нас там не ждали и туда не звали! Оказывается, мы принесли на их землю и кровь, и смерть, и голод, и пять миллионов беженцев. Есть виноватые? Нету. Были, да вышли. «Дорогие покойнички»: Брежнев, Устинов, а кто третий — забыла. Да и не важно это. Важно (хотя с Афганистаном не все еще ясно и кому-то все еще не хочется расстаться с остатками «афганской идеи»), что душманов, то есть бандитов, мы стали уважительно называть муджахеддинами. И впереди нас ждет полная правда об этой войне, которая, может, будет не менее страшной и такой же пронзительной, как правда о Калитниковском кладбище, «Золотой горе» под Челябинском и Катыни. Но, так или иначе, часть правды про Афганистан мы уже получили.

Может, пора подумать про Армению? И, говоря о том, что там происходит, начинать с начала, а не с конца. Ведь армянские парни — «бандиты» — не развлекаются тем, что стреляют в русских, молдавских и украинских ребят, а доведены до отчаяния ложью или умолчанием всех наших средств информации, и в первую очередь ЦТ, политикой, не защищающей слабого и тем разрешающей разгул насилия по принципу «сила есть — ума не надо». Погибшие солдаты не виноваты в том, что их привезли на эту землю. Но те, кто их туда послал, не идут ли они по пути зачинателей афганской авантюры? Они обязаны были задуматься, чем закончится многомесечное напряженное пребывание армии в городе, где отродясь не было национальных конфликтов. Только кровью. Есть же психологи — военные, государственные и всякие прочие, и, наверно, должны с ними консультироваться государственные и военные руководители страны. У нормального человека, хоть сколько-нибудь осведомленного о том, что было с Арменией и в Армении за эти два года, в голове не укладывается, как могло совершиться столько несправедливого за столь невеликий срок. Я задаю себе тьму вопросов и ни на один не нахожу ответа. Почему наша гласность в этом вопросе всегда не срабатывает? Почему письмо Андрея Дмитриевича Сахарова, которое он принес в «Московские новости» в марте 1988 года, было опубликовано в отрывке и до сих пор не известно стране? Почему мы не знаем, были ли осуждены участники погромов в Сумгаите и кто их судил? Почему телезрителям не были показаны суды? Почему были арестованы после землетрясения члены комитета «Карабах» — единственные люди в республике, которым доверял народ? В какой бездонный ме-

шок ушло почти 85 процентов международной и внутрисоюзной помощи Армении после их ареста? Почему, когда были почти миллионные антиармянские митинги в Баку из-за того, что армяне якобы вырубают священную рощу в Топхане, стране и Азербайджану не показали это место? Все бы увидели, что никакой рощи нет (и не было никогда), только дачи азербайджанского истэблишмента. Не верите? Спросите у А. Вольского. Он достаточно долго был в Карабахе. А дачи эти пусть посмотрел бы азербайджанский народ, 33 процента которого живет ниже черты бедности. Почему солдаты, депортирующие армян из Карабаха, говорят, что это необходимо, так как армия не может гарантировать безопасность? Почему фактически продолжается блокада Армении, особенно Карабаха, несмотря на решения Верховного Совета? Правда, на последние два вопроса лично я ответ знаю — потому что армия торчит в Ереване, где ее присутствие является объективно провокационным, вместо того чтобы охранять дороги и стать своеобразной демаркационной линией между враждующими людьми.

Только получив от ТВ и других наших органов гласности ответы на эти вопросы, страна сможет понять, что произошло, что происходит с нами. А в газетах на все лады звучит: «Информация должна быть правдивой и взвешенной». Интересно, как это сочетать? Ведь правда только тогда правда, когда она полная, а если взвешенная (кем? по чьему разумению?), то она будет полуправдой, четвертьправдой и в конце концов — ложью. Не вспоминая наше общее «далекое», стоит еще раз вспомнить Афганистан — как раз тот случай, когда мы девять лет жили «взвешенной» правдой. Год назад в Армении вышла книга «Сумгаит в показаниях свидетелей». Сегодня она опубликована в США и в Англии. Ни слова от составителя. Только голоса тех, кто пережил те дни, — сплошная кровоточащая рана. Их воспоминания — как разговор с собой. Не перед камерой, не в микрофон, не для печати. Так говорят в темноте ночи себе, молча сжав губы. А ты читаешь. Глаза заливают слезы. Ноет то ли сердце, то ли душа. И жгучий стыд, что это случилось здесь, в мое время, в моей стране. И ты вроде как соучастник. Сумгаит потряс армянский народ. Потряс жестокостью, цинизмом. А вся необъятная страна — одна шестая планеты — по сей день не колыхнулась. Она не знает правды. Гласность? Хоронили погибших, разыскивали тела пропавших. Бастовала Армения. Бастовал Карабах. С экрана телевидения российский рабочий класс упрекал: мол, чего они не работают, мы из-за них плана не

выполняем. Хотелось отвести глаза от экрана, чтобы не видеть лиц людей, которым в очередной раз заморочили голову.

Бесспорно, Сумгаит получит историческую оценку. Но как же они запаздывают, эти наши исторические оценки, будь то советско-германский пакт (в свое время подписание документа с аналогичной оценкой, составленного нашими друзьями-прибалтами, стоило добавочного пункта в их уголовных приговорах), ввод войск в Афганистан и многое подобное. Сейчас страшно, что постоянно запаздывает трезвая оценка того, что происходит в эти, уже перестроечные годы. А смотреть на два хода вперед — ни, ни... Опаздываем! И сразу же стремительно несемся вперед к следующей беде. А других «вперед» у нас в последнее время не отмечается. Я думаю, что сегодняшнее политическое топтание на месте нашей страны и всеобщее неверие корнями уходят в предсумгаитские дни. Карабах, может, первым поверил в лозунг «Вся власть Советам» и законным решением своей советской власти постановил идти тем путем, который выбрал народ — 75 процентов людей, живущих на этой земле. Армения поддержала это движение. Оно было именно перестроечным и если против, то только против сталинского способа решения, какому народу, где быть и как жить. Не поняв этого, власть защитила только сталинскую Конституцию, больше никого. Нигде в стране и больше никогда не было у перестройки и ее лидера такой поддержки, как в Армении и Карабахе. Вспомните главный лозунг тех дней: «Горбачев — да». Но страх перед любым массовым народным несанкционированным движением — изначальная доминанта нашего государства. Власти испугались. Их страх дал возможность темным силам устроить Сумгаит. Началась ложь. Стыдно вспомнить, как высокие чиновники твердили стране: мы опоздали на три часа, это была кучка хулиганов.

И покатила на нас с Карабаха (вроде как преступного — вспомните летнюю 1988 года сессию Верховного Совета) и полускрытого Сумгаита лавина трагедий: провокации вокруг Топханы, Кировабад, Тбилиси, Фергана, Узень, Абхазия, Осетия... Долгонько будут с ними разбираться комиссии съезда и Верховного Совета. И разгул насилия с двух сторон — народа и властей. И потоки беженцев. Без войны умудрились стать страной беженцев. Сколько их — армян, азербайджанцев, русских, татар, месхов, евреев, немцев? И даже на «отца народов» нельзя сослаться...

А потом новый ужас — Баку. Высокое светлое небо, пирс, уходящий далеко в море. Девья башня... На улицах жгут людей, завернутых в ковры и облитых бензином... И танки... Гос-

поди, Боже ж ты мой... Что же еще у нас будет? И каждый ищет ответ: надо ли было вводить войска? Для чего? Спасать людей или спасать власть? Ну, например, Везирова? Хоть он и вчерашний день, но...

В декабре 1988-го группа москвичей вместе с Сахаровым была в Закавказье. Встреча с первым секретарем. Везиров два часа, как на сцене, читает нам лекцию об азербайджанско-армянской дружбе. С трудом Андрей Дмитриевич пробился через его рожочуший, привычно ораторский голос. Рассказали, с чем приехали. Не заметил. Опять о дружбе: «Мы — народы-братья». Я и скажи, что братья, бывает, ссорятся, но в беде забывают прошлое. Вот землетрясение — такая беда. Вы обижены, что мир не замечает вашего дружелюбия. Отдайте армянам сейчас Карабах. Ведь там нет клочка земли, чтобы приткнуться. Весь мир ваш народ на коленях поблагодарит. И песни в веках петь будут. Видели бы вы его лицо, когда он отрубил: «Землю не дарят. Землю завоевывают. Кровью». И еще повторил со смаком: «Кровью!» Так закончился разговор с властью в Баку. Везиров обещал кровь. Она пролилась!

Вот и Баку стало прошлым. На Балтике прошло совещание. Как быть дальше? Самый частый ответ — не вспоминать эти два года. Начинать с трагического января 1990-го. Но у нас теперь все месяцы трагические. Ничего нам это не принесет, если не начать с начала этого страшного двухлетия. Руководство должно, обязано рассказать стране всю цепь своих ошибок, бездействия или недопустимых действий. Рассказать правду теперь. Пока теплится еще малая надежда на наш парламент. И не бояться ни мусульман, ни христиан, ни даже атеистов. И понять наконец, что виновником всех наших бед является страх. Страх властей потерять свою власть. Может, мне, полуармянке, полуеврейке, не надо было это писать. Лучше написала бы женщина-азербайджанка, спасающая армянскую семью. В книге о Сумгаите приведены ее слова, сказанные во время сумгаитского погрома: «Посмотри, что творится, ведь мой ребенок видит это, завтра он будет такими же вещами заниматься». Это предупреждение всем нам. Если мы не найдем пути сделать так, чтобы государство было для людей, а не люди для государства, наши дети, наши внуки станут толпой озверелых нелюдей.

Июнь 1990 года

ЖИВЕМ ШТАМПАМИ? ИЛИ КАКОЙ ПРЕДСТАВИЛАСЬ НАША СИТУАЦИЯ ИЗ-ЗА ОКЕАНА

Я почти три месяца не была дома. Меня спрашивают: «Отдохнула?» Ведь в Штатах спокойно, сытно, без очередей... Насчет сытости и очередей правда. И в новостях о нас всего полторы-две минуты. Но спокойно мне не было.

Во-первых, Литва. В который раз вопрос: что же главное — право народа на самоопределение или нерушимость границ? И еще от Максима Горького идущий вопрос: «Да был ли мальчик...» Это к тому, что был ли сговор Сталина и Гитлера, может, сговора-то и не было? Потом ввели войска. Как на пороховой бочке — всегда может взорваться. Такое чувство, что именно это кому-то надо. Литовцы не взрываются. Тогда блокада. Непоследовательность удивительная. Недавно Верховный Совет осуждает блокаду Армении, проводимую Азербайджаном, и хотя решение выполняется, как теперь любят говорить, «местами», но все же ясно, что верховная власть считает блокаду мерой беззаконной. А если так, то почему против Литвы она законна? И где же «новое политическое мышление» с приоритетом человеческих ценностей? Выходит, литовские дети, мерзнущие в нетопленном детском саду, теперь, с точки зрения тех, кто провозгласил это «мышление», уже не человеческая ценность? Многие американцы были со мной не согласны. В споре у всех один аргумент: «Нельзя мешать Горбачеву». Однообразие грустно напоминало наше бывшее «единодушное одобрение», будто вирус этого трудноизлечимого заболевания вместе с эмигрантским потоком невзначай занесло за океан.

Во-вторых, Армения. О ней в их масс-медиа не было почти ничего. Но мне бесцельно задавали три вопроса. Куда девалась большая часть помощи, которую со всего мира посылали в Армению? Почему наше правительство, обещавшее за два года восстановить зону землетрясения, забыло свое обещание? Почему российская интеллигенция не защищает армянский народ, поставленный на грань геноцида? На первые два вопроса я могла ответить точно и кратко: не знаю. На третий огрызалась, что защищать-то защищаем, только нас не слышно. В этом вопросе «новые времена» и гласность не срабатывают.

В-третьих, очень интересовались (почему у меня?), как горячо любимый американцами М. С. Горбачев относится к антисемитизму и к «Памяти». И однажды я, высказав свое отношение к проблеме формирования новой национал-социалистической

идеологии во всем ее сегодняшнем спектре, от Васильева до некоторых членов Президентского совета, пообещала моим слушателям, если судьба предоставит мне случай, передать их почти всеамериканский вопрос нашему всесоюзному президенту. Это были три направления моих мыслей, от которых я то сама не спала, то вопросы американцев спать не давали. А потом возникло еще одно беспокойство — наши новые законы, не больно ли у нас много их на очереди. И я стала спрашивать у американцев, есть ли у них тот или иной закон и как они обходятся, если нет. Прилетела домой и с первого вечера уставилась в телевизор. Беспокойство усилилось. То Николай Иванович Рыжков жалуется, что надо определить приоритеты законов, раз нельзя все принять в одночасье. То в парламенте РСФСР волнения того же рода. А у меня один назойливый вопрос: не придется ли нам их менять, когда дело наконец дойдет до Конституции?

Нужен ли закон о собственности, если в Конституции будет объявлена равноправность всех видов собственности? Нужен ли закон о земле, если мы решим утвердить в Конституции, что все, кто будет работать на земле, смогут купить ее у Советов (местных, республиканских или еще каких — ведь, может, и автономий не будет, и наконец-то придет долгожданное «когда народы, распри позабыв...») с многолетней рассрочкой и столько, сколько потянут, чтобы обработать самому или работников нанять? А те, кому земля для дачного отдыха нужна, тоже смогут купить, может, с ограничением и за «живые денежки»? И, может, мы таким образом справимся с угрожающей нам безработицей? А потом, может, конституционно решим, что нельзя всю среднеазиатскую землю забрать у людей, и оттяпаем хотя бы половину ее у хлопковых монополий. Глядишь, тогда вновь запахнет на базаре чарджоуской дыней, а Ташкент опять станет «городом хлебным». И опять же процент безработных там уменьшится, потому что невозможно поверить, что весь народ отвернется от земли, если она все же станет своей, и не по какому-то там очередному, одному из многих, закону, а конституционно. А потом, может, конституционно ликвидируем полицейскую систему прописки, чтобы тот, кого тянет к земле, не боялся, что ему на веки вечные будет заказан путь в город. Дальше больше — боюсь, что пишущая братия побьет меня камнями, но нужен ли закон о печати? Ведь конституционно будет закреплена свобода слова и оговорено запрещение пропаганды насилия, расовой, национальной и прочей розни, ну и порнографии. А если остальное можно и нужно решать через суд, который конституционно же утвердится как абсолютно независимая от властей, идеологий, партий и прочего инстиутция? А закон о молодежи?

Что тут регламентировать, если Конституция непреложно утвердит защиту любого члена общества от произвола государства и начальства любого ранга? И опять же будет суд. Я могла бы продолжать примеры. Но не в их числе дело.

Создается впечатление, что кто-то случайно или умышленно навязал нашему годовалому всесоюзному парламенту, а за ним и новорожденному российскому путь к многозаконности, которая почти калькирует те самые бесчисленные указы, постановления, инструкции и прочее, с которыми стала всеильной административно-командная система и с которыми мы и дошли до жизни такой, какую имеем на сегодняшний день. Между прочим, 1 июня — день исторический, потому что Анатолий Иванович Лукьянов по совету одного из народных депутатов предложил сегодня каждый закон через год проверять — работает ли он и в нужном ли направлении. Очень ценное предложение, только не получится ли, что весь следующий год станет для Верховного Совета годом проверок? Ведь законов-то принимали уже предостаточно, хотя работающих пока что-то не больно видно.

А тут у наших депутатов и вместе с ними у телезрителей новая забота. Не успело большинство поздравить Бориса Николаевича Ельцина с избранием, как возник вопрос: правомерно ли Россию называть Россией или Российской Федерацией? Второе мне кажется вернее, если народы, ее населяющие, сумеют сохранить федеративность. Но часть депутатов считают, что без слова «социалистическая» обойтись нельзя. Действительно, так нам привычнее. Ведь когда «социализм» был первой фазой коммунизма, мы называли ее так, и когда он стал «развитым» — тоже. Теперь нам обещан другой социализм — гуманный, демократический. Так, может, стоит назвать землю, на которой мы живем, РСФСР? К аббревиатурам, даже самым немыслимым, нам не привыкать. Но название — не ерунда. Вспомните: «большевики» и «меньшевики».

А Союз будет называться ССССР — Союз Советских Социалистических Гуманных Демократических Республик. И — «наш паровоз, вперед лети...». Остается только одно неясным: почему, например, Итальянская или Французская республики не имеют в своем официальном названии прилагательного «капиталистическая». Вот так! Эти странички (несвоевременные или, наоборот, своевременные) я написала не ради шутки. По-честному, я в ужасе от того, что мы все, от уважаемых президентов Союза и республик, от самых прогрессивных и либеральных «прорабов перестройки» до самых консервативных «антиперестроечников», — все, всей страной живем штампами. И надеемся, не преодолев их, из государства бесправных граждан создать

государство правовое? Этой болезни не избежал никто, даже в чем-то Андрей Дмитриевич Сахаров, но в его Конституции слово «социализм» все же отсутствует как «не несущее на сегодняшний день реального содержания».

Июнь 1990 года

ЧАСТЬ ПЛАНЕТЫ, КОТОРАЯ РАНЬШЕ НАЗЫВАЛАСЬ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ЛАГЕРЬ»

Сижу по ночам у телевизора, как тысячи других советских граждан, и мучаюсь вместе с депутатами, как будто на мне ответственность за те решения, которые они принимают. Одни в зале заседаний Верховного Совета СССР, другие — РСФСР. Первых слушать скучно. Все, что они делают, выглядит безнадежным. Объявляют экономическую реформу и обсуждают возможность референдума, но почти сразу президент, находясь в США, заявляет, что референдума не будет, а Верховный Совет спустя несколько недель вдруг понимает, что ничего, кроме повышения цен, не придумал, и переносит свое решение на осень. Приняли решение блокировать Литву, не подумав, что другие республики, которые будут решать вопрос о своем суверенитете, могут последовать примеру прибалтов. Запад изменил своей приверженности демократии в проблеме Литвы в надежде, что это подымет престиж Горбачева внутри СССР и гарантирует стабильность его режима. Нравственная ошибка Запада оказалась на реальной политике — доверие к Горбачеву в нашей стране продолжает неуклонно падать. Единственно, что может удержать Литву в русле союзной политики, — это укрепление экономических связей при полном признании ее независимости. Возможно, что скоро Россия начнет реально помогать Литве и ее соседям, а наша пресса будет стыдливо молчать о таких бесславных методах, как блокада. Это будет еще одной победой Ельцина над Горбачевым.

Когда Верховный Совет СССР обсуждает трагические события, касающиеся судьбы Армении, объявляется закрытое заседание. Вся страна понимает, что это от бессилия. Но руководство страны, занятое в основном борьбой за собственную власть, не хочет принять на себя ответственность за ошибки, хотя безумные кровавые события, прокатившиеся по стране (и каждый день ожидаемые новые), возникли потому, что правительство не захотело или не сумело решить проблему Карабаха, основываясь на

высшем праве любого народа на самоопределение. Теперь страна наводнена беженцами, которых, по официальным данным, более 600000, не считая почти 500000 бездомных после землетрясения в Армении. Между Азербайджаном и Арменией идет настоящая война, замалчиваемая масс-медиа. В прошедшую пятницу по ТВ сообщили, что за последние два-три «перестроечных» года внутри страны погибло более 15000 солдат. Для сравнения — за девять лет войны в Афганистане погибло 13500. А сколько погибло мирных жителей, мы не знаем. Точных данных нет ни по Армении, ни по Азербайджану, ни по доведенной до крайней степени нищеты Средней Азии, где каждый третий человек — нищий. В Узбекистане, например, по данным советских газет, ниже черты бедности живет 58% населения.

Принимают закон о печати — даже не на песке, а просто на пустом месте, потому что все, что надо для печати, в руках партаппарата: бумажные комбинаты и бумага, типографии, радио, телевидение и все остальное, что отдавать аппарат не собирается.

Одновременно верхушка партии ведет скандальную борьбу, похожую на склоку в коммунальной квартире, с остальной партией и всем народом за свои здания, дома, дворцы, дачи и прочее, потому что это якобы ее, на ее деньги построенное и должно принадлежать партии — опять аппарату. Интересно знать, кому принадлежит в Ленинграде Смольный, построенный в начале прошлого века царской семьей? Или здание ЦК в Москве, «украшающее» столицу с конца прошлого века?

На пороге XXVIII съезда в стране такое отношение к партии, что съезд ничего изменить не сможет, как бы громко ни звучала музыка в день его открытия и кто бы потом ни стал ее лидером — хоть Лигачев, хоть Горбачев. Первый у широких слоев населения давно вызывает недобрый смех, а второй в последнее время — активную нелюбовь. Через месяц или через год — вопрос только в сроке — коммунистической партии в СССР не будет, и вслед ей будут звучать столь же нелестные слова, какие мы слышим в адрес ее бывших руководителей. Полагаю, что число памятников Ленину в стране тоже сильно сократится, а может, они совсем исчезнут, как исчезли памятники Сталину. И термины «коммунизм» и «социализм» перейдут в разряд слов архаичных.

Приняли Закон о земле и аренде. Пустой закон, если арендовать землю у колхозов и совхозов, руководители которых становятся благодаря ему лендлордами или новыми помещиками, только хуже, потому что у нас нет никаких законов, ограничивающих их власть, и они будут с арендаторами расправляться, как того их душа захочет. Закон о предприятии такой же пустой. Любой новый закон работать не будет, потому что для

него нет первоначальных условий. А в принятии новых законов такая эклектика, что любой мало-мальски грамотный экономист не знает, плакать от них или смеяться над ними. Съезд, Верховный Совет СССР и президент Союза должны были начать свою деятельность с создания конституции государства и нового Союзного договора на основе того, что вначале все республики получают независимость, а потом входят в Союз на тех условиях, которые считают для себя приемлемыми. Почти все законы, которые сейчас принимаются, у суверенных республик должны быть свои. Президент Союза, не понимающий этого, обречен на провал. Вместе с ним обречены на провал все реформы и правительство, независимо от того, кем оно будет возглавляться. Сахаров предложил свою Конституцию Горбачеву 27 ноября 1989 года. Горбачев совершил ошибку, что не представил ее съезду в декабре. Тогда ее обсуждение и принятие могло многое изменить в стране и дать развитию реально демократическое направление. И спасти Горбачева. Сегодня в стране другая реальность. Но основные положения Конституции сохраняют свое значение. Однако правители нашей страны во все времена любили принимать конституции своего имени. Ради этого они забывали об интересах народа. Исходя из этого вполне исторического опыта, можно думать, что вслед за двумя сталинскими (первая считается ленинской, хотя Ленин тогда уже был безнадежно болен) и одной брежневской конституциями страну ждет горбачевская конституция. Но опыт подсказывает, что в таком случае Горбачева ждет такая же недобрая слава в будущем, как и его предшественников. Печально и то, что народные депутаты СССР и РСФСР, видимо, забыли, что во всей истории человечества выживали только те конституции (и только они приносили людям благо), которые писались одиночками, а не комиссией в 60—70 человек (СССР) или почти 100 человек (РСФСР). И автор конституции не управлял страной по высшему закону своего имени. Это изобретение нашего государства — нечто вроде «реального социализма».

Смотреть заседания Съезда народных депутатов РСФСР пока интересно. Это связано с тем, что выборы в РСФСР проходили на год позже выборов депутатов СССР. Число голосующих за решения прогрессивные в этом депутатском корпусе почти всегда близко к 50%. Но и этот съезд, приняв декларацию о суверенитете и готовясь принять Декрет о власти, иногда начинает погрязать в частности, вместо того чтобы решить вопрос своего конституционного устройства и своего федеративного договора с автономиями, причем в РСФСР автономии должны иметь реально закрепленное право на республиканский или любой дру-

гой независимый статус. Похоже, на съезде РСФСР эта идея не популярна, что означает недемократичность съезда, и если это так, то тогда все трагические события, которыми были полны последние годы в СССР, могут повториться на уровне республики. Эта проблема для РСФСР почти так же важна, как для СССР и как экономические проблемы для Союза и республики. Трудно решить сегодня, понимает ли это Борис Ельцин. Но у него, в отличие от Горбачева, есть кредит доверия у населения республики. Это может ему помочь в проведении экономической реформы. Я бы подсказала ему и еще один шанс, связанный с Японией. Четыре острова Курильской гряды весь период после второй мировой войны осложняли отношения СССР и Японии. Они сегодня часть РСФСР. Андрей Сахаров считал и говорил об этом в Японии, что они должны быть возвращены. Но не отданы безвозмездно. Япония должна заплатить за все, что на них построено, сооружено за эти годы. Военные и другие объекты должны стать объектом купли-продажи. Земли завоевываются или покупаются. Но во все времена торговля была много выгодней войны. На эти деньги РСФСР могла бы обеспечить себе материальный резерв для проведения реформы. Япония же, даже отдав большие деньги, приобретет большие возможности рынка, совместных предприятий, концессий, и при ее развитии такие широкие экономические связи полностью компенсируют затраты. Конечно, для Ельцина и правительства РСФСР такой шаг был бы нетривиальным. Но сегодня часть планеты, которая называлась раньше «социалистический лагерь», вообще находится в нетривиальных условиях.

Июнь 1990 года

«САДЫ САХАРОВА»

Интервью с Еленой Георгиевной Боннэр

(В израильской столице появилась новая достопримечательность: на огромной скале справа от въезда в город сделаны уступы-террасы, на которых разбит парк. Высоко над землей на четырех языках: иврите, английском, арабском и русском — вырезана надпись: «Сады Сахарова». В церемонии открытия «Садов Сахарова» участвовала вдова великого ученого, мыслителя и правозащитника Е. Г. Боннэр, ее дочь Татьяна Янкелевич, мэр Иерусалима Тедди Колек, председатель Сионистского форума советских евреев Анатолий Щаранский, представители дипломатического корпуса и израильской общественности.)

- *Этот памятник Андрею Дмитриевичу не совсем обычен...*
- *Цветы, деревья, зелень воплощают идею мира, идею жизни. Это то, чему посвятил себя Сахаров.*
- *«Сады Сахарова» — первый памятник ему?*

— Первый. Моссовет планирует международный конкурс на памятник Сахарову в Москве, но прежде нужно определить место. Вообще же для увековечения памяти Сахарова кое-что уже делается. Почти сразу же после его смерти именем Сахарова была названа площадь в Ереване, а в Ереванском университете учреждена стипендия его имени. В Москве собираются создать музей Сахарова. Академия наук СССР хочет учредить медаль Сахарова и установить Сахаровскую стипендию.

Начинают выходить в свет его труды. К моему приезду в Израиль приурочили продажу книги А. Д. Сахарова «Воспоминания», вышедшую в Соединенных Штатах по-русски. В октябре ее начинает печатать московский журнал «Знамя». Сразу после смерти Андрея Дмитриевича в Москве вышел маленький сборник его публицистики, за ним следовал большой сборник. В Соединенных Штатах начинается продажа «Воспоминаний» в переводе на английский язык. Вышло их французское издание, готовится японское. Я пишу к ним предисловия и составляю комментарии. Для русских изданий вычитываю верстку и участвую в подготовке к печати. Предстоит большая работа в связи со скорой публикацией дневников Сахарова. Он вел их в Горьком, когда я уезжала на лечение за границу, записывал для меня происходившие события, делился мыслями — и, кроме меня, их никто не может расшифровать. Самая трудная работа, связанная с увековечиванием его памяти, — организация международного мемориального Сахаровского конгресса, который должен состояться в Москве с 21 по 25 мая 1991 года. Он приурочен к 70-летию со дня рождения Андрея Дмитриевича. В общественный организационный комитет вошли представители СССР, США, Франции, Италии и других стран, в том числе и восточноевропейских.

Утверждены две темы, близкие А. Д. Сахарову. Первая называется «СССР и страны Восточной Европы на пути от милитаризма к правовому государству». Именно «на пути», потому что правовыми государствами они пока еще не стали, хотя какие-то шаги в этом направлении — у одних больше, у других меньше — делаются. Вторая тема «Чернобыль: авария и ее последствия» (локальные, медицинские для большого числа людей и психологические для всего мира). В связи с этим вопрос о будущем ядерной энергетики. Последние годы жизни Андрей Дмитриевич очень интересовался этими проблемами и предлагал пути их решения. Первым направлением будет руководить профессор Йельского университета (США) Либсон и известный правозащитник Сергей Ковалев, семь лет проведенный в лагерях. Вторым направлением — профессор Гарвардского университета (США) Ричард Уилсон. Предполагается один день посвятить торжественному

мемориальному заседанию, на второй день состоится пленарное заседание с докладами по этим двум темам, два дня продлятся заседания секций.

— *Андрей Дмитриевич говорил о мирном, эволюционном переходе советского общества от тоталитаризма к демократии. А между тем этот переход сопровождается ненавистью, конфликтами, порой принимающими дикие, варварские формы.*

— Это результат того, что наши руководители опаздывают в каждом своем шаге. Во время избирательной кампании Сахаров выставил требование условной передачи земли тем, кто на ней работает, — крестьянам. Он говорил о праве выкупа земли для вечного пользования и ее наследовании с растянутыми на много лет платежами. Если бы к весне 1989 года это было сделано, то через два года Россия была бы такой же сытой страной, как когда-то. Вместо этого ввели аренду земли у колхозов и совхозов, при которой производитель попадает в зависимость от председателя колхоза или директора совхоза и перестает быть свободным. Таким же пустым оказался и закон о предприятии. Люди разочаровались и ничего не хотят брать.

Сегодня партия кричит, что нельзя совмещать две должности — Генсека и президента, и Горбачева практически прогоняют. А перед выборами 1989 года Сахаров предупреждал о том, что это опасное совмещение. Теперь отменена статья 6-я Конституции о руководящей роли коммунистической партии в обществе и государстве, но отменена она поздно, после выборов. Если бы это было сделано своевременно, как предлагал Сахаров, то в местные и республиканские органы власти были бы избраны такие же новые и современные лидеры, как в Москве, и с властью партии фактически было бы покончено. Но сделать этого не дали. Народ стремится к парламентскому, эволюционному, плавному пути преобразований, а правительство, противясь этому, провоцирует конфликты и столкновения. Проблема Нагорного Карабаха возникла потому, что центральное правительство не захотело решить проблему единственно возможным парламентским путем. Нагорно-Карабахский Совет народных депутатов осуществил свое конституционное право на самоопределение, но Горбачев и его правительство пошли на поводу у сталинской Конституции, по которой незыблемость внутрисоюзных границ превалирует над правами народов на самоопределение. А ведь Сталин нарочно заложил такое противоречие. Горбачев без малейших колебаний менял Конституцию, чтобы обеспечить себе максимум власти. Ему ничего не стоило поменять и это положение сталинской Конституции, но он не сделал этого, и восторжествовал установленный Сталиным порядок. Это повлекло за собой кровавый конфликт и гибель

многих людей не только в Закавказье, но и в Молдавии, и в Средней Азии, и в Казахстане. Неумение или нежелание властей решать конфликтные ситуации парламентским способом вызвало глубокое разочарование населения и открыло путь повсеместному насилию.

— *Сегодня можно услышать голоса о том, что решительные требования подлинно демократических реформ могут привести к гражданской войне, что она уже чуть ли не начинается.*

— Это неверно — в стране нет ситуации гражданской войны. Первой объявила о своей независимости Литва. Горбачев испугался. Вместо того чтобы приветствовать независимую Литву и договориться с ней о естественных и взаимовыгодных экономических и политических связях, он поднял крик. Только после провозглашения независимости Эстонией и Латвией Горбачев притих. За ними последовали Грузия, Узбекистан, Молдавия, Россия, Украина, Белоруссия. Все они объявили о том, что республиканские законы имеют преимущество перед общесоюзными, которые будут действовать на территории республик лишь после их ратификации национальными парламентами. Фактически Горбачев и его окружение уже лишились власти. Они будут обладать только теми полномочиями, которые республики им предоставят. Не станем предсказывать будущее, но ясно, что тот Советский Союз, к которому мы привыкли, заканчивает свое существование. События развиваются по тому пути, который наметил Сахаров, хотя уже и без него. Республики принимают демократические парламентские решения, и никакой гражданской войны нет. Но повторяю, из-за того, что центральная власть оказалась не готовой к этому, возникли трагические национальные конфликты и противоречия.

— *Одно из разочарований, которое я испытал, побывав не так давно в Москве, заключалось в том, что образованные и, казалось бы, мыслящие люди говорили мне, что при всех недостатках Горбачева альтернативы ему сегодня нет — нет другой фигуры, которая смогла бы стать во главе страны. Так ли это? Неужели настолько оскудела страна?*

— Вначале, находясь на вершине власти, Горбачев сделал крупные нетривиальные шаги, объявив о необходимости перемен, о том, что жить, как прежде, мы не можем. Но пятилетие его власти состоит из разных периодов. Последние два — два с половиной года движение вперед прекратилось вообще. Сегодня выходит, что преобразования пошли в основном на то, чтобы гарантировать Горбачеву личную власть. Если во внешней политике произошли многие положительные сдвиги, особенно в том, что касается Восточной Европы и отношений с Соединенными Шта-

тами, то во внутренней политике принятые при Горбачеве законы запоздали или неполноценны и реально ничего не дали. Сегодня Горбачев стал препятствием на пути демократического развития общества.

Есть ли ему альтернатива? А почему же нет? Десять лет назад никто не знал Горбачева. Три года назад никто не слышал о Ельцине. Одни деятели уходят, другие приходят. У нас есть люди не только образованные и умные, но, главное, с прекрасными экономическими программами — например, академики Тихонов, Емельянов... Есть люди, действия которых определяются реальными демократическими устремлениями, а не жаждой власти. Так что альтернатива Горбачеву всегда найдется.

— *Андрей Дмитриевич был совестью, моральным критерием общества. Но согласился ли бы он в нынешних условиях занять высокий государственный пост?*

— Людей высокого уровня совести в стране много. У Сахарова так сложилось, что судьба и совесть совпали, что он оказался достоин своей судьбы. Будучи внутренне независимым от государства, он много дал ему, и государство должно было выразить к нему свое отношение. И все же не нужно переоценивать роль личности. В сегодняшней России очень сильны демократические тенденции — это один из важнейших факторов нашего времени, который ничем, включая армию, перебороть нельзя. Не хочу думать, что Россия хуже других. Люблю ее и верю, что она выберет достойный путь развития.

Что касается того, согласился ли бы Сахаров занять высокий государственный пост, то тут я была бы против — это деятельность на измор. Я хочу, чтобы много лет спустя, когда в саду Сахарова будут гулять влюбленные пары и пойдет разговор о том, кем был Сахаров, прозвучал ответ: просто человек.

— *Как относился великий русский патриот Сахаров к тому, что евреи покидают Россию?*

— Можно, я сделаю замечание к вашему вопросу? Андрей Дмитриевич очень не любил слово «патриот». Потому для меня это слово как-то не сочетается с его именем. Но если уж употреблять его, то Андрей Дмитриевич — патриот всего человечества. Он был очень космополитичен по своим заботам, мирозерцанию, мироощущению. И если эти заботы больше проявлялись по отношению к России, то скорее по принципу «где родился, там и пригодился». Но заботы о сохранении мира на планете, о ее экологическом выживании, о всеобщей справедливости были для него главными. Он никогда не решал ни одного вопроса только с точки зрения интересов своей родины.

Возвращаясь к вашему вопросу, скажу, что к репатриации

евреев он относился положительно. Он защищал их право на выезд из Советского Союза, видя в этом часть гражданских прав. Он считал свободный выбор страны проживания самым важным не потому, что он важнее свободы совести, права на получение и распространение информации и т. д., а потому, что видел в нем гарантию защиты гражданина от произвола государства. Государство должно знать, что гражданин не является его собственностью, что если он недоволен государством, то может уехать в другое. По любой причине — идеологической, религиозной, национальной, личной. Сахаров защищал право на эмиграцию для всех, в том числе для евреев.

— *Если бы во время горьковской ссылки появилась фантастическая возможность уехать на Запад, как бы Андрей Дмитриевич к ней отнесся?*

— В 1983 году норвежский парламент единогласно постановил просить советское правительство дать Сахарову разрешение на эмиграцию. Сахаров согласился, но советское правительство не разрешило. В 1985 году, когда я выехала на Запад для операции на сердце, моя кампания в защиту Сахарова строилась не на том, чтобы ему позволили эмигрировать, а на том, чтобы разрешили вернуться в Москву. В принципе он эмигрировать не хотел и даже не стремился к поездкам на Запад. Для него это скорее был вопрос прав человека, показатель открытости общества. Он считал, что разрешение поездок ему лично снимет какие-то преграды для других. Я возражала против его голодовки с целью добиться моей поездки на лечение. Он отвечал: «Я голодаю не только за твою поездку: твой отъезд поможет преодолеть препятствия другим, расширит их права».

— *Западная, а теперь уже и советская пресса много пишет об антисемитизме в сегодняшнем Советском Союзе. Естественно, нас в Израиле эта проблема очень беспокоит. Вы человек «оттуда» и лучше знаете реальную ситуацию в СССР.*

— С антисемитизмом дело сложно. Он существует и в других странах, где в большей или меньшей степени проявляется в общественной жизни. В самое последнее время его волна прокатилась по всей Европе — от Польши и Венгрии до Англии и Франции. Мне трудно объяснить, чем она вызвана. Иногда кажется, что она спровоцирована.

Рискуя навлечь на себя недовольство некоторых людей, скажу: мне не кажется, что антисемитизм в СССР растет. Куда опаснее другое явление, которое нельзя недооценивать, — формирование хорошо известной миру, но новой для России национал-социалистической идеологии. Сформировался идеологический центр националистов. К сожалению, в него входят или к нему

примыкают если не интеллигенты (потому что интеллигентность несовместима с шовинизмом и антисемитизмом), то представители интеллектуальных кругов — ученые, писатели, художники. И хотя их можно перечесать по пальцам, под их идейное воздействие подпадают значительные группы людей. Меня не покидает ощущение, что им покровительствуют какие-то круги в правительстве и партии, а также какие-то люди, находящиеся на административных уровнях ниже правительственного. И несмотря на то что закон предусматривает уголовное преследование за пропаганду расовой нетерпимости и разжигание национальной розни, никто из нарушителей этого закона наказания не понес.

Но было бы неправильно обвинять в антисемитизме весь народ. Об этом говорят и результаты различных независимых социологических опросов, и результаты выборов. Антисемитская идеология не получила поддержки избирателей: ее носителей не выбрали ни в местные, ни в республиканские Советы.

Национал-социалистические группы в СССР пока немногочисленны, но в 20-е годы Гитлер и его молодчики, собиравшиеся в захудалой мюнхенской пивной, тоже не пользовались популярностью. Так что трудно сказать, что вырастет из российских фашистов на фоне поразившего страну экономического кризиса. Такие агрессивные идеологии формируются везде, где нечего есть. А для власть имущих они всегда были выгодны, потому что отвлекали массовое сознание от размышлений о реальных виновниках общественных бед, находили вымышленного врага. Таким врагом может быть помещик, кулак, фабрикант, шпион, троцкист, еврей, армянин — всякий раз придумывается новый. Все эти приемы — одного происхождения, но антисемитизм проще всего вкладывается в массовое сознание. Это известно из многочисленных примеров истории.

— *Как вы себя чувствуете в Израиле?*

— Я рада, что существует еврейское государство. И если говорить не об отношении к государству, а о моих личных ощущениях, то мне нравится эта земля — и ее история, и сегодняшний день. История Израиля — один из важнейших элементов человеческой культуры. Здесь очень красиво. Удивительно, что климат в Иерусалиме приятный, несмотря на жару. Я знала, что это вечный город, белый город, но не знала, что он такой зеленый. Арабский Восток я хорошо знаю, была везде, кроме Израиля, и таких зеленых городов не видела нигде. Меня ошеломило, что в этой стране есть все — от полных магазинов до войны. И что евреи Израиля, несмотря на интифаду, живут нормальной жизнью, играют свадьбы и вообще — благополучная

нация, которая находится у себя дома и сама справляется со своими проблемами.

Мне очень нравятся люди, которых я здесь вижу. Я знаю, что они евреи, но это какие-то совсем другие евреи. По площадке, с которой осматривают Иерусалим, бродили три девушки и два парня в солдатской форме. Они развлекались, и одна из девушек очень легко и ловко перевернула парня и отбросила его. Тогда я подумала, что это совсем другой народ. Он как будто во времена Маккавеев вернулся. Это так здорово!

Но должна сказать, что сохраняется и моя привязанность к арабам, с которыми я подружилась в Багдаде и Сулеймании, когда в конце 50-х и начале 60-х годов работала врачом в Ираке. В совместном труде складываются близкие отношения. Я уже много лет ощущаю внутренний дискомфорт от арабо-израильского конфликта, в котором и разумом, и сердцем я на стороне евреев. Я считаю, что сто миллионов арабов могли бы не лезть на рожон, а придумать систему абсорбции для нормальной жизни палестинцев.

Этот конфликт спровоцирован Советским Союзом. Как и многие другие беды на земле, эта тоже исходит от него. Теперь СССР поддерживает лживую версию о расселении репатриантов на оккупированных территориях, прекрасно зная, что это неправда. Во внешней политике СССР за последние годы многое изменилось, но его отношение к ближневосточным проблемам прежнее. Когда Советский Союз начнет наконец заниматься собственными делами, а не чужими, откроется путь для разрешения арабо-израильского конфликта. Еще в 1956 году, присутствуя при разговоре высоких правительственных чиновников, Сахаров сказал им: чем меньше СССР будет присутствовать на Ближнем Востоке, тем быстрее утихнет вражда. Об этом он напоминает и в «Размышлениях», написанных в 1968 году.

— *Есть ли у вас в Москве возможность читать зарубежную русскую прессу?*

— Примерно полгода или год назад был период, когда я вынимала из почтового ящика «Русскую мысль» так же, как «Известия» или другую московскую газету. Последнее время она перестала доходить, но я нахожу возможность ее получать. Я считаю, что статьи и обзоры «РМ» очень важны для нас в СССР. Она дает очень интересную и правдивую картину того, что происходит в Советском Союзе. Но «Русская мысль» еще и интеллигентная газета. Литературные приложения к ней — это кладезь знаний для советских читателей, и я храню их так, как хранят книги. Другое важное издание —

«Континент». Если в СССР сегодня появилась пресса, которую интересно стало читать, то в ее становлении очень большую роль сыграл «Континент».

Интервью взял *Семен Черток*

Иерусалим, июнь 1990 года

ИМУЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

Опять страна у телевизора. Не вся и не так напряженно, как в июне прошлого года, когда надежда была еще сильнее неверия. Но и тогда, и сегодня за большинством, сидящим в Кремлевском дворце, в стране стояло меньшинство. Сейчас этот разрыв дошел почти до предела. ТВ сообщило, что 92 процента москвичей — за демократическую платформу. А в зале, где сидят 4500 делегатов, ее сторонников около 100 человек.

В любой нормальной стране решили бы, что с выборами что-то было нечисто. Но в КПСС, я уверена, с выборами все было правильно. Как всегда. Как привычно. Выбрали тех, кого положено было выбрать. Нормально. И уже только поэтому можно с уверенностью сказать, что страна мы ненормальная, патологическая, большая. А наша авангардная и до самого последнего времени единственная и руководящая партия — самый больной орган в организме страны. Именно об этом нам вещают с экрана ее избранники, хотя, возможно, им кажется, что они говорят о другом. Набор слов, словосочетания, логика построения речи — привычный штамп, в котором слово «перестройка» болтается, как камушки в плохо очищенной крупе.

За три дня дважды прозвучало живое, страдающее слово правды. И тогда не только мы, зрители (хотя какие же мы зрители, если наша судьба, наше «быть или не быть» решается), но и равнодушно аплодирующий или безразлично перешептывающийся зал замирает. Мы — с благодарностью, но, в общем-то, уже без надежды. Зал — напряженно, как перед боем. За что, за кого будет бой?

И начинают вычленяться из шелухи слов зернышки, сначала одно, потом второе. Всего две идеи — имущество и власть. Первое — главное, второе — следствие. Народ — рабочие, крестьяне, молодежь, пенсионеры, женщины, которые получили добрую порцию вполне мужских комплиментов, — мы здесь ни при чем. Имущество не наше, и нам надо отойти в сторонку. И даже лозунг «Народ и партия едины» не работает. Между прочим, не по вине народа в этот раз, а по причине — как бы это помягче выразиться — «дружба дружбой, а табачок врозь». Или «вместе ели, вместе спали,

вместе маяли беду, да второго расстреляли в девятнадцатом году». Год можно поставить любой по собственному желанию или семейной памяти. Ну, нас, слава Богу, не всех расстреляли. И самое время подумать, чтобы нас всех не обдурили.

Перестройка, плюрализм, многопартийность и власть Советов останутся фикцией до тех пор, пока КПСС не додумается до того, чтобы самой предложить национализацию всего своего имущества. Все райкомы и обкомы, дома и дворцы парт- и прочего просвещения, бумажные комбинаты и типографии, санатории и столовые, дачи, автопарки и... я не знаю, что там еще у них есть. Все должно принадлежать Советам, тогда им будет принадлежать власть. Любая партия, в том числе и КПСС, будет арендовать под свои нужды у Советов то, что ей покажется необходимым и что будет соответствовать ее возможностям. Все партии должны начинать с одного уровня. Тогда только возможна реальная многопартийность. Тогда и борьба станет реально идеологической. А если верхушка КПСС на своем съезде, который назвала судьбоносным, не додумается сама до национализации, то, может, помогут 18 миллионов ее рядовых членов. Наконец, все общество, если мы не толпа, а народ. Я не предлагаю ничего экстраординарного или несправедливого. И не тяну одеяло на себя. Просто я думаю, что за лозунг «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи» надо уметь жертвовать. Боже упаси — не жизнью и даже не жизненным уровнем (своим). А может, партаппарат (идейный, ленинский) захочет сам вернуть себя к партмаксимуму? Ведь в результате семидесятилетнего идеологического царствования этого лозунга (или его различных модификаций) оказалось, что ни у кого ничего нет, кроме как у КПСС есть ее имущество да еще миллиарды у таинственной мафии.

Июль 1990 г.

ПРОИЗОШЛО ТО, ЧТО НИЧЕГО НЕ ПРОИЗОШЛО

Субъективные заметки о XXVIII съезде КПСС

Были вы в океанском аквариуме? Колоссальная стеклянная банка, внутри которой внутривидовая, межвидовая и прочая борьба за существование. Ее обитатели едят друг друга. Проносится веретенообразная акула, и какое-то существо исчезает в ее пасти. По воде расходятся красные круги. Не сразу доходит, что это кровь. Осьминог прижался к стеклу — ужас, как в детстве, когда читаешь «Труженики моря» Гюго. Он так близко, его ноги (или щупальца — не знаю, как их надо назы-

вать) тянутся к тебе. Надо усилие воли, чтобы вспомнить: его водный мир надежно отделен от нашего земного мира стеклянной преградой.

В дни съезда вспомнился аквариум. Они в зале — далеко. Нас съесть не могут, правда, не из-за надежности стекла телевизора. Просто нас уже съели, теперь едят друг друга.

Шла драма. Иногда — идей, но чаще пошлая драма безыдейности. Один делегат почти плакал — как милостыни, просил из партийного бюджета миллиард на детей Чернобыля. Лица сидящих непроницаемы. Видно — не дадут. И не дали! Но постановление про зоны бедствий приняли. Из какого кармана наскребут деньги? Только не из партийного. И впредь про армию и КГБ — молчок или только хвалебное. И по-прежнему сохранятся парткомы и останутся незыблемыми политические партийно-коммунистические органы в армии, КГБ, МВД. Все, что охраняет власть, останется под властью партии.

Такая была общая мелодия. Но случались прорывы. Выступление Яковлева, почти честное. «Почти», потому что если до конца, то партию перекроить, перешить, перестроить нельзя. Страна выросла из нее, как выросли из подобных ей наши бывшие сателлиты. Почему Яковлев решил на свою трагически блестящую речь? Надоело говорить полуправду? Заранее знал, что обречен? Столь же честным был Шеварднадзе. Но обреченным не казался. Был ли это результат успехов внешней политики или тот факт, что воинствующее большинство съезда пока не объявило его сионистом. Могут возразить, что Яковлев, как и Шеварднадзе, — члены Президентского совета. Да. Но реальность — одно, а эмоции в театре — другое. Съезд был спектаклем. В первом действии побеждали правые. Потом на авансцену вышли левые. Тут кульминацией стало заявление о выходе из партии Бориса Ельцина. Россия снова любовалась своим любимцем. В полной тишине его крупная ладная фигура скрылась за дверью. И телекамера показала растерянно напряженные лица в президиуме съезда и в зале. Но заявление Шостаковского о выходе из партии нескольких человек и призыв покидать партию вновь воодушевил правых. Обсуждение этого инцидента вылилось в бурно-агрессивную сцену, напомнившую атмосферу митингов 1937 года.

Призыв к выходу из партии стал темой уличных и кухонных обсуждений. Но уходят только активные люди, а никакая партия не состоит из актива. Ну уйдут 500 тысяч, миллион, пять миллионов. Что дальше? И почему для этого надо было ждать съезда? Почему мы все время чего-то ждем, как столпившиеся на зачуханном вокзале пассажиры, когда поезд то ли опаздывает, то ли отме-

нен, то ли вообще сошел с рельсов. Ждем Съезда народных депутатов, съезда России? Или чего-то еще? Психология очереди, ожидания — продуктов в магазине, квартиры, места в яслях, приема у врача, пенсии — поразила наше общественное бытие, заменила действие и даже стремление к действию.

В целом левые в ходе съезда, мне кажется, совершили много ошибок. Ничего нового в дискуссии с Лигачевым — он давно неинтересен стране. И они забыли, что на XIX партконференции Лигачев сказал, что он один из тех, кто поставил Горбачева на главный пост. Такие слова не проходят даром. И без помощи левых Лигачева проводили бы на персональную пенсию. Сосредоточив огонь на Лигачеве, левые не задали Ивашко вопрос о том, что конкретно он делал в Афганистане, и упустили возможность показать зрителям, кто выходит в новые лидеры партии.

Главной ошибкой левых я считаю, что они не призвали страну поддержать шахтеров. Молчаливое присутствие в зале левых, когда призывали шахтеров не бастовать, замалчивая их политические требования, ставило левых по одну сторону с правыми. Похоже, что левые заимствовали у правых страх перед народом — страх бунта, беспорядка. Но политическая забастовка не бунт. Это единственная возможность для народа проявить свою волю. В наши дни это показали забастовки и массовый выход людей на улицу во всех восточноевропейских странах.

Это же показали забастовки 1988 года в Армении, массовые, до 1 000 000 человек, митинги в Баку, митинги в Тбилиси и забастовки в Прибалтике. Я уж не говорю о шахтерах, проявивших удивительную организованность и политическую зрелость. Да и наша сегодняшняя главная трагедия — национальные распри: не народы в ней виноваты, не слепая жажда крови, а «авангардная» партия, доведшая их до грани нищеты, отчаяния и озлобления, и созданное ею конституционное устройство страны. Наш молодой депутатский корпус (молодой не по возрасту, а по времени пребывания в депутатах) до сегодняшнего дня не понял, что только парламентские способы борьбы пригодны и могут быть успешными лишь для стран с уже сформировавшимися либерально-демократическими традициями, многопартийностью и свободными выборами. Наш Съезд народных депутатов СССР избирался несвободно. Последующие выборы — в республиканские и местные Советы — во многих местах проходили уже без окружных комиссий, и хотя они тоже испытывали давление действующей тогда 6-й статьи Конституции и партаппарата, их депутатский состав в целом значительно прогрессивнее.

Сегодня мало говорить прекрасные и правильные речи в Верховном Совете или на съезде, мало создавать различные плат-

формы и партии. Народным избранникам надо осознать самим и суметь разъяснить народу, что движение вперед (пусть это называется перестройкой) возможно и без бунта, и без крови, но для этого страна должна освободиться от партии-монополиста, партии-власти, потом будет время для создания всяких партий. В том числе новой коммунистической, если найдутся такие, кому все еще дорога эта идея. Не хочу говорить о прошлом, о том, партия или ее вожди виноваты, что за 70 лет мы пришли к тому, к чему пришли. Сегодня важнее, что она стала не только физической, но (что мне кажется важнее) психологической преградой народной вере, что мы еще способны сами себе помочь выбраться из трясины, в которую нас все глубже засасывает. КПСС должна быть распущена декретом съезда — не партии, а народных депутатов СССР. Ее имущество должно быть национализировано. Потом она может быть воссоздана на равных основаниях с другими партиями. Но все они должны начинать с одинакового нулевого уровня. Сегодняшний состав народных депутатов СССР не способен на такие решения. Призыв к досрочным выборам народных депутатов СССР правомерен и необходим. Иначе разрыв между Съездом народных депутатов СССР и съездами республик будет нарастать, и ничто нас не спасет — ни новый Союзный договор, ни президентское правление, ни западные деньги. И президенту нечем будет управлять: не станет той страны, народные депутаты которой выбрали его президентом. Все левые, живые силы в стране должны понять, что необходимо движение за долгосрочные выборы народных депутатов СССР. И единственной реальной формой такого движения является всеобщая политическая стачка. Андрей Сахаров считал ее необходимой еще в декабре. Время показало, что он был прав: за семь месяцев страна неуклонно двигалась только к распаду — и политическому, и экономическому. В истории еще не было случая, чтобы власть, даже агонизируя, сама отдавала власть. Пока левые демократы не сказали этого народу, пока они боятся народа, они не демократы.

В заключение Горбачев произнес речь. Цитирую: «КПСС живет и будет жить, вносить свой исторический вклад в прогресс нашей страны, в прогресс мировой цивилизации». После этих слов мне хочется сказать президенту и Генеральному секретарю: «Пожалейте наши уши и наши души». Лучше бы она, КПСС, перестала вносить свой исторический вклад в прогресс нашей страны — уже внесла достаточно! И не дай Бог, если она, КПСС, доберется до мировой цивилизации!

Съезд проиграли и правые, и левые. Формально его выиграл Горбачев. Победа не вернет ему и его правительству доверия

в стране, но оптимисты надеются, что теперь Запад даст миллиарды.

После речи Горбачева съезд запел «Интернационал». Старательно пели генералы, почти исступленно — женщины. Горбачев еле шевелил губами. Стоящий рядом с ним Ивашко пел вдохновенно, с трудом сдерживая торжествующую улыбку человека, получившего повышение по службе не в очередь. Пять тысяч человек пели: «...Лишь мы, работники всемирной великой армии труда, владеть землей имеем право, но паразиты — никогда». Это они — работники? Это мы — паразиты?

На этом мои субъективные заметки можно кончить, тем более что объективно про этот съезд можно сказать одной фразой: произошло то, что ничего не произошло. Но, разумеется, это — мое особое мнение.

Июль, 1990 года

«НЕСУНЫ» ОТ ЛИТЕРАТУРЫ

Случайно увидела в газете «Союз» публикацию отрывков из книги Андрея Сахарова «Воспоминания». Потом наткнулась в газете «Пятница» на другую главу из той же книги. Днем раньше друзья принесли страницу из газеты «Собеседник» с интервью Андрея Дмитриевича. Со стороны узнала о демонстрации на Западе фильма Ленинградской студии документального кино, а в Казахстане показывали фильм «Полигон», где-то фильм «Завещание», где-то фильм «Тихий голос Андрея Дмитриевича». Как грибы возникают клубы, общества, даже партии, носящие имя Сахарова. Говорят, что это дань признательности, почтения и совершенно непереносимого Андреем Дмитриевичем почитания. Я часто вижу другое — дань моде и стремление вызвать интерес, получить поддержку, увеличить тираж — некую эксплуатацию имени Сахарова отдельными людьми и организациями, еще никак себя не проявившими и зачастую очень относительно представляющими себе общественную позицию и мировоззрение Андрея Дмитриевича. Приведу несколько примеров. Одна голландская общественная организация намеревалась провести в Москве конференцию имени Сахарова. Андрей Дмитриевич был против. Но почти сразу после его смерти организаторы конференции объявили, что она будет. Возникла тягостная коллизия — отменить конференцию или нарушить волю Андрея Дмитриевича. Другой пример отечественный. Общество (или Орден) милосердия просило Сахарова быть почетным президентом. Сахаров категори-

чески отказался и, видимо, имел на то какие-то основания. Последний разговор с одним из руководителей общества по просьбе Андрея Дмитриевича вела я у себя на кухне в тот вечер, когда Сахаров умер — 14 декабря 1989 года. Однако уже через две или три недели в названии общества появилось имя Сахарова. Так обстоит дело с организациями.

Кино. Интервью в «Собеседнике» — перепечатка из газеты «Избиратель» (Алма-Ата) — Сахаров дал создателям фильма «Полигон» за три часа до смерти. Вернувшись домой, Андрей Дмитриевич сказал, что фильм ему покажут до общественной демонстрации. Во всех случаях серьезных больших интервью он просил, чтобы ему была предоставлена возможность просмотреть или прослушать текст до публикации. Создатели фильма, видимо, решили, что смерть Андрея Дмитриевича снимает с них это обязательство. Я неоднократно обращалась к писателю Олжасу Сулейменову с просьбой, чтобы мне дали ленту до демонстрации фильма, но не имею ее до сих пор. А то, что я прочла в газете, не во всем кажется мне достоверным. Может, потому, что интервью неполное и это смещает акценты? Не знаю. Почти то же могу повторить в адрес создателей ленинградского фильма. Правда, на днях они мне дали пленку. Все их съемки были при мне — и я увидела, что они дали лишь малую часть отснятого. Может, боясь, что я буду торговать лентой и потому архив Сахарова ее иметь не будет? О фильме «Завещание» — тут уже не Сахаров, а я договаривалась, съемки шли у меня дома, — что до демонстрации фильма должна его увидеть и, разумеется, получить пленку. Не видела. Не получила. О материальной стороне: я всегда даю на обмен чистую пленку — она дорого стоит. Не получила я для архива две пленки от «Пятого колеса», от Юрия Подниекса, да и других. Может, это ошибка, за которую я должна упрекать только себя (Андрея Дмитриевича упрекать бессмысленно), что мы полагались на слово и не брали письменных обязательств? Но добивались съемок все так упорно, что это граничило с бесцеремонностью. Никто не считался с тем, есть ли у Андрея Дмитриевича время и силы, как он себя чувствует (или я после его кончины).

Так обстоит дело с нравственным аспектом отношения к памяти Сахарова. Но есть еще и правовой. Сегодня все работники печати, кино, телевидения говорят о правовом государстве и ратуют за закон. И с поразительной легкостью нарушают Закон об авторском праве, который им — творческим работникам — прекрасно известен. Что это? Атавистическое, пронизавшее всю страну представление, что «закон не ворота, можно и объехать»? Уверенность, что суд всегда защитит учреждение, а не личность,

в данном случае автора или его наследника? Или это, что не лучше, двоемыслие, при котором фабрично-заводской «несун» — это плохо, а «несун» от культуры вполне допустим и безобиден для общества? Но (стыдно повторять) любое нарушение закона — зло, а исходящее от «солдат культурного фронта» несравнимо большее, чем от работницы мясокомбината.

Газета «Пятница» (номер 1, 1990 г.) предваряет свою публикацию врезкой, в которой сообщает, что их обозреватель Вадим Соколов возвратился из США и «ознакомил нас с «Воспоминаниями» А. Д. Сахарова, подаренными ему там, и любезно позволил познакомиться с ними наших читателей». Трогательно, не правда ли? Но возникает вопрос к главному редактору газеты (к сожалению, не знаю фамилии) — теперь авторское право будет принадлежать тому, у кого книга в руках, не важно, подаренная или купленная? Или стоит рекомендовать коллективу газеты срочно пройти юридический ликбез, ведь незнание закона не освобождает от ответственности. Ладно, газета «Пятница» — новобранец. Она еще в периоде — «годен, не обучен». Но газетой «Союз» (еженедельное приложение к газете «Известия») руководит опытный газетчик Л. К. Корнешов. Однако и его газета не гнушается «пиратской» публикацией. Приходится напомнить Льву Константиновичу и всем прошлым и будущим «иже с ними», что авторское право включает не только гонорар, но и право публикации. Что? Где? Когда? Именно в таком же порядке, как в популярной телеигре. Это право для меня является главным. И о нем сейчас разговор, применительно к газете, издательству, кино и телевидению. Тем более что о гонораре всегда позаботится ВААП не без выгоды для себя, за что Андрей Дмитриевич называл его «вохрап». На Западе авторское право включает также любое использование имени, до чего мы еще не доросли. У нас это было прерогативой партии и правительства. Сейчас господствует стихия. И я могу только просить все организации, намеренные использовать имя Сахарова, обращаться в Комиссию по его наследию. Лично на себя брать ответственность — разрешать или не разрешать использование имени Сахарова — я не считаю возможным.

Письмо получилось жутко склочным. Но тем больше оснований полагать, что его прочтут те, кому оно адресовано. Я же больше не хочу заниматься склокой. У меня на это нет ни сил, ни времени. Поэтому в будущем при любом нарушении моего авторского права, всегда являющемся проявлением внутреннего неуважения к памяти Андрея Дмитриевича Сахарова, я буду обращаться в суд.

НЕСКОЛЬКО ПИСЕМ ПО ЛИЧНЫМ ВОПРОСАМ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Неопубликованное письмо в «Огонек»

Андрей Дмитриевич умер 14 декабря. Среди больших, даже глобальных проблем, которым он отдавал все свое время и буквально отдал жизнь, были дела нескольких заключенных, которые кому-то могут показаться не столь важными. Но его они волновали, и, чтобы разрешить их, он потратил безрезультатно много душевных сил. Я расскажу о четырех.

Дело врача-психиатра Массовера. Осужден за взятку. Отбывает наказание в лагере, который носит неофициальное название «Белый лебедь» и, судя по всем известным описаниям, является лагерем уничтожения, хоть и без гитлеровских душегубок и крематориев. Андрей Дмитриевич по целому ряду признаков считал обвинение Массовера недоказанным, а осуждение необоснованным. И само существование подобного лагеря абсолютно недопустимым, противоречащим ст. 5 Всеобщей Декларации прав человека, гласящей: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию». И хотя удалось добиться, что в лагерь ездили люди, которые занимаются проблемой изменения пенитенциарной системы в СССР, лагерь этот продолжает существовать и дело Массовера не пересматривалось.

Дело Розенгауза Б. Х. Оно было квалифицировано Верховным судом Казахской ССР как крупное государственное хищение. Следствие длилось более 6-ти (шести!) лет, потом около двух лет шел суд. Обвиняемых было несколько, но один — Розенгауз был приговорен к смертной казни. После приговора он 11 месяцев находился в камере смертников. Андрей Дмитриевич обращался в связи с этим делом к А. И. Лукьянову, а позже к М. С. Горбачеву. Смертная казнь тем же казахским судом была заменена на 20 лет заключения. Совершенно ясно, что тот же суд (председатель суда Сисинбаев, прокурор Елимисов) не мог быть объективным, что необходим пересмотр дела. Однако все жалобы осужденного и его жены в Верховный суд СССР и в Прокуратуру СССР вновь направляются в Верховный суд Казахской ССР. Я бы хотела, чтобы наша общественность, наша гласность в двух этих делах добилась гласного, открытого их пересмотра, и не теми судами, в которых были вынесены приговоры, а Верховным судом СССР. И чтобы была создана независимая общественная комиссия для обследования лагеря «Белый лебедь». Конечно, это не облагородит сразу всю систему исправительно-трудовых

колоний в нашей стране, но хоть один малый шаг в этом направлении будет сделан. В память об Андрее Дмитриевиче, чтобы не только говорить о нем — даже глава нашего государства во время своего визита в США в мае 1990 года вспомнил о Сахарове, — но и что-то делать.

Дело Михаила Казачкова. Осужден в октябре 1976 года Ленинградским горсудом за «измену родине» (ст. 64 УК РСФСР) к 15-ти годам. С таким же успехом мог быть осужден «за анти-советскую агитацию и пропаганду» (ст. 70) — к 7 годам или «за клевету на советский общественный и государственный строй» (ст. 190-1) — к 3 годам. В этих статьях у нашего следствия и суда всегда был широкий и ничем не ограниченный выбор по принципу: что хочу, то вороху. Многие из бывших узников совести могут подтвердить, что на следствии их «манили» статьей 190-1 и «пугали» статьей 64. На какой «высокой политике» основывался окончательный выбор статьи, никто не знает — во всяком случае, не на тяжести мнимого преступления и не на поведении подсудимых.

В 1987—1988 годах были освобождены осужденные по ст. 70 и ст. 191-1. Кроме тех, кто погиб в лагерях и тюрьмах в недавние доперестроечные времена. Среди не доживших до помилования русский писатель Анатолий Марченко, украинский поэт Василь Стус, эстонский ученый Юри Куук, армянский инженер Эдуард Арутюнян. Это совсем неполный «застойный» мартиролог. И в нем реальное, а не декларируемое представительство разных народов нашей страны.

Осужденные по статье 64 помилованы не были. Среди них и Михаил Казачков со своим пятнадцатилетним сроком, к которому уже во время отбывания наказания последующий суд добавил еще три. Андрей Дмитриевич много раз писал и говорил о недопустимости в наших условиях суда по представлению начальства исправительно-трудовых учреждений, дающих возможность лагерному начальству попросту сводить счеты с заключенными. Он считал его вообще не судом, а расправой.

Дело Казачкова, как и другие, досталось мне «по наследству». И я пошла по тому же кругу, по которому «гоняли» Андрея Дмитриевича годами. Телефонные разговоры с зам. прокурора Васильевым, с Генеральным прокурором СССР Сухаревым, с Председателем КГБ СССР Крючковым. Все были очень вежливы, от всех я слышала слова уважения к памяти Андрея Дмитриевича и обещания положительного решения. В начале марта Крючков сказал, что Лубман (еще одно дело по статье «измена родине») и Казачков скоро будут освобождены. Лубмана действительно освободили перед визитом М. С. Горбачева в США. После

возвращения Горбачева из США я передала академику Осипяну письмо американских ученых нашему президенту, выражающее их озабоченность судьбой Казачкова. Примерно в это же время Крючков по телефону мне сказал, что Казачков через месяц будет освобожден. Прошел месяц, и я передала Горбачеву через одного из делегатов XXVIII съезда письмо матери Казачкова вместе со своим письмом. И, наконец, 16 июля Дора Аркадьевна Казачкова получила письменное сообщение из Прокуратуры СССР, что дело ее сына «истребовано в порядке надзора». Есть и подпись ответственного лица — А. С. Бабкина. Опять ждать положенный месяц? А если снова будет ответ: «Оснований для пересмотра дела нет», то куда еще тыкаться после двукратного обращения к президенту, когда точно известно, что письма до него дошли? Я уж не говорю о том, что все эти звонки, предварительные многократные переговоры с многочисленными помощниками больших начальников, передача писем через третьих лиц — все это ненормально и ассоциируется только со строками Некрасова: «Вот парадный подъезд. По торжественным дням, одержимый холопским недугом...»

И еще одно дело. Андрей Дмитриевич занимался им с марта 1989 года — последние девять месяцев своей жизни. Занимался Союз «Чернобыль». С января этого года занимаюсь я. Сменный мастер четвертого блока Чернобыльской АЭС Дятлов А. С. Единственный из осужденных по чернобыльскому делу во время аварии был в цеху. Страдает, согласно справке из лагеря, лучевой болезнью третьей степени. Единственный заключенный в мире с такой болезнью. Но в расписании болезней МВД СССР, согласно которому осужденные актируются по болезни, лучевая болезнь отсутствует. Расписание это, между прочим, «свеженькое» — от октября 1987 года, т.е. составлено через полтора года после Чернобыля, — может, в МВД не слышали об аварии и, когда по всей стране собирали деньги на помощь чернобыльцам, у них все были в отпуске? Просьба Сахарова, просьба осужденного, просьба Союза «Чернобыль», просьба моя была одна — виноват, не виноват — будьте гуманными, отпустите человека умирать на руки жены. Тем более что в лагерной справке кроме лучевой болезни перечислены еще пять, указанных в расписании болезней. С делом Дятлова я прошла весь круг, что и с делом Казачкова. Васильев, Сухарев, Бакатин, Крючков. Горбачеву я к своему письму добавила справку из лагеря о болезнях Дятлова и копию расписания болезней, чтобы к будущей аварии (а пока нас ничто не гарантирует, что их не будет) МВД включило на всякий случай и лучевую болезнь. 16 июля в лагерь, где находится Дятлов, поступило распоряжение отправить тяжело больного

человека в Ленинград для обследования в больнице МВД. Довезли Дятлова до Полтавы, и положить в больницу пришлось там. Сегодня — 5 августа — сообщили: больной нетранспортабелен. Фамилия начальника мед. службы Полтавской соматической больницы Олейник Д. Т. Решения отпустить Дятлова из МВД СССР пока нет. Сколько его ждать?

Четыре случая. Четыре беды. Четыре истории болезни — тяжелой болезни нашего государства и тех его органов, которые почему-то называются правоохранительными.

Елена Боннэр

6 августа

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Хотелось бы, чтобы Вы были осведомлены о том, что в настоящее время ведется подготовительная работа и мы надеемся провести в Москве в семидесятилетие Андрея Дмитриевича с 21 по 25 мая 1991 года первый международный конгресс памяти Андрея Сахарова.

Возможно, так не принято, но я пользуюсь случаем напомнить Вам, что в судьбе М. Казачкова, Дятлова и других со времени моего письма к Вам, которое передал А. А. Собчак, ничего не изменилось. Казачков по-прежнему в тюрьме. Дятлов умирает в колонии.

Еще раз убедительно прошу Вас вмешаться в их судьбу.
С уважением

Елена Боннэр

18 сентября 1990 г.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Уважаемая Елена Георгиевна!

Ваши соображения о гуманном отношении к осужденным гражданам, страдающим лучевой болезнью, совершенно справедливы.

По согласованию с Министерством здравоохранения СССР мной издан 18 сентября с.г. соответствующий приказ о включении лучевой болезни в перечень оснований для освобождения от отбывания наказания. В связи с этим дано указание о проведении в отношении Дятлова А. С. медицинского обследования на предмет представления его к освобождению по болезни.

В порядке информации хочу сообщить Вам, что лагерных

судов в системе исправительно-трудовых учреждений МВД СССР нет.

Что касается Казачкова М. П., о котором Вы пишете, то он в период отбывания основного наказания был вторично осужден за хулиганство выездной сессией Чистопольского городского народного суда. В связи с Вашим ходатайством 26 августа 1990 года этот приговор Верховным судом Татарской АССР отменен. Конец срока лишения свободы Казачкова М. П. по первому приговору — 21 ноября 1990 г.

Министр внутренних дел СССР *В. Бакатин*

19 сентября 1990 г.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Глубокоуважаемый Вадим Викторович!

Благодарю Вас за письмо с известием об изменении в судьбе Дьякова и Казачкова, а также о внесенном дополнении о лучевой болезни в список заболеваний, по которым лица, отбывающие наказания, должны быть освобождены.

Я вполне принимаю Ваше замечание о том, что «лагерных» судов в СССР нет. Это была моя словесная небрежность. Но речь идет о том, что недопустимо судить по представлению лагерного руководства без допуска к следствию независимых адвокатов с начала следствия. В противном случае такой суд часто является сведением счетов начальства с целиком зависящим от него осужденным.

С уважением

Елена Боннэр

26 сентября 1990 г.

ДВА ВОПРОСА ГЕНЕРАЛУ

Открытое письмо первому заместителю
начальника Главного управления Генерального штаба
Вооруженных Сил СССР генерал-лейтенанту В. П. Никитюку

Глубокоуважаемый Владимир Павлович!

Газета «Известия» (15 августа, вечерний выпуск) опубликовала беседу с Вами. Цитирую один из абзацев этой беседы: «...в соответствии с советско-иракским договором о дружбе и сотрудничестве 1972 года мы поставили Ираку с целью укрепления его обороноспособности значительное количество вооружения и боевой техники. Хочу подчеркнуть, что начались такие поставки в период борьбы иракского народа за свою независимость, активно

продолжались во время отражения израильской агрессии».

Эти слова, сказанные в дни, когда весь мир напряженно следит за ситуацией на Ближнем Востоке, вызывают недоумение. Когда и с кем вел Ирак с момента провозглашения Республики 14 июля 1958 года борьбу за свою независимость? Борьба шла внутри страны — за власть, а не за независимость. Ее этапами были кровавое, но неудачное покушение на первого главу Республики полковника Абдель Керим Касема в 1959 году с участием нынешнего Президента Ирака и государственный переворот 1963 года. Именно тогда Касема без следствия и суда просто расстреляли в зале багдадского телевидения. Позже в стране уничтожили всех коммунистов. Ничто в этой борьбе за власть не было войной за независимость.

Более тридцати лет руководители Ирака вели — и ведут сегодня — войну против курдского национального меньшинства, составляющего четвертую часть населения страны, против их права на автономию в рамках Иракской республики. Чудовищная ее жестокость, когда танками и газами уничтожаются сотни курдских деревень — тысячи мирных жителей, в основном детей, женщин, стариков, — и десятки тысяч курдов изгоняются с земли, на которой их предки жили несколько тысячелетий, подтверждается материалами Международной конференции, прошедшей в октябре 1989 года в Париже. Там мной лично было зачитано обращение Андрея Сахарова к ООН и главам стран—членов Совета Безопасности, то есть и к Советскому Союзу. Но и раньше Сахаров выступал с призывами прекратить геноцид курдов в Иракском Курдистане. Это было после заключения договора 1972 года между Советским Союзом и Ираком — в 1974 году и 1975 году. Может быть, эту войну Вы называете борьбой за независимость? Или недавнюю восьмилетнюю ирано-иракскую войну?

Итак, мой первый вопрос: что вы называете борьбой за независимость относительно к Республике Ирак (Аль-Джимхурия Аль-Иракия)?

Мой второй вопрос связан с Вашим упоминанием о поставках оружия «во время отражения агрессии Израиля». Я не смогла понять, возможно в связи с краткостью Вашего текста, что Вы имеете в виду. Если речь идет об операции, проведенной израильской авиацией по уничтожению реактора в Багдаде, то ведь этот воздушный налет отражен не был, хотя для его отражения потребовалось бы всего несколько минут. До сегодняшнего дня идут споры, был ли этот реактор «мирным объектом» или там велись работы по созданию ядерного оружия, т.е., по существу, спор о том, имел ли Израиль право на превентивный удар.

Я противник любых «ударных» методов. Но, положив руку на сердце, думаю (уверена, что вместе со мной так же думают многие миллионы людей во всем мире), что вряд ли наше сегодняшнее самочувствие улучшилось бы от сознания, что этот сомнительный объект все еще существует, когда весь мир судорожно подсчитывает, сколько оружия (в том числе ракет с радиусом действия до 300 километров) и сколько химического оружия получил режим Саддама Хусейна от своих доброжелателей.

Итак, мой второй вопрос: «Когда и где Ирак отражал агрессию Израиля?» Буду очень признательна за Ваши ответы. Безусловно гласные, так как уверена, что они заинтересуют многих.

С уважением

Елена Боннэр

16 августа 1990г.

КРОВЬ ПРОДОЛЖАЕТ ЛИТЬСЯ

Я гляжу на фотокарточку...

Булат Окуджава

Два с половиной года пылает и исходит кровью Закавказье. Шесть миллионов азербайджанцев, живущих на территории 86 тысяч квадратных километров, и три миллиона армян — на территории 30 тысяч квадратных километров забыли о мире. Из-за чего? 157 тысяч армян Нагорного Карабаха с территорией 4 тысячи квадратных километров проявили свою волю — решением сессии областного Совета 20 февраля 1988 года потребовали права воссоединения со своим народом. С тех пор мы войну называем конфликтом, действиями экстремистов, бандитов, но только не войной. Сильного против слабого. Права с насилием. Карабах начал с права. Азербайджан — с насилия. Ровно через неделю, после окрика из Москвы на областной Совет Карабаха, начался погром в Сумгаите и шел три дня — 26, 27 и 28 февраля. Армяне надеялись на правосудие и гласность. Получили кровь в Звартноце, где, говорят, командовал ставший теперь известным генерал Макашов, и поток неправды по телевидению и в прессе. Под ее шум родилось миллионное движение в Азербайджане в защиту «священной рощи» в Топхане. Мы с Андреем Дмитриевичем были там и убедились, что рощи никогда не было, но неподалеку от ущелья, за городом Шуша, стоят дачи азербайджанского истэблишмента.

За бакинскими митингами последовали погромы армян в Кировабаде и других районах Азербайджана. И поток беженцев-

армян. В конце ноября 1988 года армяне не выдержали и стали выгонять азербайджанцев из Армении. Установилось равновесие новой беды: 230 тысяч беженцев-армян и столько же беженцев-азербайджанцев. Землетрясение. Стресс у всех армян. И еще полмиллиона бездомных. Войска, введенные в Армению, в Ереван, где сроду не было насилия. Азербайджанцы разрушают азербайджанско-иранскую границу, и возникает поток оружия в Азербайджан. Потом азербайджанская блокада Карабаха и Армении. Разворованная международная помощь. Кровавый январь 1990 года в Баку. Армия, которая упорно не желает разделить враждующих, но начинает насильственную депортацию армян из Карабаха под предлогом того, что не сможет их защитить. И формирование армянских отрядов самообороны. В ответ на сотни изнасилованных, на трупы женщин и девочек, во влагище которых загнаны водопроводные трубы, на то, что людей заворачивали в ковры, обливали бензином и жгли. Потеряв надежду на чью-либо помощь и защиту, армяне надеются только на себя. На честный бой, в котором будут убитые, но не безропотные жертвы. Вы можете предложить им что-либо другое?

Что сделало правительство за эти годы? Объявило недействительным решение февральской сессии областного Совета Карабаха. Это означало защиту сталинской Конституции и пренебрежение правом народа на самоопределение. Растащив по разным областным судам арестованных за Сумгаит, скрыло от страны их чудовишные преступления. Пренебрегло всеми аргументами армян на президиуме Верховного Совета СССР летом 1988 года. Ввело режим особого правления, но фактически оставило Карабах в подчинении Азербайджану. Арестовало членов комитета «Карабах», единственных людей, которым доверяла потрясенная землетрясением Армения. В Карабахе разогнал комитет «Крунк» и одного из его лидеров полтора года продержало в тюрьме. Оказалось бессильно вместе со всей армейской нашей мощью противостоять разрушению границы и блокаде. Правда, извлекло урок и блокаду сумело позже применить против Литвы. Куда как правовое государство! В Сумгаите опоздало с войсками на три дня, а в Баку уже на шесть, да еще армия действовала так, что добавила к сотням убитых в дни погромов сотни погибших азербайджанцев. Обещало восстановить за два года разрушенное землетрясением, до срока осталось четыре месяца, а восстановлено всего ничего. Не сумев и не захотев разрешить азербайджанско-армянские противоречия парламентским путем, испугавшись их, правительство само открыло путь насилию не только в этом регионе, но везде — все

поняли, что оно озабочено только властью, а не судьбами людей и народов.

Почему я пишу об Армении? Ведь кровь и в Средней Азии — тоже кровь, а не вода. Не потому, что речь идет о судьбе целого народа. И не потому (пусть меня кто-то не простит), что речь идет о христианском народе. Но потому, что нигде так не проявилась тенденция центра не защищать слабого, что является главной обязанностью всякого правительства, а помогать сильному. Как только насилие в отношениях Азербайджан — Армения стало двусторонним, вся политика центральной власти приобрела откровенно антиармянский характер. Уравнивание жертвы и палача поражало. И все еще хотелось думать: это ошибка, неумение, страх. Но только не сознательная политика. Последние недели перечеркнули слабо тлевшую надежду. Не успел закрыться XXVIII съезд, как на экране нашего телевизора появился до того мало кому известный человек по фамилии Ревенко. Оказалось — новый член Президентского совета. Для первого знакомства он сообщил, что Президентский совет (сиречь он лично!) приступил к созданию нового Союзного договора. А как же республики? Разве не они будут решать, какие функции им отдать наверх? Как с конституционной комиссией Съезда народных депутатов СССР? О ней забыли? И впопыхах не подумали, что такой способ создания Союзного договора только оскорбит все «великая и малая и белая» и прочие народы нашего уже, хочешь не хочешь, бывшего Союза, лишит надежды на самостоятельное решение своей судьбы все автономии от Тувы до Коми, от Бурятии до Карабаха. 3 августа одумались — сообщили, что Верховные Советы республик начали принимать участие в консультациях. Об автономиях пока не было сказано ни слова.

Вслед за «заявлением» Ревенко подошел 25 июля и указ Президента Союза Советских Социалистических Республик «О запрещении вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случаях его незаконного хранения». Против кого этот указ? Против Прибалтики, идущей своим путем? Против Белоруссии, отменившей действие ст. 73 Конституции СССР, на основании которой указ издан, на своей территории? Против Молдавии, Украины, Средней Азии? Или, может, против Азербайджана, чей Верховный Совет уже одобрил его, да так быстро, что создалось впечатление: не сговорились ли они — президент и азербайджанский Верховный Совет? Для изъятия оружия у мафии и бандитов указ не нужен. Вооруженные формирования, которые сами себя так называют, есть только у армян. Указ этот против них. Но оружия армянские

федаины не сдадут. И уже открыто заявили об этом. Не сдадут, потому что их предали, а у преданных народов рано или поздно приходит чувство, что «лучше умереть стоя, чем жить на коленях». А если не приходит, то, значит, это не народ.

Ну вот! Написала об армянах, у которых почти миллион бездомных, камни вместо земли и надежда только на самих себя. Об Азербайджане, погибающем в нищете, как все мусульманские республики, и в озлоблении, культивируемом его правителями — Алиевыми, Везиловыми, сегодняшними. О центральной власти.

А мы? «Москва моя, ты самая любимая», «Петербург, Петроград, Ленинград», «Россия, нищая Россия»? Мы? В первое время потрепыхались в «Московской трибуне». Были какие-то статьи, слова, потом хором замолчали. Межрегионалка ни разу не заикнулась. Вольнолюбивая Прибалтика сочла, что от нее это далеко. Наша хваленая гласность? Я напому только Андрея Дмитриевича. В марте 1988 года он отдал в «Московские новости» открытое письмо М. С. Горбачеву о Карабахе и крымских татарах — до сих пор полностью не напечатано. В интервью «Пятому колесу» в мае — сказанное о Карабахе в эфир не попало. Вы все слышали на Верховном Совете слова Сахарова, сказанные им за две недели до смерти: «Для Азербайджана Карабах — вопрос престижа, для Армении — это вопрос жизни!» Слышал их, но не услышал и Председатель Верховного Совета — ныне президент.

У меня сотни писем и тысячи телеграмм. Самые частые слова, обращенные к Андрею Дмитриевичу: «стыдно» и «прости нас». Стыдно, что не защитили, не поддержали. Прости за это.

Не будет ли нам всем стыдно? Не будем ли мы, когда свершится трагедия, говорить полууничтоженному или вновь рассеянному по миру армянскому народу «прости нас», а себе — «стыдно»? Ведь до чего мы — молчаливники-соучастники — дошли, когда лучшие из нас, наши депутаты, могут сказать об армянах-беженцах: «Пусть едут в Армению», «Россия для русских». Дошли до того, что за эти годы молчанием и неправдой довели свою Россию до ненависти к армянам — это мы, демократы-либералы, так подыграли правительству в его неправой политике. Вторую неделю после указа я смотрю на эту фотографию. Это тоже армянские феодалы. Год 1916-й. Но царскому правительству не пришло в голову их разоружать. А может, даже давали оружие, чтобы им не пришлось, добывая его, убивать русских солдат. Слева стоит мой отец. Сидит Микоян. Они защищали свой народ, бедных и богатых, женщин, стариков, детей. Потом устанавливали советскую власть — в Баку, Грузии, России, Армении. Потом ее защищали. Мой отец — лютой зимой где-то

в горах на Семеновском перевале. А стоило ли ее устанавливать и защищать, если она отняла у народа последнее право — право на защиту? Меня спрашивают, какое мне до всего этого дело? Но как быть, если я не могу снять с себя ответственность за то, что делал мой отец и его соратники. За власть, которую вольно или невольно они установили.

Со мной как в дурном романе. Еще не кончила писать эту статью, как Ирак оккупировал Кувейт. Какое мое дело? Опять сильный бьет слабого. А я соучастница. Господи, да не в переносном, а прямом смысле. Тридцать лет назад я, врач, участвовала в оспопрививальной кампании в Ираке. Да не где-нибудь, а в иракском Курдистане. Курды требовали автономии. Багдад ответил им приказом о разоружении. И наши советские танки, родные «Т-тридцатьчетверочки», давили курдское сопротивление. А чтобы впредь было неповадно, потом еще добавили ОВ. Ладно — газ был не наш, кажется, французский. Только курдам от этого легче не стало. А после Курдистана, уже в багдадском госпитале, я выхаживала арабских ребятишек — сегодняшних солдат этой безумной страны, у которой нашего оружия хватит не то что на весь Ближний, но, может, и на Дальний Восток.

Боль за Кувейт. И страх, что под шум этой всемирной трагедии (смотрите и слушайте, сегодняшние двадцатилетние, — все было по такому же сценарию в 1968 году, когда наши танки оказались в Праге, и в канун 1980 года, когда советская армия вторглась в Афганистан) наши активисты по разоружению — не ядерному и общемировому, а местному, домашнего значения — зальют кровью Армению.

Каждый день в газетах натыкаюсь на ставшее уже штампом словосочетание «архитектор перестройки». И каждый раз вздрагиваю, вспоминая новостройки зоны землетрясения, которые погребли под своими обломками тысячи людей. Не строим ли мы что-то столь же халтурное и столь же опасное? И увидит ли когда-нибудь снова наш «архитектор» и наш президент миллионный митинг, подобный февральским 1988 года в Ереване, с транспарантами «Горбачев — да»?

(5 августа 1990 г.)

Со дня написания статьи прошло двадцать дней. Стало известно, что указ о вооруженных формированиях издан по просьбе правительства Азербайджана. В Армении на смену прежнему беспомощному правительству пришло новое во главе с лидером комитета «Карабах» Левоном Тер-Петросяном. Президент продлил до двух месяцев действие своего невыполнимого указа.

На границе между Арменией и Азербайджаном идут бои. И как два с половиной года из сообщений советской прессы ничего нельзя было понять, так и сегодня. Ясно только одно — жестокость противостояния возрастает. Кровь продолжает литься.

24 августа 1990 г.

«АНАТОМИЯ НЕНАВИСТИ»

25—29 августа 1990 года в Осло проходила под эгидой Нобелевского института, Норвежского Королевского двора и Норвежского стортинга конференция «Анатомия ненависти». Сопредседателями конференции были председатель Нобелевского комитета стортинга Норвегии госпожа Гидске Андерсен и лауреат Нобелевской премии мира писатель Елие Визель. Конференция была очень представительной. Одних президентов было четыре. Правда, председательствующие по очереди г-жа Андерсен и г-н Визель почему-то в каждом обращении упоминали только трех — Миттерана, Картера и Гавела. Мне пришлось в одной из реплик просить их не забывать и четвертого — президента Литвы Ландсбергиса. Эта деталь, как и многие другие, подчеркивала почти подростковую увлеченность терминами «перестройка» и «гласность», а также неосведомленность (или нежелание быть осведомленными) о ситуации в СССР, стойко утвердившиеся в Европе и Америке в последний год.

Помимо запланированного выступления о национальных проблемах в СССР (Кавказ, Средняя Азия, Казахстан, Молдавия, Прибалтика и др., а также антисемитизм и национал-социализм) и нескольких реплик в прениях я обратилась к участникам конференции с призывом поддержать два моих обращения в ООН и к мировой общественности. Ниже я привожу тексты обращений и переписку с Елие Визелем в связи с ними.

ПЕРВОЕ ОБРАЩЕНИЕ К КОНФЕРЕНЦИИ «АНАТОМИЯ НЕНАВИСТИ»

Сегодня в СССР, по официальным данным, более 600 000 беженцев из Средней Азии, Казахстана, Тувы, Азербайджана, Армении. Это люди различной национальности — русские, месхи, узбеки, таджики, украинцы, евреи. Самые большие по численности группы — 230 000 армян из Азербайджана и почти столько же азербайджанцев из Армении. В Армении, кроме того, более 600 000 бездомных после землетрясения. По прогнозам социологов,

число беженцев внутри СССР будет нарастать и в ближайшие годы может достигнуть 4—5 миллионов. Верховными властями в СССР эта проблема замалчивается или не замечается, потому что это не только гуманитарная проблема, но в большей степени проблема политическая, являющаяся следствием сталинского произвольного определения границ между союзными и автономными образованиями, а также противоречий сталинской Конституции, в которой содержатся две взаимоисключающие статьи — о нерушимости границ и о праве наций на самоопределение. За пять с половиной лет перестройки — эры Горбачева — наша Конституция менялась неоднократно, но изменений в этом главнейшем ее разделе, к сожалению, сделано не было.

Парадоксально, что наша социальная система породила многотысячный поток беженцев в мирное время, спустя почти полвека после войны. Они лишены любой правовой защиты, крыши над головой, средств к существованию и надежды на будущее.

Трагичность ситуации беженцев усугубляется полицейским законом (так называемой «пропиской»), на основании которого человек получает право на проживание в любом районе страны, только имея разрешение от Министерства внутренних дел. Беженцам отказывают в прописке. В результате они лишаются права на покупку жилья, права на работу, на медицинскую помощь. Их дети не имеют права посещать школу, а пожилые люди лишены возможности получать свою ранее заработанную пенсию. Наша страна разрушается, и власти уже не могут или не хотят заняться разрешением проблем, которые возникли в связи с тем, что в стране появились беженцы. Они лишены в настоящее время не только всех прав, но и всякой защиты со стороны государства, гражданами которого являются. Одновременно они не пользуются и теми правами и помощью, которую предоставляет беженцам Международный комитет по проблемам беженцев при ООН, потому что они беженцы внутри своего государства.

Я обращаюсь к участникам конференции поддержать мое обращение в комитет по делам беженцев при ООН и просить его взять под свою опеку беженцев в СССР и оказывать им помощь согласно интернациональному статусу беженцев.

Елена Боннэр

27 августа 1990 года
Осло

ВТОРОЕ ОБРАЩЕНИЕ
К КОНФЕРЕНЦИИ «АНАТОМИЯ НЕНАВИСТИ»

В феврале 1988 года возник конфликт между Азербайджаном и Арменией после решения сессии областного Совета Нагорного Карабаха, административно относящегося к Азербайджану, просить центральные органы СССР о присоединении к Армении. Решение это отражало желание подавляющего большинства населения Нагорного Карабаха, 75% которого — армяне. За него голосовали 121 из 124 депутатов областного Совета. Стремление армян к воссоединению с Арменией было негативно воспринято правительством Азербайджана и в Москве, хотя в условиях единого государства, каким был СССР три года назад, передача Карабаха Армении ничего не разрушала. Сохранялись все экономические связи, но народ Карабаха получил бы возможность жить в окружении родного языка, культуры и религии и стимул для развития экономики края, в которую власти Азербайджана вкладывали недостаточные средства. Кроме того, они всячески препятствовали культурным связям, не было телевидения из Армении, уменьшилось число армянских школ, закрывались армянские (христианские) церкви, разрушались памятники христианской истории. Армяне Карабаха фактически уничтожались как культурно-исторический этнос. Косвенным доказательством того, что мое утверждение не отражение проармянской тенденции, является то, что Верховный Совет СССР подтвердил экономическое и культурное отставание Карабаха в составе Азербайджана летом 1988 года и выделил 400 000 миллионов рублей на его развитие. Но деньги эти до Карабаха не дошли, а осели в Азербайджане. Еще до этого в Азербайджане прокатилась волна антиармянских кровавых погромов с большим количеством убитых, сожженных, изнасилованных. Один из страшнейших погромов в Сумгаите был через неделю после февральского решения сессии народных депутатов. Девять месяцев насилие было только со стороны азербайджанцев. Армения надеялась на справедливый суд. Но средства массовой информации и Центр заняли проазербайджанскую позицию. Зимой в начале 1989 года насилие стало двусторонним. Я считаю, что власть в Москве, не сумев или не захотев понять проблему и решить ее парламентским путем, поставила народ Карабаха на грань геноцида. Одновременно идут деструктивные процессы в Армении, пораженной стрессом землетрясения, переполненной беженцами, — сегодня в республике на 3 млн. жителей около 1 млн. бездомных. Появились вооруженные отряды. Часть из них реально защищают от азербайджанцев население Карабаха, но есть и банды, ор-

ганизованные мафиозными группировками. Армия стоит в Азербайджане, в Армении и Карабахе. Ее присутствие уменьшает число актов насилия, но увеличивает психологический прессинг. В Карабахе началась насильственная депортация армянского населения под предлогом того, что армия не может гарантировать его безопасность.

Слова Андрея Сахарова: «Для Азербайджана Карабах — это проблема престижа, для Армении — это вопрос жизни» — звучат как никогда реальными и трагическими. Я считаю необходимым и возможным срочное создание независимой и престижной международной комиссии, которая добилась бы права работать в этом районе Закавказья, могла бы реально изучить ситуацию в Азербайджане, Армении и, постоянно базируясь в Карабахе, предотвратить геноцид народа, живущего в этом регионе. Сегодня Карабах практически закрыт для прессы (не только западной, но и советской) и для всех людей, кроме там живущих. Они на грани голода. Там катастрофически не хватает воды, нет медикаментов, блокируется телефонная связь и продолжается насилие. Сбирать средства и посылать туда — бессмысленно, потому что все осядет где-то в других местах, исчезнет, как исчезла многомиллионная помощь Армении после землетрясения. Если мы не сумеем срочно создать комиссию по спасению Карабаха, то очень скоро нам всем будет стыдно.

Я призываю сегодня вас — представителей многих гуманитарных организаций мира, и в вашем лице всех людей доброй воли спасти армянский народ Карабаха.

Елена Боннэр

27 августа 1990
Осло

ЕЛИЕ ВИЗЕЛЮ — ЛАУРЕАТУ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИРА
И СОПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОНФЕРЕНЦИИ
«АНАТОМИЯ НЕНАВИСТИ»

Дорогой Елие!

Я вынуждена вновь обратить Ваше внимание на проблемы, о которых говорила на конференции в Осло, в частности на те два обращения, которые я Вам тогда передала. Мне не известна реакция на них Ваша, госпожи Гидске Андерсен и других участников конференции.

Первое обращение было о беженцах внутри СССР. Сегодня положение их так же трагично, как полтора месяца назад, а впереди зима. И, как стало ясно из заседаний Верховных Советов СССР и РСФСР, средств помочь им реально у нашего государства нет.

Второе обращение касалось положения в Армении и Нагорном Карабахе, где ситуация продолжает обостряться. Сегодня в Карабахе практически властями Азербайджана ликвидирована гражданская власть. Там правит армия, которая усиливает давление на армянское население, вынуждая их покинуть дома, и в некоторых районах проводит насильственную депортацию. Все это делается по команде ЦК Компартии Азербайджана и, в частности, ее секретаря Поляниченко, при молчаливом согласии центра. Цель этих действий — изменить демографическую ситуацию в Нагорном Карабахе, где около 80% населения до конфликта были армяне. Только что закончилась длительная, почти месячная голодовка протеста народных депутатов от Армянской ССР и от Нагорного Карабаха. Прекратили они ее по просьбе Католикоса всех армян и в надежде на поддержку мировой общественности, поддержку, которой пока нет. Среди голодающих был и 82-летний президент армянской Академии наук, известный ученый, академик Амбарцумян. Голодовка проходила в гостинице «Москва», где живут все депутаты, и почти ни у кого из них не вызвала реакции. В нашей распавшейся стране у всех свои заботы! А единственное требование голодавших — восстановление гражданской власти в Карабахе, где не хватает воды, нет лекарств, топлива, почти нет связи с внешним миром, и этот регион на грани голода в тяжелых условиях надвигающейся трудной зимы в горах.

Я вновь прошу обратить внимание на мой призыв и создать международную комиссию, которая могла бы находиться в Карабахе с целью не только урегулирования конфликта, но и для спасения народа.

Я вновь прошу Вас и спонсоров сентябрьской конференции в Осло поддержать мой призыв к комитету по делам беженцев при ООН проявить внимание к проблеме беженцев в СССР — людям различной национальности, беженцам из разных регионов страны.

Мой искренний привет Вашей жене. С уважением и надеждой

Елена Боннэр

10 октября 1990 г.

P.S. Если Вас заинтересует моя статья, где более подробно говорится об истории конфликта Азербайджана и Армении и о положении в этом регионе, то она опубликована в одном из последних номеров «Нью-Йорк ревю оф букс» — я, к сожалению, не знаю в каком, так как только слышала о том, что она опубликована, но не видела.

Е.Б.

«ДОЛГОСТРОЙ»

Как я вижу сегодняшнее состояние Советского Союза

После окончания XXVIII съезда КПСС корреспондент одной иностранной газеты предложил мне написать о том, как я представляю себе будущее СССР. В первый момент я отказалась, потому что любые прогнозы, даже метеорологические, у нас не подтверждаются.

Кто, например, мог думать, что на какой-то срок после Андропова главой мировой державы станет немощный Черненко?

Я сказала «нет» корреспонденту, но вопрос его не давал мне покоя. Так родилась небольшая статья о том, как я вижу сегодняшнее состояние СССР. Написала я ее для советского читателя, поэтому в ней много слов из сленга, которым мы обычно говорим, даже не замечая, что это сленг.

Вот он.

Пятилетка — план на пять лет. В преамбуле к нему всегда говорится, что он направлен на улучшение жизни — «повышение благосостояния» трудящихся. План всегда, если судить по отчетам в газетах, перевыполняют, иногда даже за четыре года.

Долгострой — почти любое строительство в нашей стране, которое морально устаревает еще на стадии проекта, но его все равно начинают осуществлять. Чаще всего через несколько лет, вложив в строительство миллионы, а иногда и миллиарды, его потом консервируют. «Долгострой» никогда не приносит выгоды, даже если стройку удастся закончить.

Неликвиды — продукт, который произведен, но никто его не хочет купить, и он загромождаст склады.

Незавершенка — почти то же, что «долгострой», с той разницей, что есть большие начальники, которые доказывают, что они когда-нибудь строительство закончат, и тянут деньги у государства, то есть в конечном счете у трудящихся.

Законотворчество — создание нового закона — происходит в Верховном Совете.

Указотворчество — написание и утверждение указа — право президента. Впрочем, как многое в нашей стране, никем не утвержденное, — просто с начала эры правления президента, то есть с весны 1990 года, так повелось и уже как бы стало законным правом.

Новое мышление — почти философия, предложенная миру Михаилом Горбачевым. Предполагается, что Запад и Восток забудут слова Редьярда Киплинга: «Запад есть Запад, Восток

есть Восток» (правда, сегодняшнее противостояние в Персидском заливе снова нам их напомнило) и будут дружить. Мы разрушимся, а вы нам за это заплатите, и все будет хорошо на нашей общей Земле. Почти как у Фукуямы в «Конце истории», которая (история), впрочем, в том же Персидском заливе, похоже, вступила с Фукуямой в спор.

Сколько поколений людей в нашей стране жило со словом «пятилетка». К нашим родителям оно пришло в молодости. Мое поколение прошло с ним жизнь. В конце каждой пятилетки из газет, радио, ТВ следовало, что «перевыполнили».

«Благосостояние трудящихся» неуклонно росло в масс-медиа, но почему-то не приходило в их дома.

С внуками пришло новое слово — «перестройка». При ближайшем знакомстве оно тоже оказалось «пятилеткой», но, в отличие от предыдущих, закончившейся без бодрых рапортов, переходных красных знамен и прочего, что всегда сопутствовало «успешному завершению».

А насчет благосостояния эта пятилетка оказалась чемпионом. Уже совсем ничего нет в магазинах — ни на себя надеть, ни в рот положить.

И оказалась наша перестройка обычным пятилеточным «долгостроем», когда строительные материалы гниют, станки ржавеют, деньги тают. Как доказательство того, что все прогнило, даже фундамент, приведу две официальные цифры.

Сегодня — после пяти с половиной лет перестройки — у нас в стране, или, как мы бодро любим говорить, в нашем общем доме, на 500 миллионов «неликвидов» и на 400 миллиардов «незавершенки». Господи, спасибо Тебе, что мы занимаем на Земле одну шестую часть суши, а то где бы мы разместили всю эту грудку мусора?

Конечно, какой-нибудь орденосный плановик может предложить все это сжечь, потому что он сроду не слышал об озоновой дыре или там о парниковом эффекте и, несмотря на официально объявленное «новое мышление», продолжает думать, что наше плановое хозяйство спасет человечество и что только от капиталистов надвигается экологическая катастрофа. Но главное, что он при своей привычке занимать «руководящее» кресло уверен, что дым пойдет не в сторону его дома, а куда-нибудь к капиталистам, у которых он до этого одолжит денег, чтобы превратить их в очередную грудку мусора.

Наш «долгострой» стоит не в вакууме. Вокруг него сменялись не только времена года — пять раз весна, пять лето, пять осень, пять долгих зим. Вокруг изменился мир. Мир настойчиво гово-

рит, да что говорит — взывает — пора консервировать «долгострой» — перестройку, пора начинать строить. А из перестройки взять только то, что еще не сгнило.

По мне, это прежде всего гласность — в надежде, что станет она в наступающем времени свободой слова; и то трагическое познание самих себя, которое принес I Съезд народных депутатов. Больше ничего положительного нет: все законы, принятые Верховным Советом СССР, и большинство указов президента, едва родившись, стали безнадежной архаикой, часто тормозом перестройки, а иногда шли ей во вред.

Что законо- и указотворчество за прошедший год ничего нам не дало, косвенно подтверждают последние шаги верховной власти. В плане государственного строительства это только теперь начавшиеся консультации с целью создания нового Союзного договора. Зачем же нам уже 5-летний план однажды за эти годы утвердили, и подъемом цен огорошили, и алмазы с бриллиантами кому-то на последующие пять лет запродали, и в наикратчайший срок инвентаризацию всему, что у нас в стране еще осталось, назначили? За 60 давних и пять перестроечных лет Ленина, что «социализм — это учет», не вспомнили, а тут вдруг — «срочно». Срочность вызывает ощущение, что она обусловлена каникулами членов Верховного Совета. Там ведь не все от «организаций», есть и от территориальных и от национально-территориальных округов, т. е. именно те, с кем вместе надо с конфедерацией-федерацией разбираться, и те, из чьих (т. е. из избирателей) карманов пошла распродажа. Ведь еще до того, как в центре зашевелились, периферия многое решила и про многое сказала важное, ключевое слово «мое»: «мое право» и «моя собственность».

С экономикой и того лучше. Президент создает комиссию для выработки экономической концепции перестройки. Только еще концепции, а не конкретного плана. И за месяц чтобы была готова.

Жаль времени наших депутатов, которые не покладая рук трудились в искренней уверенности, что на пользу, жаль и президентских трудов. И очень жаль денег налогоплательщиков. Давайте начнем без стыдливости об этом говорить, а то мы все о деньгах американских или еще каких-нибудь налогоплательщиков плачемся. Ведь год сидения наших депутатов в различных высоких Советах нам чего-то стоил. Может быть, начнем учиться на ошибках.

Первая из них. Мы не заметили, что начался новый отсчет времени. Его начала Литва, и, надеюсь, когда-нибудь ей за это скажут спасибо ее соседи-прибалты, Молдова, Россия, Украина,

Белоруссия и все остальные. Перестройка-«долгострой» кончилась вместе с провозглашением Литвой ее независимости. Страна СССР, которая была до этого времени, осталась теперь только на политических, экономических, физических и других картах географического атласа. Я не знаю, хорошо это или плохо, что привычного нам СССР не стало.

Но что-либо изменить теперь мы не в силах. Просто надо сделать вывод, что в то время, когда это происходило, торопиться было нельзя, медлить и бездействовать было смертельно опасно. Конечно, от привычных терминов и привычных представлений отказываться трудно.

Но, не отринув старое, мы никогда не обретем чувства реальности. Как будет называться страна, в которой нам предстоит жить, конфедерация или федерация, я не знаю. И не знаю, как назвать это уже начавшееся послеперестроечное время. Но я твердо знаю, что еще одну пятилетку мы не выдержим.

Ошибка вторая. Мы долго, слишком долго и практически молча выслушивали слова о том, что «некоторые рвутся к власти», и позволили себе внушить, что стремиться к власти — плохо.

А иметь власть и не отдавать ее — хорошо? Вообще — для чего выборы, для чего избиратель отдает голос не любому, а своему депутату, если не для того, чтобы его депутат взял власть, чтобы он стал властью? Ведь не для старомодного единодушного голосования. Так что слова «некоторые (или имярек) рвутся к власти» оскорбляют наше сегодняшнее представление о содержании слова «избиратель».

Президентским указом надо бы подтвердить право избирателей любым ненасильственным способом поддерживать своих депутатов в их борьбе за власть.

Я уверена, что все здесь написанное, включая надежду на будущий указ президента, через пару месяцев станет не особым мнением, а банальностью. Кончается урожайное лето. И впереди — жаркая осень.

Статья написана три недели назад. Но 2 августа начался новый отсчет времени. После встречи Шеварднадзе и Бейкера все казалось четким. Организация Объединенных Наций должна защитить маленький Кувейт и дать отпор агрессору. Бессмысленная поездка Вальдхайма и безнадежная — Переса де Куэльера оказались затягиванием времени, выгодным только Ираку. Теперь предстоит встреча в верхах. Не будет ли она столь же бессмысленной и столь же безнадежной? Мировое сообщество не хочет или не способно понять, что в Персидском заливе не бедные противостоят богатым и не мусульмане христианам. Де-

мократия противостоит тоталитаризму. Вторая мировая война была таким же противостоянием. Тогда СССР оказался в лагере демократии не по своему выбору, а по выбору Гитлера, открывшего восточный фронт. Пока идет игра словами, а также легко воспринимаемыми в СССР и, к сожалению, в Европе антиамериканизмом и антисемитизмом (почему бы и нет?). Неясно, кто будет делать выбор сегодня. СССР — тоталитарное общество, едва наметившее путь к демократии, но еще не вступившее на него? Или Саддам Хусейн?

Сентябрь 1990 года

ИГРАЕМ ГОГОЛЯ

«Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик, гремит и становится ветром разорванный в куски воздух, летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постараниваются и дают ей дорогу другие народы и государства». Только великий Гоголь мог одним абзацем описать «все, что ни есть на земле» нашей. Не была дома две недели — исчезли сигареты, стали продавать «бычки» по три рубля банка, прошли сигаретные бунты, появились сигареты «Космос» (вместо семидесяти копеек по три рубля). На сахарные талоны за декабрь вместо килограмма «белой смерти» можно свободно приобрести пять пачек никотиновой по прежней цене. Исчез хлеб — не иначе потому, что год урожайный. И сгодилась поговорка: «Что немцу здорово, то нам — смерть». А что я рокировку существительных в ней провела, смущать не должно — в нашем хозяйстве давно причина и следствие поменялись местами, поэтому у москвичей завелись визитные карточки, чтобы ходить в магазин, когда товары давно исчезли. Вот сколько «реальных» изменений за каких-нибудь пятнадцать дней. Приближаемся к скорости света. Дальше возможна «черная дыра» — прогремит и станет ветром разорванный в куски воздух!

А пока по второй программе ТВ Полозков (Здрасьте! Давно не виделись) опять пророчит, что «наши дети будут жить при коммунизме». Вот такую он нам «Страшную месть» (и тут Гоголь!) обещает. Принять транквилизатор? Или переключиться на первую программу? Дуэль Ельцина и Горбачева за право владения якутскими алмазами. «А это с чьей руки кольцо?» (Пушкин). Или «У Казбека с Шат-горою был великий спор» (Лермонтов). Сетуют, что нынче школьники охладели к литературе. А дело в педагогах. Им бы показать, как каждое слово классиков соотносится со съездом (партии, комсомола, шахтеров или еще кого-нибудь),

заседанием Верховного Совета или передачей «Взгляд», они не только «Мертвые души» прочли бы, но даже и у Адама Смита «чему-нибудь и как-нибудь» поучились — небось Шмелева с Пияшевой или Нуйкина с Клямкиным читают. Алмазы алмазами, однако Горбачев с Ельциным уже почти имеют план. «Белка песенки поет и орешки все грызет, а орешки не простые, все скорлупки золотые, ядра — чистый изумруд...» (опять Пушкин).

Про совместный план президента (как будет называться его страна, пока не известно, как не известно, будет ли это конфедерация стран или федеративное государство) и план президента России говорят, что это будет план экономический и обоснованный, и все законы к нему будут подходить и даже выполняться, и что его обязательно утвердят те Верховные Советы, которым это положено. Так что... «Чудным звоном заливаются колокольчик...» Где-то на театре ставят «Играем Стринберга», а мы, похоже, на одной шестой части Земли «Играем Гоголя».

Хотелось рассказать, что видела и слышала в этот раз за границей. Но было сказано — полторы страницы, и ни слова больше. Егор Яковлев — редактор строгий. И у него тоже, видно, план!

Прагу, где люди впервые с 1968 года надели разноцветные одежды, а 21 год 1 августа был у них днем траура. Слезы на глазах жителей города, когда они принимали тех, кто вышел тогда на Красную площадь с плакатом «За вашу и нашу свободу». Мой сегодняшний стыд за то, что президентский указ, возвративший некоторым нашим согражданам гражданство, их необъяснимо обошел. И единственный в городе танк — подарок польской «Солидарности», опрокинутый в знак того, что наши танки больше никогда не войдут в этот город.

После теплой Праги был прохладный Осло, где на конференции «Анатомия ненависти» собрался интеллектуальный цвет Запада и целых четыре президента — Миттеран, Картер, Гавел, Ландсбергис. Говорили о зле апартеида и проблеме «буддисты — мусульмане» и «палестинцы — евреи» и об отражке антисемитизма. Про СССР никто ни разу даже не вспомнил. Ни об армянах, ни об азербайджанцах, ни о нищей Средней Азии, ни о пролитой крови, ни о наших беженцах. Так что мне пришлось прорываться к микрофону, почти как Андрею Сахарову на заседаниях съезда, которые шли под председательством М. С. Горбачева. А под конец даже обидеть президента Франции после его речи, в которой он описал прекрасную картину будущей объединенной процветающей Европы, забыв упомянуть французские газы, и советские танки, и оружие, с помощью которых наш друг и сегодняшний «герой» Саддам Хусейн осуществил чудовищный геноцид иракских курдов. Что Хусейн —

друг, я не оговорила, ведь договор о дружбе между Ираком и СССР не расторгнут!

И было еще жаркое итальянское Римини. Но, видно, обо всем этом как-нибудь другим разом. Егор Яковлев — человек строгий. Мне было сказано: полторы страницы, и не больше. У него тоже план.

Сентябрь 1990 года

ВСЕГО СТРАШНЕЕ ПОЛУПРАВДА...

**Выступление на открытии международного семинара
«Перестройка и гласность»**

Перестройка — это пять лет, пять реальных шагов к нормальному обществу. 1. Гласность или свобода информации, но далеко не в той степени, как сформулировано во Всеобщей декларации прав человека. 2. Освобождение узников совести, начавшееся с освобождения Сахарова. 3. Облегчение контактов, поездок в СССР и из СССР и эмиграции, правда законодательно все еще не оформленное. 4. Реальные шаги в области разоружения с момента, когда Горбачев принял предложение Сахарова о распечатывании пакета, то есть рассмотрении вопроса о СОИ и о сокращении числа евrorакет по отдельности. Сахаров выдвинул эту идею на Московском форуме 15 февраля 1987 года, за что подвергся жесткой критике со стороны советских участников встречи. Но через две недели сформулированные Сахаровым тезисы Горбачев предложил американской стороне. 5. Последним важным шагом был вывод советских войск из Афганистана.

Таков результат не столько личных качеств Горбачева, но в первую очередь следствие многолетних усилий и противостояния Запада. Это не было понято ни в Европе, ни в США, ни в СССР. Возник культ личности — оказалось, что у вас он возникает так же легко, как и у нас. И как следствие культа — лозунг «не мешайте Горбачеву». Именно он — этот призыв — затормозил намечающиеся демократические перемены в СССР, но, надеюсь, не сможет их прекратить.

I Съезд народных депутатов принес народам СССР трагическое познание самих себя. Разыгранный на нем эпизод осуждения Сахарова депутатами-афганцами вместе со всеобщим гневом против побоища, устроенного в Тбилиси в апреле 1989 года, привел к вынужденному осуждению афганской авантюры советского правительства и шоку у высшего военного руководства советской армии. Шок генералитета, съезд и в особенности за-

бастовки шахтеров, вызвавшие растерянность у партийно-государственной верхушки СССР, — именно это, а не желание советского руководства, позволило так быстро и так бескровно пройти в Восточной и Центральной Европе тем революциям, которые теперь называют «нежными». И очень горько за Румынию, где этот процесс пошел другим путем и в другую сторону. Советским руководителям, совсем недавно целовавшимся с хонекерами, живковыми, чаушеску и другими, не оставалось ничего, кроме как посылать поздравления новым руководителям Польши, Чехословакии, Венгрии, Монголии, Болгарии. Европа и мир изменились.

Изменился ли Советский Союз — да. От относительного обнищания (пусть Маркс меня простит за его термины) за пять лет перестройки СССР почти со скоростью света приблизился к абсолютному. Сможет ли реформа остановить этот процесс — об этом здесь будут говорить специалисты. Но я опасюсь, что новые правительства республик, готовые ускоренно проводить реформы, встретив сопротивление Центра, не смогут за несколько месяцев изменить ситуацию и будут сметены. (Ведь терпение людей истощается вместе с пустеющими полками магазинов.) Но вместе с ними погибнет и возможность демократического развития — сама демократическая идея.

Теперь о национальных проблемах. Пять лет бездействия. Неумение или нежелание разрешить карабахский вопрос парламентским путем открыло путь насилию в других местах. В мусульманских республиках это усугубилось жесточайшей нищетой. По официальным данным, в Таджикистане 53% населения живет ниже черты бедности, в Узбекистане 47%, в Азербайджане 33%, для сравнения — в России 6%, а в Прибалтике 3—4%. Хлопковые пестициды отравили молодых людей — у половины неизлечимые болезни печени. Каждая вторая беременность у женщин кончается выкидышем. Вокруг Аральского моря у женщин молоко содержит столько же солей, сколько стакан со слабительной солью, и дети, если их вскармливает мать, умирают от обезвоживания, а другой еды для них нет.

Здесь нет возможности перечислить все регионы страны, которые сегодня являются зонами экологического бедствия. Гибнущая Волга, ленинградская дамба, радиоактивная зона около Челябинска, пропадающая тайга, Байкал, Черное и Балтийское моря, Чернобыль, о котором знает Запад больше, чем о других местах, только потому, что радиоактивность не признает границ. И это — не техническая авария, а демонстрация несостоятельности социального строя. Четыре года лжи вокруг Чернобыля подтверждают это. И она, эта ложь, не на совести Брежнева или других застойных деятелей. Позволю себе напомнить: апрель

1986 года — второй год перестройки. И пусть меня простят те западные люди, которые думают спасти детей благотворительной акцией месячного оздоровления где-нибудь в другом месте, — это фиговый листок, если дети уже четыре года жили и по-прежнему будут жить там и есть радиоактивные продукты.

Беженцы — в мирное время их 600 000 и еще около миллиона бездомных в Армении. В Осло на конференции я опубликовала обращение в ООН о положении беженцев и прошу — я передаю его в секретариат — поддержать его вашим собранием вместе с обращением о создании международной комиссии по Карабаху, которое я тоже прошу поддержать. Национальная ненависть насаждается центральным ТВ и частью прессы в угоду имперской идее — то к литовцам, то к армянам, ненависть к работающим в СССР вьетнамцам, русских к русским беженцам. Антисемитизм и, что еще страшней, формирующаяся национал-социалистическая идеология. Какая часть правящего сегодня слоя общества принимает в этом участие, сказать трудно, но пока ни разу президент не высказал своего отношения к этому разрушающему обществу процессу. Напротив, прослеживается крайне опасная толерантность к любым проявлениям организованного и самодеятельного расизма.

Провозглашено построение правового государства. Но суд в целом по стране действует, как десятилетиями в прошлом. Следствие, как и раньше — законодательство сращено с прокуратурой, которой дано право продлевать его (суд) до восемнадцати месяцев. Адвокат по-прежнему не допущен для участия в деле на стадии следствия. Пенитенциарная система не изменена, и ввергнутые в жесточайшие условия заключенные неоднократно начинали бунты, кроваво подавляемые. Особенно тяжелые условия заключения у несовершеннолетних осужденных, калечащие всю их дальнейшую жизнь даже после краткого срока пребывания в колонии. Реально путь к правовому государству еще не начался, ведь нельзя считать таковым бесконечные переделки Конституции с целью усиления личной власти главы государства или его многочисленные указы, так же как и множество уже принятых Верховным Советом законов, из которых ни один не работает, так как все они исходили не из реальной действительности, в которой находится страна. Плюрализм и многопартийность также сегодня являются фикцией, хотя в стране образовалось множество неформальных организаций и партий. Чтобы многопартийность стала реальностью, вначале должна быть упразднена правящая партия — КПСС, Генеральным секретарем которой является президент страны, ее имущество должно быть национализировано, и далее все партии должны начать с одного уровня, и «пусть цветут сто

цветов», в том числе и КПСС, если останутся в стране ее приверженцы по убеждению. Важно также понимать, что существование КПСС сейчас является препятствием к созданию климата доверия у населения к намечаемым преобразованиям.

Изменился ли Советский Союз? Да! Его больше нет. Этот процесс начала Литва, и несмотря на агрессивное восприятие его центром и непонимание Запада — опять сработал лозунг: не мешайте Горбачеву, — за Литвой последовали другие республики. Хотим мы или нет, но любые прогнозы должны исходить из этой реальности.

Изменился ли внешний курс СССР? Да, но только там, где было неустанное давление Запада и экономическая заинтересованность — Европа, взаимоотношения с США. Но как связать «новое мышление» и приоритет человеческих ценностей, и геноцид курдов с помощью советского оружия в 1988 году — это уже в годы перестройки и гласности. И сегодня, когда весь мир задает вопрос — не перерастет ли кризис в Персидском заливе в третью мировую войну. Договор о дружбе с Ираком не денонсирован, наши советники благополучно пребывают в Багдаде, а только что в Латвии опубликовано сообщение, что там проходят подготовку 2000 иракских офицеров. Я не знаю источников этих сведений и насколько они точны, но несомненно, что это нуждается в проверке независимых организаций.

Я думаю, что сегодня в Персидском заливе противостоят не Запад и Восток, не бедные и богатые страны. Там столкнулись сила и право. И демократия противостоит тоталитаризму.

Вам за два дня предстоит разобраться во многих вопросах, важных для нашего общего будущего.

Я благодарна организаторам конференции за то, что мне предоставлено право открыть ее. Но, похоже, я плохо использовала свое время, и мое выступление было не очень оптимистично. Наверно, проявился мой профессионализм — для врача всего важней выяснить этимологию заболевания и поставить диагноз. И только тогда можно надеяться на успех лечения. Сегодня в зале из моей страны я вижу тех, кого мы привычно называем демократами, как бы в противовес тем силам, которые олицетворяют все косное и аппаратно-бюрократическое, что пока едва покачнулась, но пока еще твердо стоит. Поэтому мне хочется сказать им — как важно проследить и понять все до конца, даже если это страшно. И вместе вспомнить банальные, но верные слова: «Всего страшнее полуправда воинственных полуидей». Мы ведь до сих пор живем в эпоху гласности, а не свободы слова, живем в полуправде. За пять с половиной лет так и не сказали ясно себе и народу, что мы собираемся создать на одной шестой части планеты — со-

циализм, капитализм, еще какой-нибудь «изм» или просто сообщество государств, в которых каждый человек имел бы крышу над головой, был сыт, одет и спокоен за будущее своих детей.

Амстердам, 21 сентября 1990 г.

ПОКА НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ

Самый частый вопрос на Западе: возможен ли у нас военный переворот? Всегда отвечала, что такой, как в Южной Америке, Африке или Греции, — нет. Мы страна особая, и перевороты у нас особенные. И отшучивалась, что у нас они всегда «октябрьские». А в последний раз пришлось сказать, что переворот уже произошел. Конечно, особенный, такой, что его вроде как и не было. И ошиблась я всего на какую-то неделю. Мой ответ вызвал удивление и неприятие. Ведь Горбачев на месте? Ну и что ж? И Наполеон остался на месте, когда из защитника революции превратился в императора.

Спрашивать теперь, законно ли то, что произошло, все равно что махать кулаками после драки. Но я вижу в этом по крайней мере два положительных момента. Во-первых, стало видно, что никакой реальной парламентской оппозиции нет, плюрализма — тоже (кроме разве словесного). Михаил Горбачев, сидя в кресле Генерального секретаря КПСС, защищает КПСС в лице ее верхушки, заседающей в Верховном Совете, а она поддерживает его в кресле президента. Неутешительно? Да. Но зато хотя бы ясно. И нечего нам самим себе пудрить мозги (выражение нынче парламентское).

Во-вторых, теперь есть с кого спрашивать. Понимал ли президент, что дополнительные полномочия означают его личную полную ответственность (наконец-то) и за 100, и за 500, и за все наши последующие дни и ночи? Не Рыжкова и его правительства, пытавшихся выполнять решения съезда и половинчатые, противоречивые законы, рожденные Верховным Советом по принципу: «Они сошлись: волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...» В литературе — прекрасно, в экономике, оказалось, не проходит. Теперь за все в ответе президент. Сам! И лозунг: «Правительство в отставку!», столь популярный месяц назад (хотя и тогда была очевидна его несостоятельность), теперь сам просится «в отставку». А нам остаются две данности — распавшийся Советский Союз (это на Верховном Совете подтвердил и Анатолий Лукьянов) и президент с «дополнительными полномочиями».

Республики в той или иной степени провозгласили свою независимость. Если президент вместе с республиками пойдет по пути формирования новых для нас структур добровольного сотрудничества полностью суверенных государств в экономике и обороне, то никакие дополнительные полномочия ему не нужны. А если президент станет вновь жестко собирать республики под одной государственной крышей? Не распространится ли тогда большая трагедия маленького Карабаха на одну шестую часть планеты? Первый путь сохраняет надежду, что для народов нашей страны возможен демократический путь развития. Но президент тогда должен сам стремиться к ограничению своей власти теми полномочиями, которые ему делегируют республики. Красиво, но утопично!

Во втором случае, хотим мы того или нет, хочет или нет сам президент, но все возвращается «на круги своя» — в тоталитарную систему. И глава государства (как его ни называй — президентом, председателем или еще как-нибудь) самой логикой развития событий становится диктатором. А мы все будем зависеть от воли или своеволия одного человека. Так бездумно распорядился нами Верховный Совет. И мне кажется, что это не мое особое мнение, а так думают (хоть и не до конца додумываются, потому что страшно) многие. И очень хочу, чтобы кто-нибудь доказал, что я не права. Что дополнительные полномочия действительно так уж необходимы полновластному президенту для выполнения экономической программы — Явлинского, Шаталина, Абалкина или собственно президентской, — теперь уж все равно какой? И заодно бы объяснил, как мы будем спрашивать с президента, если 30 марта 1992 года окажется, что все они несостоятельны. Не станем ли мы тогда подобны участникам немой сцены, обозначенной у Пушкина ремаркой «народ безмолвствует»?

Только закончила статью, как позвонил один из сослуживцев Андрея Дмитриевича. Спросила, как он думает — переворот уже произошел? Ответил: «В понедельник узнаем». Ждет заседания Верховного Совета. Примут программу Шаталина — значит, переворота нет. И провидец из Непала предсказал, что переворота не будет, а через три года наступит эра изобилия. Жаль, не сказал, до какого понедельника (про изобилие не говорю!) надо дожить. Интеллектуалы верят Шаталину и провидцам: «... дворянства назначенье — хранить народа честь и просвещение...» А во что верить тем, для кого спокон веку «понедельник — день тяжелый»?

Октябрь 1990 года

ЗАКОН — НЕ ВОРОТА, МОЖНО И ОБЪЕХАТЬ

Без конца говорим об уважении к закону, и уже столько их «наработали» Верховный Совет СССР и остальные Верховные Советы, что учесть под силу только современному компьютеру. Вот и Александр Николаевич Яковлев в предыдущем номере «Московских новостей» в своем пространном и тревожном эссе пишет: «Демократия тем выше, чем беспрекословнее на деле сила закона. Это аксиома. Значит, предстоит воспитать уважение к закону». Ни возразить, ни усомниться. И хоть о степени демократии в нашей стране пока говорить трудно, но кто-то же должен столкнуться с места процесс воспитания. Логичней всего, если это сделает высший законодательный орган — Верховный Совет, для начала просто сам выполняя закон.

Передо мной Конституция СССР с изменениями и дополнениями, внесенными Законом СССР от 1 декабря 1988 года на внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва. Высший закон в стране и пока еще действующий. В статье III сказано: «Съезд народных депутатов СССР ежегодно обновляет одну пятую часть состава Совета Союза и Совета Национальностей». Статья эта не отменена и не изменена Съездом народных депутатов (только он вправе менять Конституцию). Значит, и она является действующей. Но если это так, то Верховный Совет СССР, избранный I Съездом народных депутатов в июне 1989 года, в июне 1990 года всем составом во главе с председателем Анатолием Ивановичем Лукьяновым не только нарушил Конституцию, но и лишился своих полномочий высшего законодательного органа страны. А все законы, принятые им за последние пять месяцев, недействительны. Возникает вопрос: почему члены Верховного Совета СССР до сих пор не вспомнили об этом? И сам собой напрашивается ответ, что не хочется им самим себя «ротировать», несмотря на то, что среди них много достойных и уважаемых людей, что быть членом Верховного Совета теплей и уютней, чем просто народным депутатом. И хочется им не в утешение сказать, что даже если теперь они спохватятся и сочинят какой-нибудь новый закон, отменяющий такую зловредную III статью, то это не поможет. Закон обратной силы не имеет.

В том же номере «Московских новостей» — статья председателя Комитета конституционного надзора С. С. Алексеева о преобразовании собственности. Там сказано: «... теперь это можно сделать на прочной правовой основе. Есть законы о собственности». Нет, Сергей Сергеевич, законы, принятые Верховным Советом, нарушившим Конституцию и согласно ее букве и духу ставшим

неправомерным, не могут быть «прочной правовой основой» чего бы там ни было.

Когда-то в день Конституции (старой, сталинской, а не новой, брежневской) 5 декабря на Пушкинской площади проходили демонстрации тех, кого тогда называли антисоветчиками за три слова их призыва: «Уважайте вашу Конституцию!» Не знаю, как меня назовут теперь. Но я обращаюсь почти теми же словами к народным депутатам, членам Верховного Совета, председателю Комитета конституционного надзора: «Уважайте нашу Конституцию!» Пока вы не воспитаете в себе уважение к закону, не надейтесь, что законы будут выполняться теми, кто вас избрал. И единственно, чего вы сможете добиться, — что весь народ, как и диссиденты эпохи застоя, заменит в приведенном мною призыве слово «нашу» на слово «вашу».

Чтобы не кончать на такой серьезной ноте, расскажу не байку, но быль. Обычное судебное дело. По закону на содержание ребенка полагается 25% заработка отца, но суд назначил алименты в твердой сумме. Мать сочла решение неоправданным и обратилась с жалобой в вышестоящие инстанции. Настаивая на соблюдении закона, она дошла до Л. Н. Смирнова, который тогда был председателем Верховного суда СССР, а он ей сказал: «Закон — не ворота, можно и объехать».

Кто спорит, конечно, тогда было можно. А сегодня?

Октябрь 1990 года

ЧТО ЖЕ ВЫ, РЕБЯТА-ДЕМОКРАТЫ?..

Тревожное чувство вызывают последние номера московских газет, особенно если читать их вперемешку с американскими, находясь за тридевять земель. А до того — проехать Европу, упоенную присуждением Нобелевской премии мира Президенту СССР, и посетить пару американских университетов, где убеленные сединами профессора, известные в прошлом борьбой за мир под идейным руководством их советских коллег, призывают бизнесменов вкладывать в СССР деньги, потому что обстановка там стабилизировалась. Тревога моя от какого-то ранее небывалого чувства разрыва. Что нам черно, то здесь бело. У нас проблемы — у них ответы. Ссылаются на авторитеты. То демократа, народного депутата, ставшего американцем по причине женитьбы, то академика, на три года отбывшего улучшать образование в одной латиноамериканской стране (в своей все в порядке?), то мэров, собирающих деньги на «свободные зоны», то профессора,

то крупного ученого в области экономических, политических, национальных или там социальных проблем. Но обязательно народного депутата одного или двух (союзный и республиканский) уровней, в обрамлении эпитетов «известный» и «демократический». Ссылаться — ссылаются, хотя сами пока не завели конгрессменов (тоже — народные депутаты), которые представляли бы их интересы, проживая, по столь же уважительным причинам, где-нибудь в Австралии.

Создается впечатление, что на смену старым привилегиям, о которых говорят, но с которыми еще не справились, для двух-трех десятков человек (в отличие от их менее удачливых коллег, об избирателях не говорю) появилась новая привилегия — быть и слыть за границей. Я за свободу передвижения, «человек имеет право» — право жить и работать, где хочет. Но, может, кому-нибудь без подсказки, в порядке заботы о депутатской этике надо сложить с себя депутатские обязанности? Или Западу завести на них ведомость «Ху из ху вчера, сегодня, завтра» с графой «кто? где? когда?», а то запутаются? И так их здесь много — наших авторитетов, что неудивительно — тут никто слыхом не слыхал, что в Москве прошел съезд демократических движений России, а в Донецке на съезде шахтеров образован свободный профсоюз. Съезд демократических движений прошел если и не бесславно, но и не очень славно как раз по той причине, что «признанные лидеры» на нем отсутствовали (так же, как и у шахтеров!) — просвещали Запад или были заняты ланчами да диннэрами, и слава Богу, что еще не виски-водка парти, как на одном из международных междусобойчиков (уж простите просторечие) по проблемам мира и экологии — единственном, где довелось мне побывать с Андреем Дмитриевичем и о котором он потом лаконично написал: «Без меня!»

Статья о съезде демократов в «МН» отражает напряженную атмосферу и констатирует — «съезда победителей», как мечталось весной, не получилось». «Борьбу за выход страны из кризиса вряд ли можно осуществлять на симпозиумах в Нью-Йорке или Париже». С оттенком злорадства и неточно выступила «Гласность». Не та, которую с момента освобождения из чистопольской тюрьмы редактирует Сергей Григорьянц, а новоиспеченная, учредитель которой Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза.

Самый подробный отчет о съезде демократических движений — в газете «Русская мысль». То ли в Париже лучше слышимость, то ли больше хотят сказать? И там привычных Западу имен среди выступавших нет, хотя именно их ждали 1200 человек, съехавшихся в столицу со всех концов матушки России. Ждали руко-

водителей Межрегиональной группы, как говорят на театре — их выхода. Но прозвучало только послание от Г. Х. Попова, отсутствующего по причине пребывания за границей. Ю. Н. Афанасьев появился из дальних краев на второй день съезда и промолчал. Б. Н. Ельцин болел. Виктор Пальм — не Россия. Интеллектуалы из «Московской трибуны» тоже отсутствовали. К вечеру первого дня начались нападки на организаторов съезда, на «Мемориал» и Московское объединение избирателей. Но не объявился ни один из почетных сопредседателей «Мемориала». Ни один из тех, кто дружными усилиями этих организаций и доверившихся им избирателей получил свой мандат. В зале не прозвучал, но в воздухе витал упрек: «Где же вы теперь, друзья-однополчане?..» И жалко запоздалым выглядело на ТВ объяснение трех депутатов, что ездят они не за казенные, а за свои или западные деньги. Деньги деньгами, но в данном случае — не в деньгах дело, а в деле, которому, как известно, — время, а потехе — час.

Вот и пришло время разобраться в перестройке, которая за пять лет стала то ли «долгостроем», то ли очередным застоём. И самим себе ответить на вопрос: нужна ли стране перестройка? И (если из этого что-либо выйдет) последующее создание страны с ликом любого — хоть гуманного, хоть демократического — «изма»? И соответственно — нужны ли ее «архитекторы» и «прорабы»? Или, может, время всерьез заняться чем-то качественно новым? Как учили, согласно четвертой главе Краткого курса (глубже я, к сожалению, не образована), не пора ли уже количеству перейти в качество — количеству перестроечных лет, бед и бесконечных крушений надежд с бесконечным же увеличением титулов и полномочий у тех, кто руководит страной, их бесконечным метанием от ускорения к торможению, от программы к программе, чтобы выдать на-гора «направления», и нашей всенародной путаницей в понятиях и представлениях — кто кому или чему оппозиция, кто демократ и прогрессист, а кто совсем наоборот? И с бесконечными призывами к консенсусу и консолидации общества. Во имя чего и кого с кем? Кошки с мышкой! А может, пришло время вернуться к одному из старых вождизмов (мое слово, которым Андрей Дмитриевич охотно пользовался, когда вспоминал слова и лозунги наших то редко, то часто сменяемых вождей) — к лозунгу «Прежде чем объединяться, надо окончательно размежеваться» — кажется, это так звучит?

Передо мной «МН», номера 42 и 43. Хотела того редакция или нет, но в них размежевание уже идет полным ходом. И буду прямо по именам, тем паче, что после того, что написала о депутатах-путешественниках, могу предвидеть, сколько будет упреков в мой адрес... Да, благо, мне не привыкать. Демократ Олег Богомолов

ясно утверждает, что программы нет. Что страна на распутье, и только если президент будет считаться с мнениями и интересами республик (читай — сам ограничит свою власть), то положительное развитие еще возможно, а если «будет тормозить процесс раздела имущества между субъектами федерации, без чего невозможен истинный экономический (и никакой другой. — Е. Б.) суверенитет, центробежные силы в стране могут стать необратимыми». Демократ Селюнин бросает лозунг «спасаемся по-одиночке» — каждая республика сама. И без галантных экивоков заключает: «Нет у нас с вами больше Союза... Президентские указы, возня в союзном парламенте вокруг заведомо мертвых программ прояснили наконец дело: нам не по пути с руководством несуществующей державы». Демократ Гуревич цитирует Шмелева: «... либо лагерь — либо рынок». И утверждает: «Хаос, вызванный не рынком, а его отсутствием, становится таким, что представители либеральных, демократических кругов сами начинают просить о сильной власти... Возможно, но подо что? Под какой замысел?» И объясняет тем, кому еще неясно, что никакая власть не сможет сделать производительной силой армию или органы правопорядка, а денежная реформа конфискационного типа, к которой мы движемся всю перестройку, отберет деньги у населения и только оттянет реформы. (На это же, похоже, уйдут и западные ссуды.)

Демократ В. Тихонов защищает предпринимателя и популярно объясняет тем, кто все еще не понял, что главный спекулянт на рынке продовольствия — колхозное и совхозное начальство, закупающее, например, мясо у крестьян-производителей по два рубля и перепродающее государству по пять. Под непонявшими я (думаю, и Тихонов тоже) подразумеваю Верховный Совет СССР, сразу после утверждения «Основных направлений» принявший очередной антирыночный закон о борьбе со спекуляцией — не с этой государственно-аппаратной, а по мелочевке. Опять поиск врага и защита собственных, а не народных интересов под очередным соусом из слов о защите народа. Жестче всех пишет самый последовательный наш демократ А. Емельянов: «Сейчас у нас возникло второе «политбюро»... Президентский совет ныне набирает силу, его интересы все расширяются, аппарат растет... Бесконтрольный орган исполнительной власти в лице Президентского совета — это прямой путь к авторитарному режиму».

Огорчительно далеко от демократических понятий высказывание Попова в номере 42 «МН»: «Вся власть Советам — это путь к тоталитаризму», ведь Советы (начиная от Съезда народных депутатов до малого сельсовета) — это единственное место, куда мы выбираем, и всем ясно, да, наверное, и Гавриилу Харитоновичу,

что главное содержание этого лозунга для нас сегодняшних — это отобрать власть от монополизировавшей ее партии, ее номенклатурно-обустроенной (вождизм) верхушки, от тех, кто как уж на сковородке вертится, чтобы власть-имущество сохранить. Все равно как — инвентаризация, приватизация, антимонополизация, указы всякие, алмазно-золотые, академические, о защите собственности, — игра в одни ворота. В чьи? Так это, как нынче говорят, и ежу ясно. Перед высшим законодательным органом страны — Съездом народных депутатов — стояла задача разделить власть на три ее составляющих — законодательную, исполнительную и судебную. Если он этого не смог — не тот состав съезда (не умел? не знал как? или не хотел?), то не консенсус нужен, а борьба — всенародная за его досрочное переизбрание. Не молчаливые медленные его похороны под музыку полудемократических разъяснений о том, какая власть нужна на тот или другой период развития. Это у кого-то — развитие, а у нас почему-то — всегда прогресс? Мы, избиратели, выбирали съезд, а не полувыбранный, полуназначенный по квотам нынешний Верховный Совет. Был антидемократический закон о выборах, и демократов на съезде «подавляющее» меньшинство. Так позовите на помощь избирателей. Мы за эти полтора года хорошо повзрослели. А то получается, что любимый мэр Москвы, демократ Попов, и скромно (в кои-то веки) вторящий ему в 43-м номере «МН» мэр Ленинграда, демократ Собчак, зовут нас вообще отказаться от выборов. И вся власть не Советам? А кому? Отвечает академик и член Президентского совета Шаталин (тоже вроде как числится в прогрессистах и демократах): «Вся власть президенту-царю».

Можно еще пройтись по газетам. Демократ Заславский. Качающийся, как былинка на ветру, Лен Карпинский, у которого «в новой ситуации президентская власть находится в союзе с дальнейшей демократизацией». Демократы Оболенский, Кудюкин, Румянцев, Волков. В их обращении — доверие к народу, а не слова, маскирующие недоверие к нему. Но они пишут: «...пока президент у нас добрый». А я полагаю, что категория добра и зла в данном случае — не главное. Смотреть, и всерьез, надо на то, от кого получен мандат на власть. Это как в анекдоте — «кто ее ужинает, тот ее и танцует». Демократ Б. Н. Ельцин. А как ему не быть демократом, он ведь и выбран демократией. И «антидемократ» Адамович, в марте — активнейший агитатор за выборы президента съездом, а не народом. Сегодня он же хорошо считающий, сколько ракет могли бы (если бы да кабы) выстрелить, и все успехи «нового мышления» перетянувший на сторону Горбачева. Так что можно читать Адамовича в номере 43 «МН», или читайте все, что писала о Рейгане наша пресса в застойные —

спокойные времена, и материалы всех миллионы стоивших форумов, которые проводил Советский комитет борьбы за мир. Да и с восторгами по поводу Афганистана, в котором еще и сегодня для афганцев война не кончилась, мог бы он повременить. 21 октября 1990 года на экраны Франции вышел фильм Кристофера де Понфилли и Федерика Лафтона. Хорошо бы Адамовичу его посмотреть и заодно добиться, чтобы и у нас он появился. Там много рассказано о пяти последних (1985—1990) годах в Афганистане. Именно Адамовичу, сумевшему с такой болью рассказать, как прошла война по его родной Белоруссии. Не родное — не болит? Про Сумгаит, Тбилиси, Баку, Ош не слышал народный депутат? Да и Чернобыль с четырехлетней ложью разве не в эти годы был?

В общем, получается, что демократы есть, но и недемократов, которые, если не присматриваться, то тоже часто за демократов сходят, достаточно. И когда Александр Николаевич Яковлев пишет о ловушках демократии, то их, конечно, надо иметь в виду, но опасней всего, думается, сегодня все же ловушки для золушек — народа, расставляемые антидемократией и лжедемократией. И получается, что размежеваться необходимо — тут прав основоположник нашего государства. А потом уж обустроиваться. Простите — опять вождизм.

Ноябрь 1990 г.

ЧЕТЫРЕ ДАТЫ

Вспоминания о его «Вспоминаниях»

Это как наваждение. Никак не могу привыкнуть, что книга живет сама по себе. Стоит на полке. Лежит на столе. У нее немного загнулся верхний угол обложки, и я, проходя мимо, машинально прижимаю его ладонью, чтобы выровнять. Вздрагиваю, увидев, как кто-то деловито укладывает книгу в «дипломат». У сотрудницы «Знамени» и Юры Шихановича она вся в крючках и галочках, как пособие для молодых редакторов, — они работают. В Норвегии надеются продать 10 тысяч экземпляров. Во Франции она неделю проходила в бестселлерах. В США, богатых интеллектуалами, продали 30 тысяч. Поразила, что так мало. Но мне сказали, что для начала это неплохо. А чему, собственно, поражаться, если ни один из многочисленных фондов этой страны не выделил пока ни цента на конгресс, который откроется в Москве в день семидесятилетия Сахарова. Говорят, там, в этих фондах, работают люди, которым надо быть уверенными, что от мемориального конгресса будет польза. Прагматики. Единственный на сегодня взнос в этой стране — от идеалистов,

семьи врача-пенсионера, наших (больше даже маминых) друзей.

А книга живет. И почти каждый день кто-нибудь мне звонит или пишет, желая внести коррективы — не так сказал, не так было, кого-то обидел, о ком-то забыл. Ладно, когда это касается дат, неправильно написанных фамилий или каких-то названий. Чаще всего — дотошные указания, когда какое ведомство у нас в стране как называлось, все эти бесконечные ОГПУ, НКВД, МВД и КГБ, наркоматы, министерства, главки: как будто от переименований менялась их суть. И я сама неоднократно просила и прошу сообщать мне о всех неточностях, чтобы в будущем книгу от них очистить. Но предлагают свое толкование, свое видение людей, событий, отношений. Нечто вроде «закрывать, слегка почистить, потом опять открыть». Как будто для этого недостаточно уже появившихся воспоминаний и тех, которые готовятся к печати, — там Андрей то с юности больной, то укрывающийся со мной от допросов в больнице, то серенький, то беленький, да еще часто похожий на авторов воспоминаний. У кого-то Андрей в сороковые или пятидесятые годы читает (вслух, наизусть, при людях) Ахматову и Пастернака. Да не было этого. Это автор воспоминаний любил и читал их, а не Андрей. И ничего худого нет в его рассказе про Андрея, только не про него реального это, а очередная легенда. Ахматову (кроме «Реквиема», который ему давал Зельдович) Андрей впервые читал в начале 1971 года. Я (неисправимая «ахматовка») дала ему «Бег времени». Побоялась дать американский двухтомник, потому что книги у него в доме пропадали, и мне все еще жаль сборник Трумена Капоте, там пропавший. Дала, потому что в случайном разговоре поняла, что для него Ахматова — терра инкогнита. Он долго держал книгу, а возвращая, сказал, что кому-то из его дочерей Ахматова не понравилась. И я тогда не поняла — был ли это упрек мне или сожаление о них. Пастернака Андрей узнал тоже много позже, чем пишу воспоминания о нем.

В 1983-м или в начале 84-го года я привезла в Горький пластинку — Пастернак читает свои стихи. Андрей без конца ее слушал, особенно «Август». Однажды я услышала, как он (я что-то делаю в одной комнате, он — в другой) читает «... я вспомнил, по какому поводу слегка увлажнена подушка, мне снилось, что ко мне на провода...». Горьковский пронзительный ветер, завывающий за темным стеклом окна. Голос Андрея за стеной. И острое чувство страха за него. Страх потери... «Отчего, почему на глазах слезинки...» — спросил-сказал Андрей за вечерним чаем. Ответила, что от счастья. Такое же было в ясный майский день — 25-е, весна 1978 года, — время, когда я уговаривала Андрея начать писать «Воспоминания». Мы шли на день рождения к моей тете,

которая вообще-то была не тетя, а жена покойного брата моей бабушки, и у нее давно был другой муж. Но в отличие от большинства нашей родни она ни в какие годы — ни в тридцать седьмые, ни в Андреевы — не прерывала дружбы с нами и Андрей пользовался ее особой симпатией. Мы подымались по лестнице. Андрей шел впереди. В какой-то момент свет, падающий из окна и через лестничный пролет, отделил его от меня. Он стал уходить куда-то за свет. Туда... Высокий. Еще совсем не сутулый. В зеленоватом костюме... Теперь я вижу это во сне...

Первое время меня удивляло, когда в некоторых замечаниях сквозило желание подправить книгу. Как будто новорожденному (лучший, на мой взгляд, в мире педиатр Александр Федорович Тур говорил «новорожденный») хотят вставить чужие зубы или перекрасить волосы, когда он еще не дорос до возрастного камуфляжа. А сейчас думаю, что ворчала зря. Естественно, что у каждого свое прочтение книги. Один на картине видит неправильно положенный мазок и слегка прикрывает ладонью нос, чтобы не чувствовать запах краски. Другой — бескрайнее небо, а ветер, колышущий поле ржи под ним, ощущает своей кожей. Да что — один, другой. Когда-то на выставке я радовалась буйству красок, а однажды в том же зале меня мутило от запаха олифы, на которой их размешивают. Краски те же, картины не хуже — я другая. В свободный день в Париже не пошла в Лувр (самоотговорки нашлись — ноги болят, сердце...). Боялась себя другой, вдруг там тоже начнет подташнивать. И, сидя в кафе около Тюильри, внезапно поняла, что меня впервые в жизни раздражают голоса людей.

Когда Андрей книгу вынашивал, писал, восстанавливал, я тоже была другая, не сегодняшняя. Что-то казалось преходящим, заслонялось его и моей неуверенностью (у него апатия, у меня злость), что она когда-нибудь будет. Но книга есть и сама вызывает из памяти многое, что стало для меня важным теперь, какие-то ассоциации, взаимосвязи, понятные, возможно, только мне. А стороннему читателю все это может показаться случайным, даже лишним.

Говорят: напиши о книге. О книге Андрея Дмитриевича Сахарова «Воспоминания». Но я так даже произношу с трудом. А писать... У меня нет дистанции, хотя бы самого минимального расстояния. И нет желания, чтобы отстраниться и попытаться взглянуть на нее со стороны. Себя я ощущаю внутри этой книги, а ее — как ребенка, моими усилиями появившегося на свет, мною пестованного, выхаживаемого во время болезни, спасаемого от темных сил и чудом уцелевшего. Может показаться, что я что-то преувеличиваю. Но я говорю не о реальной работе, которую

делала в те годы, когда Сахаров писал книгу, а о своем отношении к ней. Конечно, я вижу, что книга написана неровно, иногда чуть конспективно и сухо. Те главы, которые я про себя называю «физическими», могут кому-то показаться необязательными, хотя в жизни Андрея Дмитриевича не было дня, чтобы он не думал о науке, и бывало, что физика отодвигала на задний план все остальное. Часто мне не хватает более четких характеристик, может, потому, что я их слышала от него. Временами меня настораживает некая сглаженность, почти нарочитая бесконфликтность и излишняя серьезность там, где ее, на мой взгляд, могло и не быть. А в двух-трех случаях, когда речь идет о людях, к которым он питал теплые чувства и уважение, позже сменившиеся отчужденностью и разочарованием, прорывается обида.

Но все это для меня перекрывается тем, что в книге на всем протяжении ее, от первой до последней строки, присутствует абсолютная авторская честность. «Про» и «контра» в оценке своих мыслей, решений, поступков. Не рефлексия, не закомплексованность, так свойственные людям двадцатого века, а какая-то необычайная способность трезво и даже спокойно судить самого себя, вроде как видеть изнутри и снаружи. И еще — голос! Я говорю «голос», хотя, конечно, знаю, что книга не фонограмма. Верьте, не верьте — в книге звучит голос Андрея.

И меня бесконечно радует, что уже несколько друзей, прочтя «Воспоминания», говорили мне именно о голосе.

В авторском предисловии написано, что книга начата летом 1978 года. В конце стоит дата — 15 февраля 1983 года. Формально это так, а глубинно и по существу — нет. Но, чтобы объяснить эту двойственность, мне надо начать издалека. В сентябре 1971 года мы летели в Ленинград. Когда-то Андрей был там один день, а для меня Ленинград был вторым домом. Впервые летели вместе. И в самолете договорились, что никогда не будем летать или ездить поодиночке. Но жизнь постоянно разрушала этот договор. Сколько их у нас было — кратких и долгих, вынужденных и трагических разлук!

В августе 1975 года я уезжала в Сиену для глазной операции. Мы предполагали, что на два месяца. Так надолго мы еще не расставались, и Андрей решил, что он будет вести дневник для меня. Но мы ошиблись в сроках. Андрею дали Нобелевскую премию мира — «тридцать сребреников», как тогда писали советские газеты. Власти не разрешили ему поехать в Норвегию. И я, толком не закончив лечения, из Италии полетела в Осло для участия в церемонии как его представитель. Вернулась я только в декабре. И перед Новым, 1976 годом читала толстую тетрадь в темно-синей обложке, которую Андрей исписал за четыре месяца.

Закрыв ее, я ощутила сожаление оттого, что она так коротка. Сожаление почти сразу переросло в обиду на то, что Андрей не вел дневника подростком, студентом, в молодости, всю последующую жизнь. Первый дневник в пятьдесят четыре года — как-то даже странно! Обида никому не была адресована, но я высказала ее ему вместе с благодарностью. И теперь уже трудно вспомнить, чего было больше. Я только помню, что Андрюша в ночной электричке (мы тогда жили на окраине Москвы, в Новогиреево, — верней, не жили, только ездили туда ночевать. Жизнь протекала в толчее и тесноте квартиры на Чкалова) доказывал, что если дневники всю жизнь ведут Лев Толстой или Достоевский, то это кому-то нужно, а все остальные — от чувства неполноценности. И то ли шутя, то ли всерьез сказал и повторял не раз потом, что он от комплексов избавился в августе 1971 года. Однако что-то в этой работе ему понравилось, потому что он не только вел дневник во все наши разлуки, но иногда брался за него, когда мы были вместе. Записи делал обычно уже ночью и сразу приносил мне в постель тетрадь, чтобы я прочла. А иногда просил написать что-то, им пропущенное. Однажды, когда мне очень хотелось спать, я сказала, что это непорядок — ему давать мне свой дневник, а мне его читать. Дневник пишется для самого себя. Андрей ответил: «Ты — это я». Эти слова Юрий Олеша когда-то сказал своей жене. Андрей услышал их от меня после знакомства с Ольгой Густавовной Суок-Олешей в Переделкине, на даче, которую я снимала для мамы и сына. В то время он еще был для меня Андреем Дмитриевичем, хотя меня он с первой встречи называл Люсей.

В 1977 году у нас была вторая длительная разлука. Я опять была в Италии, где мне делали вторую в этой стране и третью в жизни глазную операцию. По возвращении меня ждала следующая, опять почему-то синяя тетрадь. При чтении ее я поняла, что бессмысленно огорчаться отсутствием дневников за ту жизнь, которую Андрей прожил без меня, а надо, чтобы он написал о ней. Кому надо? Этот вопрос у меня не возникал. Я до странности эгоцентрически полагала тогда, что это надо только мне. И почти в такой форме высказала эту мысль Андрею. Он возражал, ссылаясь на постоянный цейтнот, на то, что я и в обычной нашей жизни сижу за машинкой за полночь, а если он свяжется с книгой, буду сидеть всю ночь. Но главным его контраргументом было, что я и так все знаю. Я доказывала, что, как любой человек, могу забыть. Он говорил, что у меня хорошая память. Я отвечала, что могу умереть раньше его, а он к тому времени все забудет, потому что станет безнадежным склеротиком. Он уверял,

что умрет раньше — в семьдесят два года. Он это часто повторял в разные годы, что умрет в том же возрасте, в каком умер его отец. И мне странно, что он оказался неправ, ведь было бы у него еще три года — целая вечность. О книге мы спорили то серьезно, то шутя, много раз, но я уже замечала, что Андрей сам возвращается к этой теме, правда, совсем с другой стороны, уверяя, что книгу должна писать я. Или предлагает писать вдвоем — например, год 35-й, — что было в его жизни, пишет он, потом о том же времени я. И в конце главы рассмотреть проблему, относящуюся к теории вероятности — почему мы не встретились на Тверском бульваре в тот год. Тогда я назвала эту идею слоеным пирогом и двуспальным собранием сочинений. (Первое определение было мое. Второе я украла у Виктора Шкловского, который однажды при мне так назвал какое-то совместное сочинение Эльзы Триоле и Луи Арагона.) И сказала, что двуспальная кровать — это хорошо, но книга имеет совсем другое назначение.

Я спорила с ним, что моя жизнь никому не интересна, что она безнадежно банальна, а у него судьба уникальная. В одном из таких споров я впервые поняла, что если он напишет книгу, то уж никак не только для меня. И может, это будет одно из самых нужных дел его жизни. Но к этому времени уже было видно, что Андрей ведет арьергардные бои.

Лето 1978 года было чуть менее загруженным, чем всегда, и Андрей начал писать. К сентябрю написал первые главы. В конце октября 1978 года на Чкалова были украдены рукопись и мои перепечатки. Вместе с ними исчезли еще какие-то бумаги и несколько вещей — старая куртка Андрея, мамин халат, еще что-то, не имеющее никакой ценности: наивный маскировочный маневр службы госбезопасности. С этого момента параллельно с работой над книгой начал разворачиваться детективный сюжет. Когда-то я смотрела итальянский фильм, который назывался «Полицейские и воры». В нашем детективе полицейские были также и ворами. Началась война КГБ с книгой и наша битва за нее. Я тогда часто, когда удавалось переправить очередной кусок рукописи на Запад, сообщала об этом Андрею, используя лозунг времен второй мировой войны: «Наше дело правое — враг будет разбит». А когда не получалось, то слова песни того же времени: «Идет война народная, священная война...» Так мы шутили, но порой было не до шуток.

Когда у Андрея украли в зубоврачебной поликлинике сумку с рукописью, дневниками и другими документами, я была в Москве. Вечером 13 марта 1981 года он встречал меня на вокзале в Горьком. Какой-то растерянный, с запавшими глазами,

осунувшийся. Первые слова его были: «Люсинька, ее украли». Я не поняла и спросила: «Кого?» — «Сумку». Говорил он так взволнованно, что я подумала — украли только что, здесь, на вокзале. Он казался мне больным физически от этой утраты, и в первый день я не решилась ему возражать, когда он сказал, что больше писать не будет, что нам КГБ не перебороть. Но через день я на бумаге написала, что он должен восстановить утраченное. Андрей ничего не написал в ответ, а только покачал головой. Я взорвалась и, забыв всякую конспирацию, стала кричать, что опять он идет на поводу у КГБ и что, пока я жива, этого не будет.

Слово «опять» не случайное. В самом начале жизни в Горьком к нам пустили нашего друга Наташу Гессе. Я оставила ее с Андреем и уехала в Москву. Во время моего отсутствия пришел некто из КГБ или из МВД, по фамилии Глоссен, и попросил посмотреть паспорт Андрея. Андрей поискал в бумагах, нашел и отдал. На следующий день его вызвали в прокуратуру и дали подписать предупреждение за мою пресс-конференцию в Москве, он подписал. У него так бывало: когда внутренне он сосредоточен на какой-то мысли, идее, то совсем не сопротивляется внешним воздействиям. А кроме того, в начале горьковского периода он вообще считал, что всякое сопротивление КГБ бессмысленно, как бессмысленно сопротивление стихии. Когда я вернулась из Москвы, то устроила ему настоящий скандал, такой, что Наташа, которая обычно во всем защищала его, сидела, сжавшись в комочек, и не проронила ни слова. А это совсем не в ее характере. Правда, ее молчание, возможно, объяснялось тем, что она чувствовала себя виноватой — это случилось под ее присмотром. Андрей сразу согласился со мной. Послал прокурору письмо-отказ от своей подписи. А паспорт ему вернули с пропиской в Горьком, таким образом как бы узаконив его пребывание там.

Такие бурные объяснения были у нас в жизни всего несколько раз. Три — уже после возвращения в Москву. Одно — в связи с митингом в академии после первых выборов, на которых он не был избран. На митинге я отошла от него, заметив, что телевизионщики готовятся его снимать, а позже подойти было трудно. В числе требований и лозунгов митинга звучало: «Если не Сахаров, то кто?» Я была уверена, что Андрей поднимется на трибуну и скажет, что снимает свою кандидатуру во всех территориальных округах, где к тому времени был выдвинут, чтобы поддержать резолюцию митинга. И поразились, что он этого не сделал. На обратном пути домой в машине я довольно резко сказала, что он ведет себя почти как предатель той молодой

научной общественности, которая борется не только за него, но и за других достойных людей. Андрей не соглашался, но спустя несколько недель пришел к такому же выводу и сделал заявление для печати. Конечно, на митинге было бы красивее. В данном случае я употребила это слово почти в том же смысле, что он, когда называл красивыми некоторые физические или математические решения. Тогда он произносил его медленно, смакуя и как бы любуясь им.

Однажды спор был в присутствии нескольких корреспондентов, в том числе Жаворонкова из «Московских новостей». Мы торопились на самолет — лететь в Канаду, а они пришли уговаривать Андрея написать опровержение в связи с опубликованием в газете «Фигаро» нашей беседы с Ж. Бару. Они утверждали, что она обижает Горбачева. Я была против, тем более что наиболее резкой в беседе была моя реплика. Но присутствие нескольких журналистов меня сдерживало, и Андрей сдался на их уговоры. А всего несколько дней назад один из них сказал, что теперь думает, что они зря вынудили Андрея написать опровержение.

Еще один спор был, когда позвонил Б. Ельцин и попросил Андрея снять его кандидатуру в Московском национально-территориальном округе, а он снимет свою в каком-то другом, и Андрей дал согласие на такой метод политической борьбы. В так называемой «реальной политике» это принято, и я не нахожу в этом ничего плохого. Но общественная деятельность Сахарова — его политика — должна была быть и была действительно несравнимо выше и нравственней любой «реальной». «Реальных» политиков хватает и без Сахарова. Поэтому я считала это «джентльменское соглашение» ошибкой. Была она совершена по совету нескольких хороших людей из общества «Мемориал», принимавших активное участие в выборной кампании. Не столь серьезный и соответственно не столь бурный спор был в 1977 году. К статье «Тревога и надежда» Андрей поставил эпиграф: «Несправедливость в одном месте земного шара — угроза справедливости во всем мире». Он считал, что это слова Мартина Лютера Кинга, а мне казалось, что я читала их задолго до начала движения за гражданские права в США и они принадлежат одному из их президентов, но я забыла кому. Мы так и не кончили это спор — не нашли, где проверить. Вчера моя дочь сказала, что Андрей Дмитриевич прав. Но я все еще сомневаюсь. Другой случай серьезней. И он показывает, что переубедить Андрея, если он уверен, что его действия необходимы, было невозможно. После взрыва в московском метро, когда погибли люди, в основном дети, на Западе появилась статья

журналиста Виктора Луи. Он писал, что взрыв, возможно, произвели диссиденты. Мне показалось, что это может быть подготовкой общественного мнения к будущим репрессиям. А Андрей просто считал эту заметку провокацией КГБ с далеко идущими целями. И решил сразу против нее выступить. Я испугалась. Такой открытый замах на КГБ при отсутствии каких-либо доказательств казался мне очень рискованным. Я ему тогда сказала, что эта организация все «заносит на скрижали» и если не сразу, то потом ему это припомнят. И спросила, понимает ли он это. «Да, конечно», — был его лаконичный ответ. В это время позвонила Софья Васильевна Каллистратова, обеспокоенная той же заметкой В. Луи. Я сказала ей, что Андрей отвечает. Софья Васильевна стала говорить, что этого делать не надо, это очень опасно. И задала мне почти мой вопрос: «Понимает ли он, что он делает?» А потом стала меня уговаривать, хотя я была с ней согласна, остановить его. Я сказала, что попробую подкрепить ее доводами свои. Андрей покачал головой, сказал, что мы обе умные, но, «Люсинька, это необходимо». Эта история, кстати, показывает, что, вопреки расхожему мнению, далеко не всегда я придерживалась более радикального мнения, чем Андрей.

Во второй книге-биографии «Горький, Москва, далее везде» Андрей Дмитриевич вспоминает эти эпизоды.

Дня через два-три после кражи сумки Андрей начал восстанавливать утраченное. И очень страдал, что невозможно восстановить дневники, которые он вел в те дни, когда я уезжала в Москву. Через неделю он вошел в свой обычный рабочий, очень активный темп. Я молча радовалась этому, потому что считала работу над книгой главной для его внутреннего самосохранения в горьковской изоляции. И вообще более важной, чем множество правозащитных документов, которые были вроде как текущей работой. Но было очень горько, так как вновь написанное иногда теряло эмоциональность первого рассказа. Мы завели новую сумку. Андрей с ней не расставался. Я часто ездила в Москву и тоже не расставалась с бумагами. Что-то удавалось там перепечатать. Что-то отправляла в авторской рукописи и, пока не получала подтверждение, что дошло, волновалась.

В его дневниках 1982 года такие записи: «Сегодня купил цветы и 3 кг сахара, 1 кг хлеба, 0,3 кг клубники. Вместе с постоянным грузом тащил домой 12 кг, возможно, несколько больше. Солнце сияло!» ... «Заново переписал (сделал) гибрид из двух вариантов 1978 и 1981—82 гг. двух первых глав... но большую часть текста написал заново и все переписал цели-

ком. Готовы 71 страница текста (две первые главы, всего глав около 36). Люся тоже много правила».

До кражи рукописей я перепечатывала черновики Андрея, но потом тоже стала писать от руки, чтобы стук пишущей машинки не наводил КГБ на мысль, что работа над книгой продолжается. Однажды, находясь в соседней комнате, я услышала звук вырываемых один за другим листов. Это Андрей вырывал из блокнота написанное под копирку. Я испугалась, что КГБ тоже слышит этот звук, и попросила Андрея пользоваться ножницами, чего он не любил. Первые экземпляры рукописи пополняли его сумку, вторые, выходя из дома, я прибинтовывала к себе, что было неприятно, постоянно раздражало кожу, особенно в летнюю жару, когда ощущалось, как согревающий компресс.

В конце лета я привезла из Москвы на несколько дней книгу Андрея Амальрика «Записки диссидента». Лена Копелева дала мне ее, но боялась, что она может у нас исчезнуть, и поэтому книга тоже попала в сумку. Андрей увлеченно читал эту удивительную, блестяще написанную автобиографию. И так как книгу надо было быстро вернуть, сделал несколько пространных выписок из нее. Сегодня эти дневниковые страницы выглядят как сравнительный анализ отношения двух авторов к истории страны, диссидентам, в частности к братьям Медведевым и Александру Солженицыну. Во многом их оценки совпадали, но в дневнике это проявилось больше, чем в книге.

Мне всегда казалось, что у Андрея в изложении иногда появляется какая-то расплывчатость. И это не раз было причиной наших споров. После книги Амальрика это ощущение усилилось. Я как-то сказала слово «размазанность», и Андрюша на меня ненадолго надулся. Но, прочтя Амальрика, он записал в дневнике: «Я усиленно читаю книгу Андрея Амальрика. Невольно сравниваешь его книгу и мою, и сравнение не в мою пользу — в точках пересечения... В отличие от Амальрика я не могу назвать себя диссидентом... Но и ученый я не в настоящем смысле... Мои литературные трудности начинаются уже с названия, и это отражает существенные проблемы — многоплановость моей книги и не прямолинейность моей жизни». Книга Амальрика имела первоначальное авторское название «Записки незаговорщика». Я не знала, почему и на каком этапе произошло переименование, но мне больше нравилось первое название. А Андрей считал, что «Записки диссидента» лучше, потому что Амальрик именно диссидент, в самом точном смысле этого слова.

В связи с книгой Амальрика мы вновь вернулись к обсуждению названия книги Андрея, которое впервые начали в марте-

апреле 1982 года, когда, казалось, работа над ней была близка к завершению.

Тогда Андрей записал в дневнике: «Предварительные названия: 1. «Листы воспоминаний» (Люся). 2. Вариант — еще иметь в скобках («Время жить, время работать, время задуматься»). 3. А может, просто «Воспоминания»? 4. Или «Три мира и просто жизнь» (в тексте объяснить, что это мир военного завода, объекта, диссидентства). Еще был десяток названий, но ни одно не нравится». Позже Андрей придумал и несколько дней обсуждал со мной название «Красное, желтое, зеленое, синее». Его он тоже записал в дневник, но я этой записи не нашла. Возможно, она в тех тетрадях, которые были украдены. И я не уверена, что точно помню — может, у него было только три цвета: «Красное, зеленое, синее». Тогда он объяснил мне, что это цвета жизни.

Я считала, что названия, которые требуют объяснения в тексте, принципиально не хороши. А «Листы воспоминаний» объяснения не требуют и дают возможность о чем-то и не писать, если не хочется или почему-то трудно. Андрей колебался, а потом вроде как согласился со мной, и это название сохранилось на магнитофонных пленках, которые начитаны Андреем после завершения работы над первыми главами. Он тогда прочел их вслух — конечно, не дома, а в лесу. Вообще-то мы понимали, что и в лесу нас слушают, но мне очень хотелось сделать такую запись! Но после книги Амальрика Андрей передумал и окончательно остановился на названии «Воспоминания». Мне тогда оно казалось невыразительным, каким-то бесцветным, и было жаль ставшее уже привычным «Листы воспоминаний». Спустя два или даже три года, когда мы были в полной изоляции от всего мира, — но и в полной уверенности, что книга жива, — я как-то неожиданно ощутила в отвергнутом им названии некую претенциозность, почти безвкусицу или что-то, отдающее ею, и спросила Андрея, не почувствовал ли он то же самое, когда отверг мои «Листы»? Он сказал, что не знает, но уверен, что просто «Воспоминания» лучше. Зато придуманное мной название «Горький, Москва, далее везде» он принял без всякого обсуждения, буквально в ту минуту, как я его предложила, как говорят, «с ходу»!

Вторая кража была совершена 11 октября 1982 года. Днем на улице, когда я, оставив Андрея в машине, пошла в кассу покупать билет на поезд в Москву. Кто-то разбил стекло машины и сунул ему в лицо спрей. Он потерял сознание. Этот эпизод есть в книге, но Андрей почти не пишет о своем состоянии. Когда я увидела его, то решила, что нашу машину сбила какая-то другая. И только одна мысль — он жив, жив, на своих ногах,

остальное неважно. Он шел от машины ко мне навстречу, вытянув вперед руки, как бы неся их перед собой, и с них капала кровь. Лицо его было совершенно белым. Я подбежала и схватила его руки. Несколько мгновений он ничего не мог ответить на мои вопросы, будто он не совсем в сознании и не все понимает. Потом он заговорил, но не мог точно вспомнить, как все произошло. Мы пошли в милицию, сделали заявление. Андрей пишет, что пошел он, а не мы. Мне кажется, что он так и не мог никогда точно вспомнить тот день. Нас допрашивали в разных комнатах, потом обоих привели в кабинет начальника отделения. Его фамилия Кладницкий. Мне показалось, что он был смущен ситуацией и, может, даже испытывал стыд, когда уверял нас, что они примут меры к отысканию воров. Мы сидели у него долго, пока не принесли протоколы наших допросов. Кто-то, видимо, их изучал. Может, они со временем попадут в архив Сахарова? Андрей иногда как бы отключался. Сказал, что его подташнивает. Похоже, продолжалось действие вещества, которое ему дали понюхать. Провели мы в милиции более двух часов. Дома вечером Андрей ничего не ел, только выпил чая. Потом его вырвало. Позже у него начался приступ пароксизмальной тахикардии. Пароксизмальная тахикардия (экстрасистолии у него были всегда) возникла тогда впервые и больше никогда не повторялась, во всяком случае при мне. Но я не знаю, что с ним бывало во время насильственных госпитализаций. Я дала ему большую дозу валокордина. Приступ довольно быстро прошел. Он уснул. Два последующих дня у него была головная боль, но давление не подымалось. Он опять говорил о том, что с книгой ничего не выйдет, а на третий — так плотно засел за работу, что исписывал иногда до 30—35 страниц в день. Во время наших вечерних чаепитий, которые бывали всегда далеко за полночь, шутил, что злость — болезнь инфекционная, что я его заразила своей злостью и он становится графоманом.

А в декабре того же 1982 года воры перешли на полицейские методы. В поезде Горький — Москва мне предъявили ордер и произвели официальный обыск. Опять пропала рукопись — почти треть книги. Обыск означал, что впереди может быть арест, суд... Да еще сердце стало меня подводить. Андрей снова впал в отчаяние. Целыми днями не подходил к столу. Я ругалась с ним и принимала нитроглицерин. Он снова начал работу, но говорил, что продолжает ее только потому, что не хочет меня расстраивать. Потом это настроение сменилось ничем не обоснованной надеждой, что книгу все же удастся кончить. Мы оба очень торопились.

Черновой вариант книги с восстановлением части украденного

Андрей закончил в начале 1983 года. В мой день рождения рано утром (я еще спала) он съездил на рынок за цветами, а вернувшись, разбудил меня песней. В горьковские годы у него были две «дежурные». Когда мыл посуду, он пел Галича «Снова даль предо мной неоглядная...». А когда проходил мимо милиционера, вынося поздно вечером, почти ночью, во двор мусор (мы жили в доме, где был мусоропровод, но он все семь лет не работал), он громко пел «Варшавянку». В это утро Андрей пел: «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут, в бой роковой мы вступили с врагами, нас еще судьбы безвестные ждут. Но мы подыдем гордо и смело знамя борьбы за рабочее дело, знамя великой борьбы всех народов за лучший мир, за святую свободу». С песни он перешел на Пушкина (Блока и Пушкина Андрей знал поразительно, но никто этого почему-то не пишет). «Мороз и солнце, день чудесный, еще ты дремлешь, друг прелестный, пора, красавица, проснись...» — и продолжал, смеясь: «Муж голодный, хи-хи-хи. Вставай, подымайся... Пеки пироги!» На тумбочке рядом с кроватью (вообще-то на табуретке, которая ее изображала) стоял букет красных гвоздик в зеленой стеклянной вазе. Андрей любил яркие цветы — красные, желтые, синие, — белых, кроме ромашек, не любил. К вазе был привязан листок бумаги со стихами: «Дарю тебе, красотка, вазу, за качество не обессудь, дарил уже четыре раза. Но к вазе книга — в этом суть». И в этот день на рукописи появилась дата окончания книги — 15 февраля 1983 года, — хотя нам еще долго предстояло гадать, будет ли она когда-нибудь. А вазы действительно Андрей дарил по поводу и без повода, обычно с шутивными виршами, и еще духи «Елена» — он их покупал, кажется, только за имя, потому что вообще-то я духов почти не употребляю.

Работа над рукописью продолжалась всю зиму. Я старалась не накапливать, возила частями в Москву и пользовалась любой возможностью, чтобы какие-то куски переправить ребятам, а до них доходило не все. Чем ближе виделся конец, тем напряженной и беспокойней становились мы.

И тут у меня случился инфаркт. Я приехала в Москву с ним и с рукописью — на мой взгляд, законченной. На мой — но Андрей так не думал. Инфаркт, который я сама себе диагностировала в Горьком, подтвердился на ЭКГ в поликлинике академии. Они хотели меня сразу госпитализировать. Я отказывалась, если со мной не госпитализируют Андрея. Ссылным по закону разрешают приехать к родственникам в случае их тяжелой болезни, так что моя просьба была законной, только Андрей был вне закона. Меня привезли домой на «скорой» в сопровождении

медсестры, предварительно взяв расписку, что они за меня не отвечают. А потом я из уличных автоматов — дома телефон давно был отключен — продолжала переговоры с академией о госпитализации Андрея. И однажды от ее ныне покойного ученого секретаря Г. Скрябина получила бесподобный ответ, что они не дадут мне шантажировать их моим инфарктом. Вообще-то, конечно, это был шантаж — ведь я чуть-чуть надеялась, что если мне удастся госпитализировать Андрея в Москве, то потом его положение как-то улучшится. И повсюду таскала сумку с рукописью — столько бумаги на себе я расположить уже не могла. И кипела от злости на академию и на них — полицейских-воров, которые ходили за мной по пятам. Болело сердце, но инфаркт тогда меня не волновал. Адреналин, который поступал в кровь от злости, помогал сердцу. В ночь на 20 мая мне удалось «оторваться» (жаргон сыщиков и воров), и я передала рукопись. А утром 20-го (видно, что-то чувствовали мои преследователи, но проморгали) у моей двери появился круглосуточный милицейский пост. Я вышла на улицу и провела пресс-конференцию с толпой собравшихся у парадного журналистов. Вернулась домой и легла в постель. 21 мая я узнала, что рукопись улетела.

Вечером пришел наш друг Юра Шиханович. Я лежала, а он хозяйничал. Потом читали друг другу стихи — праздновали день рождения Андрея. И рождение книги. Господи, как счастлива я была тогда: я с инфарктом, а он в горьковской ссылке!

По моему тогдашнему летосчислению этот день — день рождения Андрея — стал днем рождения книги. Но на самом деле и это неверно. 28 сентября 1983 года Андрей написал в новой тетради: «Начинаю вновь дневник с годовым перерывом после кражи... Этот год я был занят восстановлением «Воспоминаний»... Совсем не занимался наукой. Это очень плохо. Но я не робот... Я предполагаю, после того как макет посмотрит Люся и внесет исправления, переписать от руки в двух экземплярах... Если Рема получит этот материал, у него будет все украденное год назад...» И через несколько дней: «Вчера не выполнил плана писания, хотя сидел допоздна и не ложился после обеда».

Лето и осень Андрей занимался монтажом книги (он говорил «макет»), не имея всей рукописи перед глазами. Он придумывал какие-то сложные обозначения для различных частей — буквенные и фигурные: кружки, квадраты, ромбики и треугольники. Я с трудом в них разбиралась, иногда приходила в отчаяние, не представляла, как Ефрем, Таня, Алеша и Лиза в них разберутся, если эти страницы к ним попадут. Но и это становилось все более и более проблематичным.

Я снова часто ездила в Москву. Нитроглицерин в одной руке, другой прижимаю к себе сумку. Однажды на вокзале, сидя на чемодане (стоять не могу), я сказала: «Другой муж пожалел бы...» Сказала не в упрек, хотела пошутить, а у Андрея задрожали губы. Тогда я показала рукой на трех молодых, здоровенных наших сопровождающих из КГБ (они стояли в двух шагах) и громко, чтобы они слышали, прочла: «И все тошнит, и голова кружится, и мальчики кровавые в глазах...» Вроде как нас успокоить, что тошнит меня не от слабости, и им сказать, что мальчики кровавые — это они. А потом в поезде, всю ночь не сомкнув глаз, твердила себе: «Дура ты дура, и шутки твои дурацкие». Андрей ведь уже предчувствовал, что ему предстоит, письма иностранным коллегам писал с просьбой помочь, чтобы меня пустили в США для операции на сердце. И мы оба понимали, что «за так» меня не отпустят — значит, голодовка. И разлука Бог знает на какой срок! («Разлука ты, разлука, чужая сторона...» Чужая всегда там, где не вдвоем!)

Так вот и было в жизни. И книга — все-таки осуществленная, вопреки всему выжившая, «всем чертям назло». И эти письма — я передала их вместе с ней в конце февраля 1984 года. И страх за меня. И «Люсинька, надо», когда я в третий раз ехала в Москву, чтобы переправить на Запад статью «Опасность термоядерной войны». Дважды она по дороге пропадала. Жаль, не знают об этом прагматики и миротворцы из американских фондов. И по сей день живучие упреки, что я его не жалела — не удержала от голодовок, и однажды ему: «Андрей, пожалей Люсю». И наш ответ на них тогда и мой — сегодня — это не ваше дело. Не ваше — навсегда!

Из дневника Андрея Сахарова. 1984 г., февраль: «Я хочу, чтобы в книжке был наш с Люсей семейный портрет — глядя на него, думаешь о том времени, когда он будет экспонироваться. «Б. Биргер. Портрет неизвестных. Эпоха ранней атомно-электрической цивилизации. Восточная Европа. Планета Земля».

А ответить на вопрос «когда закончена книга?» я так и не смогла. Все три даты — 15 февраля 1983 года, 21 мая 1983 года и февраль 1984-го — правильны. Но будет еще четвертая, о которой мы не знали...

Однажды, уже когда у меня был второй (а может, и третий?) инфаркт, Андрей сказал, что он не сможет жить без меня и покончит жизнь самоубийством. В его тоне была какая-то несвойственная ему истовость, как будто он заклинает судьбу или молится. Я испугалась. И просила его ничего не делать сгоряча.

Взяла слово, что если это случится, перетерпеть, переждать полгода. Он обещал.

Уже прошло полгода, как Андрея нет. У меня никогда не было мысли о самоубийстве. Значит ли это, что я люблю его меньше, чем он меня? Что я слабей или сильнее его? Мы ведь не знаем, сила или слабость — самовольный уход из жизни. Я живу. Говорю по телефону. Открываю дверь на звонок. Ем. Смеюсь. До 4—5 часов утра сижу за компьютером. Пишу о том, что болит — во мне, в стране, в мире. Радуюсь рождению внука. Мучаюсь бедами детей. Сплю, хотя со сном плохо. Разлюбила мыться и одеваться — каждый раз надо себя заставлять. Но ведь и это жизнь. И все время ощущаю, что жизни во мне нет. Или она какая-то другая — моя теперешняя жизнь, в которой был Новый год без Андрея. Потом мой день рождения в далеком заокеанском аэропорту — без Андрея. Весна, его день рождения без него. Другая жизнь.

Самолет летел над океаном. За иллюминатором было розовеющее рассветное небо. Подумалось, что я прожила три жизни. В первой тоже было розовое небо, детство, светлая любовь девочки-подростка, стихи, сиротство, танцы, война, смерть. Но эта первая жизнь вся была — розовое небо. Вторая жизнь — роды, женское счастье, радость профессионального труда. Ее главным содержанием были дети.

Третья жизнь — Андрей! Как в старой сказке, сошлись две половинки души, полное слияние, единение, отдача — во всем, от самого интимного до общемирового. Всегда хотелось самой себе сказать — так не бывает! «Ты — это я» — формула одной жизни. Она стала высшим смыслом всей жизни. Всех — первой, второй, третьей. И объединила их в одну.

Теперь я в четвертой жизни. Шесть месяцев. Сто восемьдесят дней. Десять месяцев — триста дней. Скоро год...

Каждое утро возвращается к реальности, в которой Андрея нет, — его несмятая подушка. Утром всего трудней заставить себя жить. Днем приходит обыденность, звонки, люди, дела. Вечер и ночь до трех-четырёх теперь у меня самое светлое время суток — его бумаги, статьи, книги.

И «Воспоминания» — мы семь лет ждали выхода книги в свет. Почему так долго? Это уже другой детектив, на другой сцене — в США. Дети и Эд Клайн боялись, что выход книги может ухудшить наше положение, что мы станем жертвой какой-нибудь очередной провокации КГБ или других советских властей. Вместо того чтобы заключить с издательством договор с солидным авансом, который является реальным залогом быстрого издания книги, они заключили договор на основе секретности. В договоре нет

фамилии автора, нет названия, но указано, что о рукописи в издательстве может знать только редактор и переводчик, что она должна секретно храниться, не выноситься из издательства, что ее публикация может быть остановлена на любом этапе, и еще много таких пунктов, которые тормозили работу. Затрудняла невозможность посоветоваться с автором, если перевод вызывал сомнения, особенно там, где речь шла о науке. Но главной причиной, почему книга не вышла еще тогда, когда мы находились в Горьком, был страх детей. Ругать их за это, когда мы вернулись? Они же волновались за нас. А у Андрея появилась возможность увидеть книгу целиком, разложить на столе. Он не мог отказаться от этого. Начал что-то править в русском тексте и в переводе. Окончательный перевод научных глав — авторизованный, он работал над ним в Нью-Йорке в феврале 1989 года. А предисловие к книге «Горький, Москва, далее везде» и эпилог к «Воспоминаниям» положил мне на стол утром 14 декабря 1989 года. Вот она — эта дата. Я прочла эти страницы, когда Андрея не стало. Последние слова обращены ко мне. «Жизнь продолжается. Мы вместе». Это голос Андрея.

В марте этого года японские издатели книги попросили написать предисловие к ней. Шла первая весна без Андрея, теперь наступает зима (Господи, как я не люблю зиму, никогда не любила). Эти страницы во многом пересекаются с ним, хотя это уже не предисловие, но, скорей, послесловие. А я мечтаю о будущем лете, когда пройдет конгресс и можно будет засесть за дневники и письма Андрея — разобрать, перепечатать, прокомментировать. Как хорошо, что впереди есть работа. Только бы ее хватило на все мои оставшиеся весны и зимы.

Жизнь продолжается. Мы вместе. Каждый раз, когда я беру книгу в руки, только прикасаюсь к ее обложке, меня пронизывает острая боль при мысли, что Андрей не увидел ее. Теперь я понимаю, какой это был невероятный труд. Столько раз писать книгу почти заново, годами балансируя между надеждой и неверием, что удастся закончить. И подвиг! Со всеми его человеческими терзаниями, отчаянием, усталостью, о которых я попыталась рассказать, и возвращением к работе. Еще один подвиг человека, который всегда и во всем был достоин своей судьбы.

Декабрь 1990 года

ВОЙНА УЖЕ ИДЕТ

Письмо в норвежское посольство

Последние дни все время внутренняя дрожь — не дай Бог! И слабая надежда — этого не может быть! Но это было. И осенью 56-го, и в августе 68-го, и в декабре 79-го. Ночь у приемника, когда шло заседание ООН, на котором почти все человеческое сообщество осуждало нас. Зачем я пишу «нас», почему не могу отделаться от «мы» даже наедине с собой? И почему прошлое так цепко держит нас, несмотря на гласность, перестройку, новое мышление и прочие слова, за пять лет ставшие штампами? В ночь на 13 января они оказались фикцией.

Москву засыпал снег, и стало казаться, только из-за снега не слышно пальбы, за его завесой мы не видим убитых и раненых на улицах и площадях Вильнюса. Четырнадцать убитых и почти сто сорок раненых! И это еще не конец — это продолжение. После Карабаха, Сумгаита, Баку, Ферганы, Узеня, Оша — Вильнюс! Кто следующий? И если во всех случаях нас сбивали с толку, делая вид, что где-то кто-то ищет виновных, то сегодня их искать не надо. Они на виду, их обвиняет Конституция СССР, якобы для защиты которой в Литву посланы десантные войска. А также для защиты плана мобилизации в армию (указ президента) и партийной собственности (объяснение Центрального телевидения). Откройте Основной закон Союза Советских Социалистических Республик и прочтите статью 72: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР». Не касаюсь истории того, как Литва стала советской. Но утверждаю, что на основании этой статьи Литва имела право объявить независимость. То, что позже принят закон о выходе, к Литве не имеет отношения. Непреложное юридическое правило — закон обратной силы не имеет. Наверное, смешно (на самом деле плакать хочется), что Комитет конституционного надзора не объяснил все это президенту, Председателю Верховного Совета, Съезду народных депутатов, Верховному Совету СССР и тем самым вслед за законодателями грубейшим образом нарушил Конституцию. Не Литва! И это с их нарушений поехало, покатило — блокада, мораторий, десантники. Опять российские парни, у которых опять будет «синдром», только в этот раз не афганский, а литовский. И спустя какой-то срок мы станем их осуждать? Потом ратовать за амнистию? А пока в стране уже идет гражданская война, истоки которой в том, что законодатели и верховная власть коллективно — хором — нарушили закон. Как-то походя, даже не прочтя действующей Конституции.

Вчера те же люди осудили в составе Совета Федерации события в Литве. А вскоре им принимать новый Союзный договор, который президент 24 ноября представил для всенародного обсуждения. Прочтут ли они его вовремя?

Одна война уже идет, в отделенном от нас снежной замятью Вильнюсе, вести оттуда мы теперь будем напряженно ловить по «голосам» (не по ЦТ же от Кравченко!).

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ НОБЕЛЕВСКОГО КОМИТЕТА
СТОРТИНГА НОРВЕГИИ
ГОСПОЖЕ ГИДСКЕ АНДЕРСЕН

В 1975 году Андрею Сахарову присуждена Нобелевская премия мира. Правительство страны, гражданином которой был Сахаров, не разрешило ему поездку в Осло. В высокой церемонии по его воле и согласно его генеральной доверенности участвовала я.

Воля Сахарова также выражена в завещании, по которому я являюсь единственной наследницей его авторского права — права публикаций всех его работ, а также использования его имени.

Опираясь на его волю и дважды подтвержденное доверие, я прошу Вас вычеркнуть имя Андрея Сахарова из числа лауреатов Нобелевской премии мира. Считаю невозможным, чтобы оно стояло в одном ряду с именем Генерального секретаря КПСС Михаила Горбачева, который как глава государства несет ответственность за кровь, в нем пролитую (Карабах, Тбилиси, Баку, Фергана, Узень, Ош), и ответственность за сегодняшние события в Литве, разыгранные по сценариям Берлина 1953 года, Будапешта 1956-го, Праги 1968-го и Кабула 1979-го. Их трагическое сходство полностью отвергает наличие идеологии, именуемой «новое мышление».

Елена Боннэр

13 января 1991 года

P. S. Я сохраняю чувство глубокой благодарности к норвежскому народу, постоянно оказывавшему поддержку Сахарову в его общественной деятельности, направленной на защиту мира и прав человека. Я готова приехать в Осло, чтобы вернуть Нобелевскому институту диплом, медаль и премию, которая была в 1975 году помещена мной в банк Норвегии, кроме той ее части, которая использована на благотворительные цели.

Е. Б.

ЗВОНИТ КОЛОКОЛ...

Сижу, схватившись за голову, и ничего не вижу от слез. Мне звонили из Риги. В десять вечера я села за машинку. Звонок был в одиннадцать. Журналист латышский — забыла фамилию. Он когда-то мою книжку читал. Нет, я не про то. Голова раскалывается. Спокойно! То ли я с ума схожу? То ли... Надо по порядку. Я, Елена Боннэр, г. р. 1923, еврейка-армянка, русскоязычная, русскопишущая. Сны вижу на русском. Ученые считают, что язык снов — родной. Но это относится к тем, кто владеет двумя и более языками. «Автобио» обычная. Сирота 37-го. Четыре года армии — защита отечества, самооборона, «второй» русский язык, ИОВ второй группы и на всю жизнь щемящая жалость к солдату. Если б вы видели, какие они были — призывники 1926—27 года рождения. Тыловочки голодные с тоненькими шейками — осмотр на вшивость. И как страшно мечутся лежащие раненые, когда бомбят санпоезд! Жалость пряталась в глубине или с рыданием подступала к горлу, когда начался Афганистан. А потом поехала наша перестройка. Мы поверили. В полугласность-полуправду, в выборность-четвертьвыборность, в стремление к реформе — и осьмушки не набрать. Поверили, что кто-то тайный мешает и оттого половинки, четвертушки и осьмушки. И доверили делать, но кому-то не тому. Иначе откуда взялись каратели сегодня, 20 января, в Степанакерте и в Осетии (я про сегодня — на все даты бумаги не хватит). Их не мамы родили. Мамы только долго молчали! И откуда взялся водитель, танк которого наехал на Лорету — вильнюсскую девчущку? Ох, «три танкиста, три веселых друга...». Нет, надо успокоиться! Надо! Образование высшее медицинское и неполное высшее — факультет все того же русского языка и литературы. Специальность самая жалостливая — недоношенные дети. И больше всего на свете радуюсь первому крику новорожденного. Когда утром входила в белый коридор клиники, а младенчики к девяти часам начинали свой голодный дружный крик, ловила себя на том, что улыбаюсь и хочется танцевать. А сегодня из телевизора полоснуло штраусовским вальсом. Это когда над Литвой еще колокольный звон не затих? Он что, развлекается — товарищ Кравченко? Или издевается над всей страной? А может, штудирует Геббельса, который, чтобы дымом Освенцима не пахло, крутил для всей Германии «Девушку моей мечты»? Только спокойно! Специальность я выбрала правильно — была от нее счастлива. Как и мой муж в своей. Как-то знакомому рассказала, что он меня ночью в лесу полупшепотом спросил: «Хочешь, я тебе расскажу про мое самое любимое?» И, глядя на звездное небо, сказал: «Реликтовое излуче-

ние». А тот добрый человек и известный болтун, потому что писатель, растрезвонил по всему свету. И получился перекосяк, неправда. Ведь — было другое. И у него и меня. Человеческое — не профессиональное! Как у всех людей.

В общем, биография космополитки, с чего-то решившей, что это ее земля горит под подошвами ее сограждан. Может, Ахматовой начиталась? Помните — о своей земле? «...но ложимся в нее и становимся ею, оттого и зовем так свободно своею». Имею особые приметы — ст. 190-1: «Заведомо ложные, клеветнические измышления на советский государственный и общественный строй...» Статью отменили, судимость осталась. Может, правильно — дважды нарушала закон. Давала взятки. Когда умер брат и мама сказала: «Крематория не вынесу». Второй раз — за памятник ему. Теперь в той земле, которая за взятку, лежит Андрей Дмитриевич Сахаров, рядом с моим братом и с моей мамой. Место выбрала не я, а он, чтобы и ему и мне. И даже подавал с конца 1987 года заявления, то в академию, то в Моссовет, а за две недели до смерти в Совмин. Наивно полагал, что ему не откажут. Однажды даже полушутя сказал: «За особые заслуги перед Родиной», — хотя слово это не любил, особенно если с большой буквы, и часто повторял «родина — это свобода». А ему все отказывали. Пока не умер. И стоит на кладбищенской дорожке указатель: «К могиле А. Д. Сахарова». Мне почти не удается побыть на кладбище одной. Все ходят и ходят люди. Памятника еще нет. Надо было достать камень «габро». Академия, хоть, говорят, академиком и положено, не смогла. Директор комбината в Долгопрудном сказал, что весь «габро» вычерпали на отделку нового здания КГБ и еще покупали на валюту в Финляндии. Но кто-то прослышал про мои хлопоты и сказал рабочим в Житомирском карьере. Они сказали, что для Сахарова найдут. И нашли. Каменщики для Сахарова тоже сделяют. Так что будет!

Спокойно! Был звонок из Риги! Убитые. Четыре? Снова! И раненые. Снова! Второй звонок. Уже пять! Погиб оператор из группы Подниекса. Я его знаю, он у нас был однажды. Они Андрея снимали. Я злилась на них, что пленку мне не дали. Господи! Я сейчас подумала: хорошо, что Андрей умер. Чтобы он делал? Летел в Вильнюс или в Цхинвали? Опять в Карабах, в Ригу? Да. Кидался под танк? Да. Отказался бы от Нобелевской? Да. Плевать он хотел на все премии мира. Призывал бы к политической забастовке? Да. Просил бы все теле, радио и прочее не крутить кино и вообще молчать, если не говорят правду. Чтобы был часами молчащий диктор? Да. Обращался бы к Западу? Да. Хотя там других забот выше макушки. Но что еще? Что? Да, хорошо,

что умер тогда. Умер как убит. Но все же умер. Спокойно! Про него я это думаю? Или себе говорю? Спокойно! И не хвататься за голову, а думать. Думайте все, ну пожалуйста! Всем солдатским мамам Советского Союза немедленно ехать в часть к своим сыновьям. Немедленно, пока твой сын никого не убил. Солдаты не стреляют в безоружных. Это работа палачей. Выстрелит в молдавскую Марику или грузинскую Манану. И прощай твой сыночек! Никогда им не будет. Хоть придет домой и руки вымоет, садясь за стол. Никогда! Всем пастырям Советского Союза всех конфессий обратиться ко всем верующим солдатским родителям, чтобы они ехали к своим сыновьям и спасали их души. Вас же много. Никакой ОМОН не справится. Ведь только что (4 утра 21 января) был разговор с командиром полка в Каунасе, который бодро сказал, что пусть президент им только прикажет, у них в каждом городе по такому полку, и они быстро все верховные и обл. и прочие Советы раскурочат. По всей Руси. Это я не про Россию только. Простите, Украина, Узбекистан, Эстония и все остальные бывшие «братские». Это ведь про нас всех. А президент отдыхает. И что же теперь, у нас воскресенья всегда будут такие? Кто-то отдыхает, а ОМОН и десантники работают! В голове прямо как колокол гудит. И «не спрашивай, по ком звонит колокол...».

6 часов утра 21 января 1991 года

НОВОЕ БЛЮДО ПО СТАРОМУ РЕЦЕПТУ

Книжка — 64 страницы. Цена — 5 копеек. Пока не дефицит. Название — Конституция. Подзаголовок — Основной закон. Вспоминаю избрание Андрея Сахарова в Конституционную комиссию. Легкость необычайная показала, что высокое собрание оценивает Конституцию согласно номиналу.

Маршал Язов ее не читал. Президент уверяет, что в Вильнюсе армия ее защищала. Круг чтения маршалов — не моя забота. С президентом сложнее. В Конституции есть статья, на которую он мог бы опереться (ст. 31): «...в целях защиты социалистических завоеваний, мирного труда советского народа, суверенитета и территориальной целостности государства созданы Вооруженные Силы СССР...» (сколько ни бьюсь, никак не могу понять, почему эти силы пишутся с большой буквы. — Е. Б.). Можно бы считать, что Литва разрушает территориальную целостность. Но получается — «с больной головы на здоровую...». В марте прошлого года президент (и вся королевская рать) фактически раз-

рушили Конституцию, нарушив статью, на основании которой Союз был создан (существовавшую и в Конституции 1924 года, и в сталинской 1936-го под номером 17). Это статья 72: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР». На основании этой статьи — Литва вышла из Союза. Не буду касаться вопроса о том, как Литва (а также Латвия, Эстония, Бессарабия, Западная Украина, Тува) стала советской. Ключевые слова статьи «свободный выход» дают право любой республике самой (это ее внутреннее дело) решить, как выходить — решением президента, парламента, после референдума. Эти же слова лишают президента возможности требовать с республики хоть рубль, хоть 30 миллиардов. Да и стоит ли считаться при нашей истории? Сколько литовцев после «добровольного присоединения» успокоились в якутской земле? И почему каждая (их — литовцев) человеческая жизнь?

Если б президент вчитался в текст статьи 72 и вместо блокады, моратория, десантников, крови нашел бы цивилизованное решение с учетом взаимных интересов — экономических, оборонных и защиты прав всех граждан, в стране началась бы перестройка. И Союз возможно было бы сохранить, правда, другой — на основании нового мышления. И на основании этого же мышления еще раньше надо было думать, что ему соответствует — нерушимость границ (внутри Союза) или право на самоопределение. И может, не сменился бы за столь короткий отрезок исторического времени лозунг митинга «Горбачев — да» (Ереван, 1988) на сегодняшние, которые не привожу, дабы не подпасть под действие небезызвестного указа. И еще о новом мышлении. Передо мной проект декларации, предложенный Дем. Россией. Один из пунктов — «нерушимость существующих государственных границ и отказ от любых территориальных претензий». Опять — двадцать пять, господа демократы. А почему (к примеру) не референдум на спорных территориях? С участием всех проживавших там на момент возникновения конфликта, ну хотя бы в тех регионах, где более половины населения другой национальности, конфессии или только даже языковое? Я не утратила веры в разумный эгоизм народов, которые с вашей интеллектуальной или еще какой-нибудь помощью или, может, без нее смогут разобраться между собой, лишь бы не всовывались автомат и «руководящая сила», а также любые амбиции как новых, так и старых политиков. Но это все о прошлом. А я взялась за эту статью, думая о будущем. Еще до Вильнюса и Риги. После того, как 24 ноября от имени президента был опубликован проект нового Союзного договора для всенародного обсуждения, а 18 января, когда появилось в «Известиях»

постановление о референдуме, поняла, что откладывать нет времени. Я тоже, между прочим, народ. Его одна трехсотмиллионная. Я обсуждаю — не для дяди, а для себя. И исходя не из каких-либо отвлеченных принципов, а из своего собственного — одного из трех, которым следую всю жизнь. 1. Застелить постель сразу, как встала. 2. Не оставлять с вечера на утро немытую посуду. 3. Не рассуждать о том, что должен сделать кто-то, а решать, что должна сделать я. Этот «кто-то» менялся — бабушка, друзья, армейский начальник, секретарь парторганизации, КГБ, правительство. Я оставалась. Как в анекдоте о евреях, которых последовательно уничтожали римляне, инквизиция, Гитлер, Гомулка, Сталин и так вплоть до Саддама, а евреи остаются. Андрей Дмитриевич третий принцип исповедовал всегда, а первые два, придя в наш дом, сразу согласился включить в числе других в наш с ним брачный контракт.

Преамбула проекта Союзного договора. Двадцать коротких строк, в которых субъекты договора, «извлекая уроки из прошлого... решили на новых началах построить свои отношения в Союзе Суверенных Советских Республик».

Основные принципы (раздел 1). Республики — суверенные государства, «признающие неотчуждаемое право каждого народа на самоопределение», и «признают важнейшим принципом своего объединения приоритет прав человека, провозглашенных во Всеобщей Декларации ООН и международных пактах».

Прочитав преамбулу и принципы, подумала, может, зря я такая Фома неверующий и там, где творят проекты, к нам (народу) имеют хоть минимум уважения. И, слава Богу, нет этого тошнотного словосочетания «обновленный Союз». У меня от него всегда одно и то же скучное воспоминание, как я без конца в студенческие годы обновляла три своих платья — то воротничок новый, то юбку обужу, то рукава укорочу. А ткань от ветхости все разлезается и разлезается под иглой. Однако, дочитав проект до конца, ошеломленно поняла, что нас всех и все еще держат за недоумков и уважение от властей предержавших пока народу не светит. Итак, устройство Союза (раздел 2). Провозглашенное в принципах право наций на самоопределение исчезло, уступив (в который раз!) сталинской нерушимости границ.

Суверенитет республик? Загляните в Конституцию 36-го или 77-го годов — все равно. Там тоже республики — суверенные государства. Чего же президент пугается и нас пугает «парадом суверенитетов»? Привычное слово и пустое понятие — во всяком случае на сегодня. И чего республикам было так торжественно его провозглашать? См. ст. 76 действующей Конституции: «Союзная республика — суверенное советское социалистическое госу-

дарство». Худо-бедно (именно худо и именно бедно) мы уже вечно живем в «суверенных» государствах. Право выхода суверенного государства из Союза в проекте договора испарилось, даже мокрого пятна от этого права не осталось — та самая статья 72, о которой я уже сказала. И какая уж тут добровольность (первая строка статьи 1), если подписал и не рыпайся. Но родилась совсем новая для нас статья (раздел 2 договора, ст. 1): «Члены Союза могут ставить вопрос о прекращении членства в СССР республики, нарушающей условия договора и принятые ею обязательства». Ничего худого, а по нынешним временам, может, и хорошо, чтобы исключили, если Союзом мы дожили до того, что ветераны второй мировой, получая милостыню в виде посылки из Германии, плачут от стыда или задаются вопросом, а не было бы лучше, если б союзники не Западную Германию освободили, а нас? Или, на худой конец, нас заодно с ними? Слова «могут ставить вопрос» интонационно мне напоминают фразу жандармского офицера из старого кинофильма «можете жаловаться», «можете жаловаться» — уж больно неопределенен их юридический смысл. Но, может, это я одна такая чувствительная? А главное — почему статья о возможности изгнания появилась вместо статьи о праве свободного выхода, а не вместе с ней — рядом с сохранением этого, может быть, важнейшего права республик, гарантирующего их суверенитет? Без такого права слово «суверенитет» годится только для игры в слова. Кто играет? Автор проекта? Республики? Похоже, как девчушки в игре «магазин» аккуратно нарезанные кусочки бумаги торжественно нарекают «деньги» — это твои деньги, а это мои. Что деньги имеют цену, играющим невдомек. Кстати, игру вроде этой сегодня нам преподнес глава правительства Союза — конфискацию имущества без приговора суда. «Это твои деньги, а это мои». И будет завтра толпа старушек у сберкасс, тех, которые держат под подушкой заветные десять сторублевков, завернутые в белый платочек. На приличные похороны. Их правительственная комиссия не хоронит за госсчет. Готовься все «скорые помощи» Советского Союза три дня подбирать у сберкасс стариков и инвалидов с новыми инфарктами, острой сердечно-легочной недостаточностью и т. д. и т. п. А что там будет с мафией и заграничными миллиардами, это узнаем со временем! Тем паче мафия держит «нажитое» в облигациях и чеках, использование которых указом не ограничено.

Устройство Союза. В этом разделе определяется цена суверенитета и, на мой непросвещенный взгляд, все, что ее (цену) имеет, объявляется принадлежащим Союзу — топливо и транспорт, армия и таможня, наука, международные связи, алмазы,

золото, деньги, космос, земля, лес, борьба с преступностью, здравоохранение — «...ленты, кружева, ботинки — что угодно для души». Здесь душа проекта, созданного для таинственной души Союза или Центра, для его власти. Имущество и власть. Для приличия часть полномочий Союза в отношении имущества оговорена «совместно с республиками». Но как? И чтобы не возникал этот вопрос, сразу следует (статья 8 того же раздела): «Полномочия Союза не могут быть изменены без согласия всех республик». Казалось бы, ясно. Когда им надо (проект анонимный, и, как его автора по имени-отчеству, ни мне, ни народу не известно), они умеют писать четко, это совсем не то, что «могут ставить вопрос». Но чтоб нам стало еще ясней, совсем ясненько (мы ж недоумки!), весь проект венчает ст. 23, заслуживающая того, чтобы ее привести полностью. «Союзный договор или отдельные его положения могут быть отменены, изменены или дополнены только с согласия всех республик». Аминь консенсус! Простое или квалифицированное большинство! И прочие парламентские штучки! Караул устал! Нам предложено новое развлечение — референдум. Всего один вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?» Выплыл-таки мой «любимый» «обновленный Союз». Как гарантироваться? На основании чего? Ни в одной республике нет новой Конституции, союзной новой тоже нет. Ни одна республика не дала перечень того, что (имущество и власть!) является содержанием ее республиканского суверенитета. Сохранены все беды старого нашего устройства и уничтожены те свободы, которые гарантировала республикам старая Конституция. А проект нового Союзного договора своей венчающей статьей 23 гарантирует нам, что так будет навсегда — при наших внуках и правнуках и «когда на Марсе будет яблони цвести».

Вот я и провела свой личный референдум.

1. Нет — новому Союзному договору, пока каждая республика не представит своим народам перечень от «А» (алмазы Якутии) до «Я» (ископаемые полуострова Ямал) того, что входит в ее суверенитет из имущества и из власти — МВД, КГБ, армия, какая часть Союзу и какая республике. До этого — нет!

2. Бойкот референдуму. Только бойкот! Потому что, когда ничего не определено, и «да» и «нет» референдума могут стать нашей общей непоправимой ошибкой.

Можно кончить на веселой ноте милой песней: «Думайте сами, решайте сами — иметь или не иметь». Но вопрос не о тете

в песенке, а о нас всех. И почему-то, пока я читала проект договора, один раз, второй, третий, все время присутствовало ощущение провокации. Говоря сегодняшним языком — «невзоровщины». И всплывали в памяти слова Фучика: я люблю вас люди — будьте бдительны. Будьте бдительны к провокации, завернутой в серебряную конфетную бумажку законности.

Нет — Союзному договору! Бойкот референдуму!

Елена Боннэр

23 января 1991 года

Р. С. Если статья написана вчера, сегодня пиши постскрипtum. Такое время! События летят на нас со скоростью света. С одной закономерностью. Любому событию предшествует ложь. Новоявленный премьер вещает, что денежной реформы не будет. За словом идет дело — «слово и дело Государево». Президент в Париже подписывает Европейскую хартию, один из пунктов которой — самоопределение народов. И — трагедия в Литве. Дружественная встреча в Москве. И Рига! С тех же государственных высот заявляют, что никакого военного положения — только защита военнослужащих да тайственных самозванных комитетов. И — приказ министра внутренних дел и министра обороны. «В целях усиления общественного порядка и поддержания воинской дисциплины на улицах городов и населенных пунктов...» Гражданам «великой и неделимой» отныне приказом двух министров предопределено стройно маршировать по улицам под звуки «Прощания славянки», а «в местах скопления» будут ждать нас БТР и где-то храниться (и выдаваться, когда кто-то решит, что пора!) спецсредства против нашей возможной недисциплинированности. А на какой срок? Приказано отчеты сдавать ежемесячно, «используя все формы материального и морального стимулирования», и (социализм — это учет) ежеквартально. А может, всю очередную пятилетку? Как раз на такое же время, что они (или мы?) чикались с этой перестройкой.

И решено было не вчера и не 29 декабря, когда был подписан приказ. А «в соответствии с постановлением Совета Министров от 11 октября 1990 года». Вас интересует, почему именно в октябре начался хорошо организованный дефицит не «отдельных товаров народного потребления», а всего? Чтобы мы взорвались и приказ стал бы обоснованным ответом на «общественные беспорядки». Вас интересует причина увольнения Бакатина, отставки Шеварднадзе, инфаркта Рыжкова? Ликвидации Президентского совета? Меня теперь больше волнует, как долго существует Совет Федерации, боюсь, его дни сочтены!

Три месяца страна жила в абсолютной лжи. Как, между прочим, и во все предыдущие 73 года. Нам не привыкать! Впереди референдум под дулом автоматов и с проверенными в Тбилиси спецсредствами.

Нет — Союзному договору! Бойкот — референдуму!

26 января 1991 года

МАРТОВСКИЕ ИДЫ, ИЛИ ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ДО И ПОСЛЕ РЕФЕРЕНДУМА

Что мы сделали? Добавив к неправовому всесоюзному вопросу вопрос российский, помогли центру его антиправовое действие представить как правовое. Закон о референдуме гласил, что на референдум можно выносить: 1. Новый закон. 2. Отмену старого закона. 3. Основные пункты содержания нового закона. 4. Выяснение общественного мнения. И далее в законе сказано, что результат по первым трем пунктам носит характер обязательного для исполнения, а по четвертому правительству надо всего ничего — «принять к сведению».

В результате сегодня для вопроса референдума вроде как «законодательно» оформили две стороны конфликта: с одной стороны Президент СССР (власть), с другой — Председатель Верховного Совета РСФСР (рвется к власти). Но ведь вопрос нашего будущего не с этим связан, и даже не с тем, кто из них хорош и кто плох. Он в том, что мы больше не хотим и не можем существовать в унифицированном тоталитарном государстве, всей властью и всем имуществом в котором монопольно владеет административно-номенклатурная верхушка одной партии (по Джиласу — «новый класс»). «Мы» в данном случае понятие собирательное — народ. Он — народ, — конечно, разный: одни понимают и не хотят сознательно, другие не понимают, но существовать практически уже не могут. И ответ на этот вопрос в том, что сломать это государство без крови может только создание вместо него ряда реально независимых государств с последующим, если они этого захотят, конфедеративным объединением. Понятие «федерация» в нашем случае очередная фикция, потому что исключает самостоятельную государственность входящих в нее сочленов. Участвуя в референдуме, мы любым ответом поддерживали обман, а не решали вопрос о нашем будущем, о будущем страны, в которой идет борьба «нового класса» с народом под обманными лозунгами защиты интересов народа и сохранения Союза. И даже функции распределены соответственно лозунгам.

Премьер все больше говорит об экономических интересах (деньги, компенсации и т. д.), каждый раз уверяя, что «честно и откровенно». А президент — о Союзе, который если не сохраним, то грянет гражданская война. Кого с кем? Украины с Казахстаном? Или России с Узбекистаном? Это ни разу президент не уточнил, как ни разу в эти месяцы не вспомнил о гуманном демократическом социализме, еще полгода назад бывшем главным лозунгом дня.

В результате референдума каждая из сторон (во всяком случае в России) доказывает другой, а также всему народу и всему миру, что она победила. В чем? Президент — в том, что мы будем жить в федеративном союзе то ли социалистических, то ли суверенных республик. Российские демократы — в том, что у нас вот-вот будет президент. Но ведь для первого еще надо провести какие-то акции в шести республиках плюс в двух, где вопрос референдума был сформулирован несколько иначе. А для второго Верховный Совет РСФСР должен утвердить не только результаты референдума, но и положение о президенте и назначить срок его выборов. А это может быть и нынче, и завтра, и после дождика в четверг. Суммарный результат референдума, на мой взгляд, таков — март месяц ушел на всесоюзную нервозотрепку.

На Западе твердо уверены, что референдум подтвердил твердые позиции Горбачева и его правительства, уверены настолько, что госсекретарь США не смог найти времени для встречи с главой суверенного государства Россия. Суверенность на этом проиграла. Не только российская. И демократия, ратующая за правовое государство, тоже — своим участием в неправовом действии союзного правительства.

А вообще эта история с референдумом, как и многие предшествующие шаги наших демократов, — игра в поддавки. Уже два года она идет по одной схеме: центр принимает решение, демократы против, но постепенно начинают сдаваться, однако, чтобы не потерять лицо (в основном перед собой), придумывают нечто видоизмененное, но по сути мало чем отличающееся от того, что предлагает центр. Это напоминает давешние игры некоторых диссидентов с КГБ. Всегда из попыток переиграть доблестные органы ничего достойного не получалось: не надо с ними тягаться, «...но быть живым, живым, и только...». Демократы проиграли этот раунд, потому что у них не было своей позиции. И потому что уровень нравственности при участии в референдуме у всех стал одинаков. И продолжают проигрывать после референдума. Это уже о другом, хотя и о нравственности тоже. Шахтеры бастуют. Шахтеры голодают. Демократы их «поддерживают». На площади стоит пикет. Собирают деньги. Собирают еду. Но это

сейчас из категории «Бог поможет». Без призыва к забастовке — всеобщей политической, пусть символической одно-двухчасовой — будет продолжаться прежняя игра в поддавки.

Политик должен быть расчетлив. Но не может быть труслив. Не то номенклатура благополучно завершит свою «приватизацию». А избранники народа останутся вместе с народом у пустого корыта. Или останется только народ, а избранники уедут «за высокие леса, за широкие моря», чтобы там горестно цитировать: «Россия, нищая Россия...»? Ну не все уедут, лучшие останутся. И что же им, возвращаться к лозунгу «Грабь награбленное»? Тогда-то и начнется гражданская война. А пока нас ею только пугают, чтобы мы от страха не видели, как «новый класс» нас грабит...

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО НАРОДНЫМ ДЕПУТАТАМ СССР

Шел восьмой день голодовки шахтеров. Заседал Верховный Совет СССР. Лукьянов вел заседание. Кто-то из депутатов был непроницаемо равнодушен, некоторые оживленно болтали, на нескольких лицах был отсвет сострадания. В президиуме Нишанов аппетитно прихлебывал горячее молоко. Шахтеры сидели на балконе, барьер которого ощущался как государственная граница. Минуту назад закончилось выступление одного из них. Его последнее слово «прощайте» еще звучало в воздухе, когда бесшумнодвигающийся в глубине сцены служащий поставил перед Рафиком Нишановичем второй стакан молока, жестом фокусника высвободив его из белоснежной салфетки.

Выступающие призывали прекратить забастовки-голодовки, действовать без эмоций, не выдвигать нереальных требований. Потом Лукьянов предложил создать согласительную комиссию. И члены Верховного Совета СССР разошлись для ужина и отдыха. Ночью радио «Свобода» сообщило, что вчера в Осетии было убито четыре человека, после чего враждующие стороны согласились на временное прекращение огня. И что сегодня в Литве омоновцы ранили трех человек, одного тяжело. Закончился 2153-й день перестройки, 638-й день от начала работы I Съезда народных депутатов СССР.

Уважаемые народные депутаты! Я обращаюсь к вам с просьбой обдумать ваше положение. Многие из вас выступали с теми же призывами, с которыми сегодня к стране и к вам обращаются шахтеры. На митингах (правых и левых) звучали призывы к президенту и его правительству уйти в отставку, а власть в стране

передать Совету Федерации. Единственный призыв, который пока не звучал, — это распустить съезд. Возможно, потому, что на митингах выступают в основном депутаты. Но и весь народ и вы сами, думаю, давно поняли, что съезд, не став реально высшим законодательным органом государства, не сумев разрушить тоталитарный характер его строя, превратился в орган, только маскирующий законность сегодняшней власти в нашей стране. И ответственность за это лежит на каждом из вас, какие бы идеи вы при этом ни исповедовали — самые демократические или самые консервативные. Ответственность за новый виток большой лжи, в который вновь ввергнута страна.

Будьте честными. Сами сложите с себя депутатские обязанности. Пожертвуйте своей депутатской неприкосновенностью и другими положениями депутатского статуса, которые вам дороги. Помогите шахтерам. Они голодают не за себя только, а за всех нас. Помогите республикам. Лишь при их реальном суверенитете мы сможем стать содружеством народов — федеративным или конфедеративным — это покажет будущее.

**РЕЧЬ ЕЛЕНА БОННЭР
НА ТОРЖЕСТВЕННОЙ ЦЕРЕМОНИИ ОТКРЫТИЯ
I МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ПАМЯТИ А. Д. САХАРОВА**

Здравствуйте!

Сегодня Андрею Дмитриевичу Сахарову исполнилось бы семьдесят лет. Юбилей пришел в трудное время для страны, гражданином которой Сахаров был по праву рождения и по горькому праву лечь в ее землю. Но он был гражданином Земли, по праву любви к ней, по праву непреклонной борьбы за сохранение мира.

В нашей супермилитаризованной державе он был единственным ученым, защищавшим мир для всей планеты с высокой профессиональностью, абсолютной смелостью, абсолютной честностью и полной независимостью — вне интересов отдельных партий, групп, ведомств или одной государственной системы.

Столь же непреклонно Сахаров защищал человека. Личность. Право на убеждения — свои, выбор жизненного пути — свой. Право на свободу. И просто — право на счастье! Он защищал китайцев в Индонезии и приговоренных к смерти студентов с площади Небесного Согласия, палестинцев в лагере Тель-Заатар, моджахедов Афганистана, курдов Ирака, азербайджанцев Ирана. Он защищал своих соотечественников — русских, немцев, евреев,

бурят, грузин, узбеков, татар, азербайджанцев, украинцев, литовцев, армян. И неустанно защищал право каждого народа на самоопределение. А первейшую обязанность государства видел в защите слабого.

Но он не был непротивленцем и безусловным пацифистом. Защищая право — закон, как одно из высших достижений цивилизации, и являясь убежденным эволюционистом, он не отвергал возможность революционного развития. С истинно демократических позиций он защищал право рабочих на забастовку — экономическую и политическую. Он считал, что она может предотвратить революционный взрыв, но главное — создать условия, при которых старые властные структуры уходят без насилия.

Особенно озабоченный национальными проблемами, он говорил, что в тупиковой ситуации консенсус превращается в пустой звук и любое решение по принципу нерушимости границ становится защитой государственности. А в условиях нашей страны — защитой сталинизма. Сахаров утверждал, что право народа на самоопределение выше всех других прав для любой национальной общности. И он никогда не уравнивал жертву и палача! Этот распристрастный, глубоко безразличный способ оправдания бездействия был для него категорически неприемлем.

Мы быстро отряхнулись и поторопились забыть Алма-Ату, Сумгаит, Кировабад, Тбилиси, Баку, Душанбе, Прибалтику, торопимся забыть Осетию. Чтобы освежить нашу память и нашу человечность, сегодня проливается кровь в Карабахе.

И прежде чем добрыми словами вспомнить Сахарова, я прошу почтить минутой молчания память всех погибших в стране за последние годы и за последний месяц май, в который наши лихие, наши советские, наши азербайджанские омоноры щедро удобряют людской кровью кавказскую землю. Спасибо! Прошу сесть.

Первый Международный конгресс «Мир, прогресс, права человека», посвященный памяти Андрея Сахарова, объявляю открытым. Он задумывался и проводится абсолютно независимо от любых государственных структур и правительственных органов СССР и других стран. Основные средства для его проведения получены от независимых изданий «Аргументы и факты», «Московские новости» и «Огонек». Основной валютный вклад сделали авиакомпания «АлИталия» и Федерация Американских профсоюзов. Список всех спонсоров будет опубликован.

И в результате напряженной полуторагодовой работы четырех человек в СССР, работы одного человека в Италии, двух в США мы смогли сегодня встретиться в этом зале.

В чем идея конгресса, кроме доброй памяти об ушедшем?

Мы хотим коллективно повторить то, что делал Сахаров в одиночку. Сказать профессионально и правдиво о наиболее острых проблемах современности. Но сказать — это часть дела. Мы хотим быть услышанными теми, от кого зависит решение поставленных проблем. И услышанными не потом, как было с Сахаровым, не через десять или двадцать лет, когда будет поздно, а сегодня.

Нельзя в один конгресс уместить все, чем болен современный мир. Мы выбрали две рабочие темы. Это — «Чернобыль (прошлое, настоящее, будущее)» и «Советский Союз и страны Восточной Европы на пути от тоталитаризма к правовому государству». Внешне далекие, они связаны воедино самим Сахаровым — ученым и общественным деятелем.

Ученый Сахаров был не только «отец советской водородной бомбы» (журналистский штамп — поверхностный и односторонний, как все штампы, от него пора отказаться). Сахаров был пионером в области теоретических работ по мирному использованию термоядерной энергии. Сахаров был убежденным сторонником развития ядерной энергетики, считая, что она даст возможность повысить уровень жизни всех людей на земле. Не понижать его в богатых странах, а поднять в бедных. А в статье «Ядерная энергетика и свобода Запада» он обосновывает необходимость для демократических стран добиться нефтяной и вообще энергетической независимости от стран — ее поставщиков. События недавней войны в Персидском заливе подтверждают его правоту. И, раз уж я коснулась этой темы, необходимо сказать, что ООН и государства — члены Совета Безопасности не имеют права оставить безнаказанными экологические преступления Саддама Хусейна, последствия которых грозят всей планете.

Чернобыльскую катастрофу Сахаров считал не только следствием технических просчетов, ошибок персонала, плохих строительных работ, но в первую очередь доказательством ущербности общественного строя. В этом плане он рассматривал Чернобыль как высшее «достижение» (в кавычках) социализма.

Вторая тема, казавшаяся точно сформулированной полтора года назад, постепенно стала вызывать сомнения. Возникли вопросы: «Находимся ли мы на пути от тоталитаризма к правовому государству? Не топчемся ли на месте? Не повернули ли назад?» Вехи этой трансформации известны.

Это непрямые выборы президента. Первые и последующие дополнительные полномочия ему. И одновременно идущий процесс распада Советского Союза. Блокада Литвы в ответ на законное конституционное объявление ею независимости. «Основные направления» вместо экономической программы. Первый

проект Союзного договора, по существу отвергающий суверенитет республик, второй проект, несколько улучшенный, какой обсуждается сегодня, мы просто не знаем — его не публиковали. Это Указ о защите собственности, обернувшийся защитой партийной собственности, приказ о совместном патрулировании. Это тихая аппаратно-номенклатурная приватизация — не народу, а от него.

И, наконец, последнее. Недавнее соглашение, подписанное руководителями девяти республик и президентом. Оно воспринято как документ, открывающий не совсем светлый, но все же какой-то путь. И как умиротворение в битве, которая в массовом сознании стала формулой — «Горбачев или Ельцин». Но по существу — это далеко не оконченная борьба бывших республик с центром бывшего Советского Союза за реальную независимость. Создание суверенных государств на месте имперского тоталитарного, под гнетом которого наши народы существовали семьдесят три года, — это процесс безусловно прогрессивный. А что при этом могут возникать режимы, далекие от демократических, как произошло в Грузии, так это результат действий центра. В данном случае — прямой результат работы лопатками и газами в Тбилиси.

Возвращусь к соглашению «девять плюс один». Его оценка забастовочного движения имеет антирабочую направленность, и в нем серьезно настораживает мотив статуса благоприятствования для республик, подписавших соглашение. А последовавшие сразу после его подписания кровавые события в Карабахе впрямую указывают на то, какие последствия могут ожидать республики, не подписавшие соглашения. Вновь, как в январе после Вильнюса и Риги, в воздухе витает вопрос: «Кто следующий? Молдова? Вторично Прибалтика? Грузия, в которой огнем уже полыхает Осетия?»

Сегодня Россия в ожидании выборов президента. До этого мы ожидали референдум и очередные съезды. Ожидали законы, которые минимально облегчат нашу жизнь. Долго ожидали повышения цен. Получили, с предвзвешенным изъятием сторублевков. Мы не знаем, что нам предложат ожидать после 12 июня.

Нас пугают голодом и гражданской войной. Но в стране уже для большей части населения полуголод. И война уже идет — только не гражданская, а старых сталинских структур с едва зарождающимися новыми. Агонизирующее старое защищает свою власть, а верхушка агонизирующей партии защищает свое имущество — свое, отдельное от народа. Парадокс в том, что при этом партия называется коммунистической. Результат защиты имущества — кровь. В Баку и Тбилиси кровь проливали, защищая ЦК. В Прибалтике защищали партийное иму-

шество. Кровь Карабаха — ответ на независимость Армении и национализацию партийно-комсомольского имущества.

Пока партия не отдаст народу все до нитки, до последнего деревянного или, по-нынешнему, павловского рубля, будет торжествовать сталинизм.

И он будет, пока мы не пройдем эпоху суверенитетов — реальных. Пора четко сказать, что суверенные государства могут объединяться только в конфедерацию, что наше будущее — если мы хотим свободного будущего — конфедерация, а все разговоры о федерации — обновленной или старой — фикция.

Почему фашистские государства не столь устойчивы, как тоталитарные? В них всегда остается элемент суверенности — частная собственность. А сущность демократии — это парад суверенитетов: суверенитет личности, суверенитет семьи и своего дома, суверенитет своего малого или большого предприятия, суверенитет любой национальной общности, суверенитет народа. И суверенитет государства!

Нам внушают, что мировой тенденцией, особенно европейской, стало стремление к объединению. Правильно, но после десятилетий свободы! Борьба за суверенитет идет не только в нашей стране, она идет по всей Восточной Европе — в Словакии, Хорватии, Сербии. Это расплата за десятилетия несвободы.

Такое время и такова страна, в столице которой координаторам и экспертам конгресса предстоит ответить на вопросы, поставленные перед нами темой «СССР и страны Восточной Европы на пути от тоталитаризма к правовому государству». Так что же — ничего не произошло за шесть последних лет? Произошло, и может быть, самое главное — изменение в общественном сознании. Как нельзя ладонью остановить реку, так ничто, и в том числе армии, ОМОНЫ, голод и даже война, не остановит процесс становления нового общества, хотя могут затормозить и сделать его кровавым — что в сущности уже происходит. Но вновь вернуть страну в тотальный страх они уже не смогут. Это прекрасно понимают те, в чьих руках власть. Поэтому стало возможным, что сегодня, в день семидесятилетия Андрея Дмитриевича, мы встретились в этом зале.

Многие из наших иностранных гостей принимали активное участие в общественном движении по защите прав человека и в общемировой кампании «Сахаров дефенс». Мы выражаем им и их соратникам в различных странах искреннюю благодарность за поддержку и защиту Сахарова в трудные годы. В результате их усилий Сахаров обрел свободу на три последних года жизни, за которые он научил многих людей в нашей стране различать ложь и правду и помог им избавиться от страха, вернуть веру в самих себя, веру в человека.

Большинство присутствующих не знали Сахарова лично, да-леко не все были его единомышленниками, очень немногие друзья-ми. Нас объединяет то, что все мы — его современники. Современники человека, который при жизни стал легендой, но не любил мифов о себе. Современники человека, чья судьба по-разному (доброжелательно или зло) привлекала внимание многих людей во всем мире. Теперь она привлекает тоже, но часто спекулятивно. Печально, когда это делают люди, представляющие демократическое крыло. Не именуйтесь друзьями Сахарова, объявившись после звонка Михаила Горбачева в Горький. Не нажи-вайте политического капитала столь легковесно. Мне стыдно за вас перед теми, кто ходил в дом под неусыпным оком КГБ, кто пробирался в Горький, кто в США закладывал дом, чтобы собрать деньги на кампанию защиты Сахарова.

Здесь присутствуют люди из разных миров. Люди разных профессий и социального положения, представители различных партий и движений, различных взглядов. Спасибо всем, кто от-кликнулся на наше приглашение и пришел в этот зал.

Я благодарна президенту Португалии Марио Соарешу. Под его покровительством и с его участием в 1983 году в Лиссабоне проходили Четвертые Сахаровские слушания, и он был первым главой государства, который в самом начале наших хлопот по организации конгресса принял мое приглашение и тем вселил на-дежду, что из нашей затеи что-то получится.

Я благодарю Председателя национального собрания Чехо-Словакии Александра Дубчека. 1968 год стал точкой отсчета для тех, кого принято называть диссидентами. Семь человек вышли на Красную площадь с лозунгом «За вашу и нашу свобо-ду». И с этого года началось широкое становление диссидентской гласности в СССР. Все ее участники видели в чешских и словац-ких друзьях пример мужества и стойкости. И я счастлива повто-рить здесь в присутствии пана Александра: «За вашу и нашу свободу».

Я благодарю Президента СССР Михаила Горбачева и Пред-седателя Верховного Совета России Бориса Ельцина. Их при-сутствие на этом демократическом собрании безусловно будет способствовать успеху в нашей работе, расширяя круг лиц, ко-торые заинтересованно отнесутся и ответят на рекомендации конгресса, рабочая часть которого начнется завтра.

Ровно два года назад с I Съезда народных депутатов СССР прозвучал вопрос: «Кто такой Сахаров, что ему разрешают говорить?» После меня на эту сцену выйдут директор Физиче-ского института имени Лебедева академик Леонид Келдыш, директор Стенфордского ускорителя доктор Сидней Дрелл, про-

фессор Корнельского университета доктор Юрий Орлов и Председатель национального собрания Чехо-Словакии Александр Дубчек. Они каждый по-своему ответят на вопрос: «Кто такой Сахаров?»

А потом начнется праздник — день рождения Андрея Дмитриевича. Мы услышим наших любимых музыкантов и друзей: Святослава Рихтера, Мстислава Ростроповича, Владимира Спивакова с его виртуозами и Литовский хор.

Я надеюсь, что этот праздник будет внутренне созвучен строкам Жуковского:

- О милых спутниках, которые наш свет
- Своим сопутствием для нас животворили,
- Не говори с тоской: *их нет,*
- Но с благодарностью: *были.*

Благодарю за внимание.

ПОБЕДИТЕЛЕЙ НЕ СУДЯТ

Поэт может сказать: «...пораженья от победы ты сам не должен отличать». И поэт может так жить! А как быть нам?

14 апреля на наших экранах мы увидели Саддама Хусейна, свершавшего молитву в курдском городе Эрбиле во славу своего оружия и своего воинства. Победителем оказался багдадский диктатор, а не коалиционные силы под командованием генерала Шварцкопфа. Старая истина, что генералы побеждают, а дипломаты проигрывают их победы, вновь явилась перед миром в самом обнаженном и неприкрытом виде, на этот раз упакованная в блестящую обертку доктрины невмешательства во внутренние дела суверенной страны. Внутренним делом оказались и черный маслянистый снег, покрывший вершины некогда белоснежных Гималаев, и гибнущий под нефтяным покрывалом Персидский залив. И, согласно этой доктрине, решено считать внутренним делом 2 миллиона курдов, умирающих от голода и холода в горах между Ираком и Турцией, а также миллион иракских курдов, спасающихся от гибели в Иране.

Геноцид — дело внутреннее? Но тогда надо пересмотреть историю. С нашей короткой памятью или манкуртовской беспамятностью уже позабылись 5 миллионов афганских беженцев и миллион с хвостиком погибших мирных жителей Афганистана, — чье это внутреннее дело? СССР, Афганистана или Пакистана? Дым Освенцима и кровь на стенах Моабита тоже внутреннее дело

одной страны, одного случайно возникшего режима, который и просуществовал всего каких-то жалких 12 лет? И внутреннее дело СССР (пожалуйста, не изучайте в других странах, не пишите, не публикуйте книг) отечественные Колыма, Воркута, Хатынь, наполовину уничтоженные переселенные народы? И уж конечно, внутреннее дело Оттоманской империи геноцид армян и курдов в 1915 году? Было давно — можно не вспоминать? Можно забыть и более близкое время — 1988 год, смерть от газов десятков тысяч курдских детей, женщин и стариков, более 2000 курдских деревень, стертых с лица земли так, что и следа не найдешь, армией давнего друга СССР, сегодняшнего героя-победителя.

Высокие политики и государственные деятели приводят важные доказательства необходимости применения доктрины невмешательства во внутренние дела, не ощущая циничности своих аргументов, в то время когда на глазах у всего мира (буквально на глазах, потому что ежевечерне мир видит это на экранах телевизоров) тысячи младенцев умирают на руках у обезумевших от горя матерей. Утверждается, что Ирак должен остаться единым государством. Не для того ли, чтоб сохранить рынок оружия? Что Ирак превратится во второй Ливан. А разве по числу погибших за время правления партии Хусейна он уже давно не превзошел Ливан? Еще говорят, нельзя обижать Турцию, которая боится создания курдского государства — вдруг и ее курды захотят самоопределиваться, а она — партнер по НАТО. Обижать действительно никого не надо. Но как тогда понимать Европейскую Хартию, которую подписали все страны — члены НАТО? Разве право народов на самоопределение — это прерогатива только европейских народов? И если так, то чем это лучше расовой теории или национал-социалистских утверждений, что славяне — люди второго сорта, а евреи и цыгане подлежат уничтожению?

То, что происходит сегодня с курдами, — позор для ООН, ответственность за который больше всего несут государства — постоянные члены Совета Безопасности. Выдав коалиционным силам мандат на военное решение кризиса в заливе, ООН обязана была взять на себя и заботу о населении Ирака — арабах-шиитах и курдах, учитывая их естественное стремление к освобождению от истребительного диктаторского режима, а не оставлять их один на один с вполне сохранившейся военной машиной, созданной в Ираке не без помощи государств — членов Совета Безопасности. Это во-первых. Во-вторых, ООН провозгласила Всеобщую Декларацию прав человека и, следуя ее букве и духу, не может, не должна считать геноцид народа внутренним

делом какой бы то ни было страны. Геноцид шиитов на юге Ирака. И геноцид курдов — на севере. От этой проблемы уже нельзя откупиться гуманитарной помощью: тюками с продовольствием и одеялами или организацией лагерей беженцев в Турции и Иране. Курды должны жить на той земле, где они жили с до-библейских времен. Никакие прагматические (лжепрагматические!) рассуждения не могут стать оправданием того, что почти тридцатимиллионный народ на пороге третьего тысячелетия по христианскому летосчислению будет истреблен и остатки его превратятся в народ беженцев — сегодня курды Ирака, завтра Турции, послезавтра Ирана и Советского Союза. Впрочем, у нас большинство курдов — беженцы еще со времен сталинского переселения народов. Судьба их не лучше всех в прошлом лишенных родины народов и народов, сегодня подвергающихся геноциду, — наша Осетия и наш Карабах.

Тем поразительней, что называющая себя демократической общественность на пленуме движения Демократическая Россия, проходившем в Москве 13 и 14 апреля, воздержалась от принятия заявления по курдской проблеме. У нас-де своих забот хватает! Неужто тем, кто считает себя демократами, может показаться, что их молчание облегчит решение проблем, стоящих перед Россией? В очередной раз — «потому что молчание — золото»?

И еще одно молчание — уже не наше — поражает. У всех на памяти январские западные антивоенные демонстрации. Где же те люди с лозунгом: «Нет крови за нефть»? Им, выходит, курдская кровь — водица? И где молодые красавцы из движения «Гринпис»? Почему не звучит на весь мир их призыв судить Саддама Хусейна за экологические преступления такого масштаба, каких еще не видела наша планета? Ждут следующих его преступлений? Или все еще у пацифистских и экологических движений Запада, при несомненной личной искренности его рядовых участников, есть закулисные дирижеры — опытные политические манипуляторы?

Времена якобы нового мышления, якобы новых доктрин!

Вспоминается давнее. Однажды в прохладе зеленого ресторанного садика в курдском городе Сулеймания я была свидетелем спора двух поколений курдских лидеров. Молодые доказывали, что курдам пора переходить к террористическим методам, взрывать паромы и самолеты, подкладывать взрывчатку в посольские машины и брать заложников. Тогда политические деятели, дипломаты и международные организации, в том числе и ООН, начнут всерьез воспринимать курдскую проблему. Мирных обращений они не слышат. Но мудрый Мустафа Барзани убеждал

их, что дело курдов справедливое и методы их борьбы должны быть справедливыми. Я всегда думала, что он прав. А сегодня нет-нет да и проскальзывает мысль о том, что продуть уши и протереть глаза тем, кто вершит мировую политику, могут только взрывы бомб. И, боюсь, мы дождемся новой вспышки мирового терроризма: мы все — и правые, и виноватые, потому что терроризм слеп. Терроризма дождемся! А вот дождется ли ООН выполнения своих решений о возмещении убытков, прекращении продажи оружия Ираку и прочего от Саддама Хусейна, это представляется весьма сомнительным. Скорей он, после столь блистательной победы, объявит себя генералиссимусом и тем подтвердит гуляющую по Москве байку, что он сын «отца народов», а также старое как мир правило, что победителей не судят! 15 апреля в передаче «Время» Саддам Хусейн вновь сиял улыбкой на наших телеэкранах!

14 апреля 1991

СОДЕРЖАНИЕ

Кому нужны мифы? Андрей Сахаров. Открытое письмо президенту Академии наук СССР А. П. Александрову (20 октября 1980 г.)	3
Осторожно: коммунизм! Ответное слово Елены Боннэр на вручении ей почетной награды на коллоквиуме в Париже 8 марта 1990 г.	15
«Итоги выборов, ситуация в Литве и другие проблемы...» Пресс-конференция Елены Боннэр 20 марта 1990 г. в Сан-Франциско	17
Открытое письмо Президенту США Джорджу Бушу	22
Пять лет перестройки. Изменила ли страну «бескровная революция»?	23
Социализм и миф о социализме	29
Только правдой единой	32
Живем штампами? Или какой представилась наша ситуация из-за океана	37
Часть планеты, которая раньше называлась «социалистический лагерь»	40
«Сады Сахарова». Интервью с Еленой Георгиевной Боннэр	43
Имущество и власть	51
Произошло то, что ничего не произошло. Субъективные заметки о XXVIII съезде КПСС	52
«Несуны» от литературы	56
Несколько писем по личным вопросам	59
Неопубликованное письмо Е. Г. Боннэр в «Огонек»	59
Письмо Е. Г. Боннэр М. С. Горбачеву	62
Письмо В. В. Бакатина Е. Г. Боннэр	62
Письмо Е. Г. Боннэр В. В. Бакатину	63
Два вопроса генералу	63
Кровь продолжает литься	65
«Анатомия ненависти»	70
«Долгострой». Как я вижу сегодняшнее состояние Советского Союза	75
Играем Гоголя	79
Всего страшнее полуправда... Выступление на открытии международного семинара «Перестройка и гласность»	81

Пока народ безмолвствует	85
Закон — не ворота, можно и объехать	87
Что же вы, ребята-демократы?..	88
Четыре даты. Воспоминания о его «Воспоминаниях»	93
Война уже идет. Письмо в норвежское посольство	110
Звонит колокол...	112
Новое блюдо по старому рецепту	114
Мартовские иды, или Десять дней до и после референдума	120
Открытое письмо народным депутатам СССР	122

Елена Георгиевна **Боннэр**
ЗВОНИТ КОЛОКОЛ...
(Год без Андрея Сахарова)

Главный редактор
изданий публицистики и политологии
Яков Костюковский

Редактор *Сергей Николаев*
Художественные редакторы
Михаил Гуров, Федор Меркуров
Технический редактор *Лидия Золотухина*
Корректор *Светлана Цыганова*

Сдано в набор 10.05.91. Подписано к печати 21.08.91.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,44
Заказ № 946. Цена 5 р.
Без объявления тиража

Независимое издательство ПИК
103104, Москва, Тверской бульвар, 25
Ордена Трудового Красного Знамени Московская
типография № 7 «Искра революции»
В/О «Совэкспорткнига» Государственного
комитета СССР по печати.
103001, Москва, Трехпрудный пер., 9.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

ПИК

в 1991 году выйдет в свет

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

ЗОНА. КОМПРОМИСС. ЗАПОВЕДНИК

Повести

До эмиграции в США в 1979 году Сергей Довлатов служил в армии, работал журналистом в Таллинне, смотрителем заповедника в Пушкинских Горах (еще — был студентом, безработным и так далее).

Сергею Довлатову удалось то, что в литературе — редкость: создать свой собственный жанр, самую достоверность биографии своей превратить в литературу. Печальную и смешную, драматичную и, если угодно, «легкомысленную» (то есть — легкую и естественно передающую читателю авторские мысли и настроения). Повести, составившие книгу, — это автобиография, ставшая увлекательной прозой.

Сергей Довлатов нетерпеливо ждал, но, увы, не дождался этой книги. В августе 1990 года писатель скорострительно скончался. Было ему всего 49 лет.

МАРК ПОПОВСКИЙ

ЖИЗНЬ И ЖИТИЕ ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО, АРХИЕПИСКОПА И ХИРУРГА

Документальное повествование о жизни выдающегося ученого, истинного христианина Войно-Ясенецкого, пронесшего свет веры через долгий путь мучительных притеснений, преследований, репрессий.

Марк Поповский широко известен рядом документальных исследований, подвергшихся в официальной советской критике 60—70-х годов идеологическому разгрому. Принужденный к эмиграции, живет в Нью-Йорке. Первое отечественное издание книги существенно дополняется фотодокументами, ранее не публиковавшимися. Книга предворена вступительным словом покойного протоиерея Александра Меня.

Мне хочется предостеречь вас всех от излишнего увлечения любыми идеологиями. Идеологии почти всегда призваны так или иначе разделять людей. Я сказала бы, что единственная идеология, которой мне лично хотелось бы следовать, — это идеология защиты прав человека. Вне зависимости от цвета кожи, независимо от того, на каком континенте он живет, независимо от его вероисповедания.

Елена Боннэр